

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Чжан Шучунь

**НОМИНАЛИЗАЦИЯ АДЪЕКТИВОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Кукушкина О.В.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. НОМИНАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	12
1. Номинализация как особое языковое преобразование.....	12
2. Формальные средства, используемые в разных языках для номинализации..	15
3. Номинализация с функциональной точки зрения.....	18
4. Номинализация с семантической точки зрения	23
5. Проблемы, связанные с изучением русской адъективной номинализации.....	28
6. Словообразовательные аспекты изучения номинализации адъективов	32
7. Проблема семантического осложнения синтаксических дериватов	50
8. Типы транспозиционных употреблений отадъективов	57
9. Проблемы словарного описания отадъективов.....	61
10. Стилистические особенности адъективной номинализации	63
11. Проблема номинализации в свете задач компьютерной и корпусной лингвистики	65
Выводы по Главе I.....	66
ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ ОБ ОТАДЪЕКТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.....	69
1. Причины выбора «Толкового словаря русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой как основного источника данных	69
2. Анализ данных ТСШ	71
2.1. Анализ состава синтаксических дериватов.....	72
2.2. Типы словообразовательных мотиваторов слов на <i>-ость</i>	77
2.3. Соотношение лексической и синтаксической деривации у существительных на <i>-ость</i>	84
2.4. Регулярная полисемия у слов на <i>-ость</i>	85
2.5. Слова на <i>-ость</i> с параметрическим значением.....	89
2.6. Регулярные виды переноса “признак > субъект” у слов на <i>-ость</i>	99

Выводы по Главе II	102
ГЛАВА III. АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ НА -ОСТЬ В ГАЗЕТНЫХ	
ТЕКСТАХ.....	104
1. Корпус «Русские газеты конца XX века» и ставившиеся задачи его исследования.....	104
2. Состав и частотность слов на -ость в Корпусе.....	106
3. Словообразовательные и грамматические особенности слов на -ость в Корпусе	109
4. Описание употреблений многозначного слова на -ость (на примере слова <i>реальность</i>).....	112
4.1. Описание значения слова реальность в словарях.....	112
4.2. Описание употреблений слова реальность	114
4.2.1. Употребления с зависимым носителем признака	116
4.2.2. Описание употреблений без зависимого носителя признака.....	119
4.3. Особенности слова реальность на фоне китайского языка	130
Выводы по Главе III	135
ГЛАВА IV. ИМЕНА С СУФФИКСОМ -ИЗМ КАК СРЕДСТВО	
НОМИНАЛИЗАЦИИ.....	137
1. Специфика лексикографического описания существительных на -изм	137
1.1. Описание слов на -изм в ТСШ	137
1.2. Описание слов на -ИЗМ в ССА.....	142
1.3. Семантические особенности имен качеств на -изм	145
2. Особенности употреблений слов на -изм в Газетном корпусе текстов	148
3. Особенности русских отадъективов на -изм на фоне китайского языка	157
3.1. Способы передачи транспозиционного значения русских СД на -изм в китайских эквивалентах	157
3.2. Регулярные семантические типы носителей у слов на -изм	163
Выводы по Главе IV	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	171
ПРИЛОЖЕНИЕ. Слова с суффиксом <i>-изм</i> с из Газетного корпуса, у которых зафиксирована функция СД.....	187

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших проблем современной лингвистики является изучение языковых преобразований. Как отмечал В.Г. Гак, изучение факторов и назначения таких преобразований, построение их общей типологии, помимо теоретической значимости, «может иметь и практическое назначение для более полного описания и выявления процессов, происходящих в истории языка, в функционировании языка, упрочить основу для теории и практики перевода, лексикографии, стилистического анализа и т.п.» [Гак 1998: 10].

Одним из важнейших типов языковых преобразований является *номинализация*. Этот термин, в узком его значении, обозначает синтаксическую операцию, единственной целью которой является замена предикативной синтаксической функции исходного знака на “предметную”. Это преобразование маркируется изменением части речи исходного признакового слова и превращением прилагательных и глаголов в существительное. С развитием ономастического и когнитивного подходов к изучению языка стало очевидно, что за этой чисто синтаксической, на первый взгляд, операцией стоят важные семантические и когнитивные преобразования (см., например, [Арутюнова 1974/2009], [Борисенкова 2000], [Кубрякова 1981/2018], [Кубрякова 2004] и др.). С помощью номинализации абстрактные действия и качества становятся самостоятельными объектами мышления и темой рассуждения.

Объектом исследования в данной работе является номинализация адъективов в современном русском литературном языке (далее СРЛЯ). Под адъективами в работе понимаются не только прилагательные, но и единицы других частей речи, от которых могут образовываться имена качества, оформляемые как существительные. Для называния средств (производных слов), с которыми реализуется номинализация адъективов, в данной работе описываются как *номинализаторы*.

Непосредственным **предметом** исследования являются два основных словообразовательных типа, с помощью которых в русском языке осуществляется номинализация адъективов – существительные с суффиксами *-ость* и *-изм*.

Актуальность исследования связана со сложностью формального и семантического устройства синтаксической деривации в СРЛЯ. В русском языке номинализация используется очень активно, однако это грамматическое преобразование осуществляется словообразовательными, а значит недостаточно регулярными и предсказуемыми средствами. Это хорошо показывает неоднократно предпринимавшееся описание русских отглагольных имен действия. Что касается русских имен качества, то их образование считается более регулярным. Это касается прежде всего существительных на *-ость*. Однако, анализ показывает, что и здесь номинализация имеет свои особенности. Они нуждаются в систематизации и описании.

Научная **новизна** данной диссертационной работы связана с получением новых данных, касающихся состава русских синтаксических дериватов (далее – СД), количественного соотношении однозначных и многозначных имен качеств, способов их лексикографического описания, частотности их употребления в текстах.

Теоретическая значимость работы связана с обсуждением механизмов семантического осложнения, сопровождающего номинализацию, и с выявлением регулярного характера многозначности, возникающей при образовании русских имен качеств.

Практическая значимость определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы в курсах по русскому словообразованию и лексикографии, а также применены при обучении инофонов, для создания лексикографических продуктов, в том числе используемых при автоматическом анализе русского текста.

Главной **целью** исследования является описание массива русских имен качества двух типов (на *-ость* и на *-изм*) с точки зрения их состава, мотиваторов,

функций и значения. Для достижения поставленной цели были решены следующие основные задачи:

1. рассмотрены основные теоретические проблемы, связанные с синтаксической и лексической деривацией;
2. проанализировано лексикографическое описание имен качеств (по Толковому словарю под редакцией Н.Ю. Шведовой¹), на основе чего установлен их лексикографированный состав;
3. проанализировано соотношение лексических и синтаксических дериватов, а также “смешанных” слов среди производных на *-ость* и выявлены типы их значений (по словарным данным);
4. проанализирован состав и некоторые особенности употребления слов на *-ость* и *-изм* в Корпусе газетных текстов;
5. рассмотрен вопрос о наличии регулярной многозначности у имен качеств и механизмах ее возникновения.

Основным **материалом** исследования послужили данные, извлеченные из «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой и электронного корпуса текстов «Русские газеты конца XX века»².

Для проведения исследования был применен в первую очередь описательный (в том числе количественный) метод, а также некоторые методы корпусной лингвистики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проведенное исследование подтвердило достаточно высокую регулярность функции синтаксического деривата у русских существительных на *-ость*. Выяснилось, что из всех зафиксированных в ТСШ слов на *-ость* доля чистых синтаксических дериватов составляет 90%. При этом, как показал корпусной

---

¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. Далее – ТСШ.

² Корпус и база данных созданы в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (ЛОКЛЛ) филологического факультета МГУ.

анализ, для значительного числа наиболее употребительных в газетных текстах производных на *-ость* характерна многозначность или отсутствие значения синтаксического деривата.

2. Семантический потенциал слов на *-ость* и *-изм* имеет регулярный характер и состоит из трех видов значений: чисто транспозиционного, параметрического и “предметно-вещественного”. Это порождает регулярную многозначность, которая может быть представлена в полном объеме у одного слова (ср. *емкость*: *его емкость делает его очень удобным; емкость сосуда составляет...; он заполнил очередную емкость водой*). Есть все основания рассматривать эти три вида значений как результат работы трех разных преобразований: 1) чистой транспозиции (синтаксической деривации); 2) транспозиции, осложненной модификацией исходного значения, которая заключается в устранении исходной семы ‘*таgn*’ и превращении значения высокого уровня качества в параметр, имя шкалы; 3) компрессии исходной именной группы “признак + субъект”, приводящей к возникновению лексического деривата с переносным значением типа ‘субъект, именуемый по признаку’.

3. Имена качества на *-изм* активно выполняют в русском языке функцию номинализации, хотя мотивируются в большинстве своем существительными, а не прилагательными. При образовании таких имен используется более сложный, чем транспозиция, механизм – “извлечение” качественной семы, содержащейся в лексическом значении заимствованного существительного, обозначающего ‘лицо/предмет/явление с определенными свойствами’, и экспликация этой семы с помощью отдельного имени качества. С помощью *-изм* за счет заимствованных (прежде всего интернациональных) корней русский язык активно пополняет арсенал русских наименований качеств, характеризующих особенности поведения людей и специфику разного рода интеллектуальных продуктов.

4. При всей практической важности указания на наличие у конкретного существительного функции синтаксической деривации, русские словари описывают ее недостаточно эксплицитно и последовательно. Это связано прежде

всего с потенциальным характером многих синтаксических дериватов, с их большой дискурсивной обусловленностью и исторической изменчивостью семантики их означающих в русском литературном языке. Все это делает важной задачу постоянного мониторинга текстов разного типа и определения состава используемых в них имен действия и качества. Автоматизации этого процесса может в значительной мере способствовать опора на диагностический контекст. Как показал проведенный анализ, в качестве него для слов на *-ость* и *-изм* может использоваться конструкция '*-ость, -изм чего/кого*'.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

Во **введении** представляются основные характеристики работы: ее актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Описываются материал, методы, объект, предмет, цель и задачи исследования, а также основные положения, выдвигаемые на защиту диссертации.

В **первой главе** «Номинализация как объект лингвистического исследования» изложены основные теоретические основания изучения номинализации в российской и зарубежной лингвистике.

Вторая глава посвящена особенностям лексикографических описаний русских отадъективных номинализаторов с продуктивным суффиксом *-ость*, а также соотносительных с ними прилагательных. В качестве основного материала был использован «Толковый словарь русского языка с включением сведений об этимологии слов» под ред. Н.Ю. Шведовой, содержащий 82 000 слов и фразеологических выражений. Выяснилось, что семантика производных существительных на *-ость* характеризуется парадигматичностью. В семантическую парадигму слов на *-ость* входят три основных типа значений – чистое транспозиционное (значение СД), параметрическое и опредмеченное, из которых значение СД является основным. На основе толкований также были выявлены 19 основных семантических классов, характерных для слов на *-ость* с мутационно-опредмеченным значением. Анализ показал, что семантическое

разнообразие существительных на *-ость* достаточно велико, притом развитие значений лексического деривата (далее – ЛД) у номинализаторов на *-ость* носит частый характер и осложняет изучение данного типа существительных тем, что регулярная для них полисемия требует снятия при анализе текста.

В **третьей главе** данный продуктивный тип образований рассматриваются с опорой на их употребления в электронных корпусах. Выявлены самые частые слова с данным суффиксом, а также слова, которые отсутствуют в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка. Предположим, данные списки слов дают представление о новых и/или актуальных качествах-свойствах, характерных для российского общества конца XX-го века. В целях разработки эффективных алгоритмов для определений разных типов значений у слов на *-ость* также был проведен контекстный анализ всех 96-и употреблений многозначного слова *реальность* в корпусе «Русские газеты конца XX-го века». Были выявлены самые частотные контекстуальные типы, характерные для употреблений данного слова, и был проведен сопоставительный анализ с китайским языком с целью выявления особенностей русской транспозиции с суффиксом *-ость*. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что, описываясь в научной литературе как относительно регулярный и «несамостоятельный» тип образований, существительные на *-ость* при реальных употреблениях характеризуются непредсказуемостью и неоднозначным пониманием. Все изложенное свидетельствует о сложности описания данного типа трансформации как чистой грамматической операции и о необходимости дальнейшего изучения таких «регулярных» образований, как существительные с суффиксом *-ость*.

В **четвертой главе** существительные с суффиксом *-изм* как второй регулярный тип отадекватной номинализации анализируются на основе словарных и корпусных данных. На основе толкового и морфемного словарей были выявлены основные особенности описаний слов с данным суффиксом, и были проанализированы контексты с употреблениями слов на *-изм* в сочетании с именем субъекта-носителя (“*-изм* кого/чего”) из электронных корпусов. Сопоставительный

анализ с китайским языком с помощью перевода позволил выявить те особенности русской номинализации с суффиксом *-изм*, которые сложно раскрывать на материале одного языка.

В **заключении** даются обзор полученных в ходе исследования важных результатов и предложения по дальнейшему исследованию.

Апробация работы. По теме работы было опубликовано 10 научных работ, в том числе 4 статьи в журналах, включенных в список рецензируемых научных изданий филологического факультета МГУ. Главные результаты исследования обсуждались на VI международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20–23 марта 2019 г.), на международной конференции «Лексикография и коммуникация – 2021» (Белгород, НИУ БелГУ, 15–16 апреля 2021 г.), на международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии и пути их решения в свете глобальных трансформаций» (Москва, РУДН, 29 мая 2021 г.), на I Международной научно-практической конференции Национального общества прикладной лингвистики «Языки и культуры в глобальном образовательном пространстве» (Москва, НИУ ВШЭ, 7–8 октября 2021 г.), на Международной научно-практической конференции «Инязовские чтения – 2021» (Москва, МГЛУ, 15 октября 2021 г.), на Международной научно-практической конференции «Язык современной науки» (Пермь, ПГНИУ, 22 октября 2021 г.), на XII Всероссийской научно-практической конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (Москва, РУДН, 11 ноября 2021 г.), на Республиканской научно-практической конференции молодых ученых «Теория и практика коммуникации» (Тирасполь, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 24 февраля 2022 г.), на Казанском международном лингвистическом саммите «Современная лингвистика от теории к практике» (Казань, КФУ, 14–16 ноября 2022), и на Международной научно-практической конференции «Лингвистика и образование» (Москва, МПГУ, 24–25 ноября 2022 года).

ГЛАВА I. НОМИНАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Номинализация как особое языковое преобразование

Суть номинализации невозможно понять, не рассматривая его в связи с другими существующими в языке видами языковых преобразований. Такие преобразования являются важнейшей частью и особенностью естественных языков, заключающейся в наличии в них вариативности.

Языковые преобразования, как утверждает В.Г. Гак, представляют собой «сердцевину развития и функционирования языка» [Гак 1998: 9]. Их основное значение он видит в том, что «различия в номинации, изменение отношений номинации объясняются изменением взгляда именуемого субъекта на именуемый объект» [там же].

Работавший над общей типологией форм языковых преобразований, В.Г. Гак назвал общий механизм, лежащий в их основе, *реноминацией* (переназыванием) [там же]. Реноминация понимается как «изменение соотношенности между элементами планов выражения и содержания», которое проявляется «в двух основных аспектах: изменение означаемого при сохранении означаемого (изменение отношений номинации, ономаσιологический аспект) и изменение означаемого при сохранении означающего (изменение отношений референции, семасиологический аспект) [там же].

Номинализация относится к реноминации первого типа, при которой исходное значение сохраняется. При уточнении конкретного вида преобразований, к которому относится номинализация, используют термины, *трансляция* и *транспозиция*.

В зарубежной лингвистике активно используется термин *трансляция* (фр. la translation), введенный французским лингвистом Л. Теньером для описания изменения синтаксических позиций слова того или иного семантического разряда. В качестве примера он использует словосочетание *le livre de Pierre* ('книга Пьера'), где имя существительное с предлогом синтаксически играет роль определения. При

этом он отмечает, что во французском языке значение принадлежности предмета выражается предлогом *de*, а в других языках, где сохранилась система падежей, такое же значение выражается генитивом. Он считает важным различить две операции – изменение морфологической категории слова (*le changement de catégorie*) и изменение синтаксической функции (*le changement de fonction*). При этом только первая операция составляет трансляцию, а изменение позиции является лишь результатом первой операции [Tesnière 1959: 361].

По Теньеру при трансляции изменение синтаксической функции является не целью преобразования, а результатом изменения категории слова. Стремясь к разработке метода для описания «общего синтаксиса» (*une syntaxe générale*), он рассматривает французский вариант *de Pierre*, генитив в латинском языке *Petri* и генитив в английском языке *Peter's* как синтаксически эквивалентные единицы, хотя они морфологически различаются между собой [там же].

Термин «трансляция» также использовался И.А. Мельчуком для обозначения типа деривации, при котором «изменение части речи является единственной целью и единственным содержанием образования» [Мельчук 1998: 462]. При осуществлении деривации такого типа мотивированное слово приспособляется к «соответствующему синтаксическому контексту», где по нормам языка должно выступать слово иной части речи. Для такой цели в языках используются средства и синтаксические (с помощью придаточных предложений), и морфологические (номинализованные синтаксические дериваты) [там же].

Термин *транспозиция* имеет как узкое, так и широкое значение. Е.С. Кубрякова, говоря о важности развития понятия *транспозиция*, определяет транспозицию как «возможность перевода знака из одного класса в другой», т.е. максимально широко [Кубрякова 1981/2018: 146]. При этом автор отмечает, что такое понимание было в работах Ш. Балли, и что уже им были намечены два типа транспозиции – семантическая транспозиция (с изменением лексического значения) и функциональная транспозиция (без изменения лексического значения). В

дальнейшем эта идея найдет развитие в виде противопоставления лексической и синтаксической деривации, обоснованного Е. Куриловичем [там же].

В.Г. Гак, как и многие другие лингвисты, использует термин *транспозиция* в более узком значении – для обозначения преобразований без изменения лексического значения – и выделяет здесь два подтипа: транспозиция грамматических категорий (числа, времени) и транспозиция частей речи [Гак 1998: 376]. Транспозиция грамматических категорий традиционно описывается в русистике с помощью понятия «переносные употребления форм». См., например, описание употреблений форм глагола в «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980]. Номинализация же имеет непосредственное отношение к транспозиции частей речи.

В лингвистических работах в первую очередь идет речь о номинализации процессов, т.е. преобразовании глаголов в существительные. Ср.: «Номинализация процесса, то есть обозначение его существительным, а не глаголом, широко используется в разных языках, выступая, однако, в каждом из них в специфических условиях» [Гак 1998: 395].

Однако номинализация затрагивает и признаковые, адъективные слова, оформленные как прилагательные и причастия. Ср.: *Он очень красив!* > *Его красота...* Поэтому важным моментом в понимании сути номинализации явилось определение исходной для нее единицы (транспоненда, по терминологии Ш. Балли) как **сказуемого (предиката)**, а не просто глагола.

Понимание этого позволило расширить число исходных для номинализации частей речи. Так, И.А. Мельчук включает в номинализацию несубстантивных частей речи и наречия ($V \Rightarrow N$, $Adj \Rightarrow N$ и $Adv \Rightarrow N$). При этом он отмечает, что первые два типа являются типичными видами номинализаторов, которые в русском языке образуются гораздо чаще, чем от наречий [Мельчук 1998: 462].

Таким образом, номинализация может рассматриваться как образование субстантивов особого рода от всех знаменательных частей речи, способных выступать в позиции предиката.

Номинализация – явление многоаспектное. И чтобы исследовать это явление во всей его сложности, необходимо учитывать все три главных аспекта частеречной транспозиции – «структурный, содержательный и функциональный. Первый касается формы транспоненда и транспозита, второй — вида перехода из одного класса к другому, третий – контекстуальных условий реализации данной трансформации» [Гак 1998: 384]. В современной лингвистике эти аспекты получают еще и когнитивное “измерение”.

2. Формальные средства, используемые в разных языках для номинализации

Языки различаются прежде всего средством транспозиции (транспозитором). Как отмечает В.Г. Гак, есть пять универсальных способов осуществления транспозиции «а) изменение окружения без изменения формы слова; б) изменение морфологических категорий слова; в) использование служебных слов; г) использование десемантизированных знаменательных слов в полуслужебной функции; д) супплетивизм основ» [Гак 1998: 384].

Первые два из этих способов В.Г. Гак называет синтетическими и характеризует так: «перевод семантемы в новый функциональный класс отмечается морфологическим средством (аффиксом, флексией) или синтаксическим окружением. Третий способ определяется как морфолого-аналитический – здесь активно используются предлоги. Четвертый способ называется лексико-аналитическим [там же: 378–379].

Языки различаются тем, какие способы используются для номинализации. Во французском языке, например, как и в русском, для образования транспозиционных субстантивов используются разные словообразовательные способы и средства. Отглагольные синтаксические производные (имена действия) могут быть образованы и суффиксальным способом (суффиксы *-ion*, *-ation*, *-ment* и т.п.), и безаффиксальным (конверсией), а отадъективные синтаксические дериваты (имена качества) образуются прежде всего с помощью суффиксов (*-té(ité)*, *-esse*, *-ure* и т.п.) [Мельчук 1998: 462].

В английском языке разнообразие словообразовательных средств свойственно отглагольному образованию, зато в отадъективной синтаксической деривации обнаруживается более системный характер [там же]. Кроме того, важной особенностью является использование в английском языке и словоизменительного способа отглагольной номинализации – образование герундия на *-ing*. Являясь словоформой глагола, номинализация такого типа способна сохранять целый ряд свойств исходного слова (грамматическую категорию времени, сочетаемость с наречием и обстоятельственными придаточными, возможность управлять прямым дополнением и т.д.), но лишена категориального значения числа, присущего транслативному производному существительному [там же: 466].

В китайском языке при номинализации используется как мена синтаксического окружения, так и способ, близкий к словоизменительному. «В древнекитайском практически любой предикатив (то, чему в русском или французском соответствует глагол или прилагательное) может превращаться в абстрактное существительное – имя действия или качества. Для этого достаточно поместить нужный глагол в синтаксическую позицию существительного, т.е. использовать его как подлежащее, как дополнение и т.п. В современном китайском наблюдается то же явление, хотя и в меньших масштабах» [Мельчук 2001: 356–357].

В китайском и кантонском языках также используется морфолого-аналитический способ номинализации – со служебным словом *de*. Оно используется как «маркер номинализации» (см., например, [Zhu 1961], [Lu 1957], [Li, Thompson 1989], [Guo 2000] и др.). Это вставное служебное слово «*de*», нередко описываемое российскими китаистами как частица, синтаксически связывает атрибут с его актантом, и указывает на семантическое ядро номинализованной конструкции – оно всегда должно стоять перед существительным, являющимся центром словосочетания и определяемым объектом. Например, как отмечают лингвисты, конструкция «*zhe benshu de chuban*» (*эта книга de издать* ‘издание этой

книги’) «воспринимается как событие» и содержит информацию о номинативной синтаксической роли единицы, перед которой стоит [Li, Yang 2020].

Примером роли служебного слова «de» при морфолого-аналитической транспозиции может служить также следующее преобразование: возможность замены словосочетания *yǒnggǎn de lièrén* (‘смелый охотник’) на номинализованную конструкцию *lièrén de yǒnggǎn* (охотник de смелый ‘смелость охотника’), в которой лишь порядком слов и местом частицы «de» определяется синтаксическое отношение между компонентами *yǒnggǎn* (признак ‘смелый’) и *lièrén* (‘охотник’).

Специалисты в области типологии считают целесообразным различить языки, в которых лексические единицы «специализированы» (*specialized*) для выполнения определенных синтаксических функций, и языки, для которых не характерна такая специализация [Hengeveld et al. 2004]. В языках, в которых лексические единицы одной части речи способны выполнять синтаксические функции, характерные для двух или больше частей речи, используются другие средства для обеспечения «идентифицируемости» (*identifiability*) синтаксических структур, вследствие чего порядок слов в таких языках более фиксирован [там же]. Это верно для китайского языка. С 60-х гг. XX века среди китайских лингвистов распространяется мнение о том, что глаголы в китайском языке сами по себе способны выступать в позиции подлежащего или дополнения, не изменяя свою форму и частеречную принадлежность (см., например, [Zhu Dexi 1984], [Guo Rui 2002]).

Важное значение в таких случаях приобретает понятие «синкретизм». Оно позволяет различать синкреты, которые одновременно принадлежат более чем к одной части речи, и слова, относящиеся только к одной части речи. Такие слова нуждаются в особых морфологических средствах для перенесения их значения во вторичные синтаксические позиции. Частеречный синкретизм характерен в той или иной мере даже для языков типа русского, в котором высока степень специализации лексических единиц и развита система частей речи. Он наблюдается прежде всего у неизменяемых русских слов.

Таким образом, хотя преобразования типа номинализации достаточно универсальны и используются в языках разного типа, сами способы этого преобразования существенно отличаются. Поэтому их описание и изучение является важной лингвистической задачей.

В связи со средствами и способами номинализации возникает еще одна проблема – это различие между разными способами номинализации, используемыми в одном и том же языке. Это проблема важна прежде всего для номинализации действий, где может одновременно использоваться как словообразовательная, так и словоизменительная модель номинализации. Так, например, русский инфинитив также можно рассматривать как средство номинализации глагола, о чем свидетельствует возможность его конкуренции с отглагольным существительным (ср.: *идти бороться // идти на борьбу с...*).

Этот же вопрос рассматривает И.А. Мельчук, который отмечает, что глагол контекстуально менее ограничен, чем соответствующее имя действия: «существительное не может занимать глагольную позицию, будь то позиция вершинного предиката или позиция инфинитивного дополнения при модальном глаголе» [Мельчук 2001: 30].

В русской лингвистической традиции инфинитив, в соответствии с этим, признается формой глагола и не рассматривается как синтаксический дериват.

3. Номинализация с функциональной точки зрения

Е. Курилович видел в номинализации чисто синтаксическую функцию, что отразилось в названии “синтаксическая деривация”. Эта функция позволяет подчинить один предикат другому, и это позволяет в одном предложении выразить несколько пропозиций. Это дает возможность, как писал Отто Есперсен, «избегать громоздких выражений, поскольку иначе для передачи той же мысли пришлось бы прибегнуть к придаточному предложению» [Есперсен 1958: 155].

На ту же функцию указывает Е.А. Земская, использующая для описания синтаксической деривации термин “конструктивная функция”. Она отмечает, что

при синтаксической деривации происходит свертка пропозиции [Земская 1992/2009: 165] и что основной функцией синтаксических дериватов в тексте является «“облегчение” говорящему построение высказывания», заключающееся в употреблении «более кратких конструкций, включающих синтаксические дериваты, синонимических более длинным, включающим более сложные синтаксические построения» [Земская 1981: 87].

Однако замена конструкций на более краткие не является единственной целью номинализации. Она, как показывают исследования, выполняет важные текстовые функции. Как пишет Е.С. Кубрякова, с помощью номинализации осуществляется «перевод рематических частей текста в тематические, достижение когерентности текста...» [Кубрякова 2004: 398].

Е.С. Кубрякова, говоря об изменении смысловых акцентов при использовании отвлеченных имен, называет данное изменение «сдвигом фокуса внимания», изменением ракурса рассмотрения человеком одного и того же описываемого референта [там же: 399–400]. Номинализации в ряду единиц номинации проявляют, по ее мнению, «удивительную способность человека членить одну и ту же ситуацию, как и любой опыт по концептуализации любых видов восприятия мира, по-разному» [там же: 399]. Опираясь на высказывание Н.Д. Арутюновой о том, что «в процессе деривации осуществляется перенос синтаксического центра в семантически подчиненный, зависимый элемент с целью его выделения» [Арутюнова 1976/2013: 131], Е.С. Кубрякова указывает на то, что «номинализации обеспечивают возможность распределения информации в тексте, ее фокусировки и профилирования» [Кубрякова 2004: 401].

Изучение функций частей речи и частеречных переходов с точки зрения их роли в категоризации мира показало важность и такие особенности номинализации, как “опредмечивание”. Так, Э. Бенвенист видел в синтаксических конструкциях и их трансформах (производных словах) разные ономаσιологические функции. Он отмечал, что переход предложения в имя сопровождается не только

преобразованиями синтаксических возможностей, но и менее очевидными семантическими и функциональными сдвигами [Бенвенист 1974].

Эти сдвиги вызваны связью частеречных переходов с межкатегориальными зонами действительности – предметом и признаком. Как отмечает Е.С. Кубрякова, с момента создания производных слов они уже перестают быть дублетом мотивировавших конструкций и «начинают свое собственное существование» [Кубрякова 1981: 38].

Это связано с тем, что перевод в существительное подводит значение под иную категорию. Исследования по лингвистической и общей семантике уже давно показали, что при восприятии внешней действительности человек как говорящий использует три главные общие категории – *предмет*, *признак* и *действие*. В связи с этим номинализация стала активно изучаться с гносеологической точки зрения, позволяющей рассматривать словообразование как когнитивный процесс, при котором переход слов с категориальными значениями признака и действия в зону «предмета» сопровождается преобразованием самого денотата. Изучение процесса синтаксической деривации в когнитивном аспекте опирается, таким образом, на описание «ментальных моделей или образов ситуации, изображаемой словами разных частей речи» [Кубрякова 2004: 201]. Категориальный сдвиг, который возникает при осуществлении синтаксической деривации, связан со «структурами знания» человека, зафиксированными в виде производного слова, в связи с чем его описание представляет собой одну из центральных задач при исследовании синтаксической деривации [там же: 195].

В результате частеречного перехода происходит “опредмечивание” действия или признака. Оно связано с потерей части исходных грамматических признаков и приобретением новых. Л.В. Щерба, отмечал, в связи с этим, что отвлеченные существительные типа *любовь* нельзя подводить под категорию глаголов, так как они «не имеет их признаков (*любовь к дочке, а не дочку*)», и «поэтому идея действия в этом слове заглушена, а рельефно выступает лишь идея субстанции» [Щерба 1957: 78].

В.А. Богородицкий отличает отвлеченные имена типа *ходьба, чтение* от глагольных форм *хожу, читает*, указывая, что при использовании существительных действие представляется без указания оттенков времени, лица и числа. В результате оно «опредмечивается» и мыслится говорящими «как нечто самостоятельное, как бы бытие» [Богородицкий 1939/2019: 199].

Интерес к изучению межкатегориальных переходов с когнитивной точки зрения вызван тем, что оно позволяет раскрыть творческие ментальные процессы, такие как категоризация и концептуализация. Описывая значимость изучения синтаксической деривации в ономаσιологическом аспекте, П.Х. Полтавский пишет: «именно взаимодействие частеречного ономаσιологического базиса и признака и создает определенные типы транспозиционных словообразовательных значений» [Полтавский 2012]. При этом он также отмечает, что в дальнейшем синтаксические дериваты должны изучаться как «средства связи и взаимодействия трех языковых ярусов: словообразовательного, морфологического и синтаксического» [там же].

Нейтрализация видовременной и залоговой оппозиций представляет собой особую черту русских имен действия и описывается лингвистами по-разному. Как считает Е.С. Кубрякова, в структуре отглагольного существительного видо-залоговые различия не столько сняты, сколько обобщены в виде «скрытых сем» [Кубрякова 1981: 154]. По ее мнению, грамматические характеристики слов данного типа находятся «в латентном состоянии», и могут переходить в менее скрытую зону при его употреблении [там же]. Именно поэтому, по мнению Е.С. Кубряковой, несмотря на морфологически не выраженные категории вида, времени и залога, отглагольные имена сохраняют грамматические способности исходного глагола и «всегда готовы к тому, чтобы быть объективизированными» [там же], т.е. рассматриваться как самостоятельные объекты осмысления. С грамматическими способностями отглагольными именами она сравнивает устранение показателей синтаксических связей в образовании сложных слов, которое по мнению многих лингвистов характеризуется несомненной связью с синтаксисом.

Признание семантической важности частеречного значения влечет за собой признание синтаксических дериватов отдельными словами, а не формами мотивирующих слов. Включение номинализаторов в состав форм исходного слова для русской грамматической традиции не характерно, хотя такой взгляд и высказывался некоторыми лингвистами. Так, например, в силу высокой регулярности образования отвлеченных имен от глаголов и прилагательных, А.Л. Шарандин предлагает рассматривать данный ряд существительных как субстантивные формы глаголов и прилагательных, отмечая, что их образование характеризуется такой же регулярностью, как у причастий и деепричастий [Шарандин 2001: 151].

Возражая на подобный подход, Л.О. Чернейко пишет следующее: «признать синтаксические дериваты формой соответствующего слова мешает такой категориальный признак, как частеречная отнесенность слова. Признание его существенным в содержательной структуре слова заставляет видеть в синтаксическом деривате самостоятельную лексическую единицу» [Чернейко 1997: 64].

Семантические последствия номинализации все чаще обращают на себя внимание лингвистов становятся объектом самостоятельного исследования. Примером такого исследования является, например, работа М.Б. Ташлыковой «Семантические этюды о “синтаксической деривации”». Говоря об образовании имен качеств, автор характеризует результат этого процесса так: имя отвлеченного признака «выходит из зависимой позиции согласованного определения в позицию управляющего субстантива: синее море → синева моря» [Ташлыкова 2013: 44]. Данное грамматическое изменение имеет семантические последствия, заключающиеся в том, что «акценты смещаются с предмета-носителя признака на сам признак, представленный как автономная сущность и способный к дальнейшей конкретизации» [там же: 44–45]. В исходном сочетании «прил.+сущ.» признак представлен «в единстве со своим носителем, как внутреннее свойство предмета», а в результате деривационного акта смысловые акценты «сдвигаются с первого на

второе» [там же]. В результате номинализации признак становится главным. При таком способе выражения он характеризуется «семантическим доминированием», отражающимся в изменении грамматических зависимостей: в отличие от прилагательных, формально равноправных при выражении признаков ($A_1+A_2+S = A_1+S, A_2+S$), выраженный отвлеченным именем признак «приобретает способность быть грамматически опорным компонентом» [$S+(A+S)$], в котором «идея семантического доминирования оказывается выраженной формально», т.е. в субстантивной форме [Ташлыкова 2013: 45].

4. Номинализация с семантической точки зрения

При номинализации порождается единица, совпадающая по значению с исходной. Однако при этом все исследователи отмечают, что в результате номинализации возникают **абстрактные** (иначе, отвлеченные) имена качеств (свойств) и действий. Вопрос о том, что делает качества и действия абстрактными, имеет большое значение. Ответ на него дает понимание того, что мена части речи выполняет синтаксическую функцию.

Одним из главных положений фундаментальной работы Е. Куриловича «Деривация лексическая и деривация синтаксическая» является признание исходным звеном номинализации не просто глаголов и прилагательных, а сказуемых, выражаемых этими частями речи. Это связывает номинализацию с такой единицей как предложение. Е. Курилович пишет об этом следующее: «В работе В. Порцига указывается, что абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое. Это значит, что они основаны на синтаксической субстантивации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным» [Курилович 1962: 64].

Идея соотнесенности сказуемых и абстрактных имен, возникающих в результате номинализации, получила подтверждение и дальнейшее развитие. При номинализации сказуемых наследуется значение, характерное для предложений, в результате чего образуются предикатные имена, передающие значение

пропозитивного, предложенческого типа. Они именуют не просто действия и качества, а факты и процессы. Как показала Н.Д. Арутюнова, между этими двумя типами предложенческих значений, способных передаваться полными номинализациями (т.е. отпредикативными существительными), есть существенное семантическое различие. На этом основании следует различать *номинализации-процессы* и *номинализации-факты*.

Номинализации-процессы соединяются с предикатами, характеризующими способ протекания действия, место, время [Арутюнова 1976/2013: 71]. Они могут быть «замещены словами *событие, процесс*, обобщающими их значение и выступающими по отношению к ним в роли местоимения». Номинализации-факты «замещаются словом *факт*». Оба типа номинализаций «коррелируют с местоимением *это*» [там же: 73].

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, в силу способности одного и того же абстрактного имени обозначать как факт, так и процесс, имеет место неоднозначность. Она приводит в качестве такой неоднозначности слово *прогулка*: *Прогулка детей была длительной* (процесс); *Прогулка принесла детям пользу* (факт).

Важным различием между этими двумя типами номинализаций является то, что «только фактообразующее значение допускает развертывание в придаточное... поэтому его можно назвать *то-что-значением*» [Арутюнова 1988: 104]. Это значение Н.Д. Арутюнова называет *пропозитивным*, а значение процесса *событийным* [Арутюнова 1988: 103].

Однако хотя событийный тип и противопоставлен пропозитивному, это не отрицает его предложенческого характера. Как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, оба значения связываются именно с предложением [Арутюнова 1988: 103]. Она пишет об этом следующее: «Сколь ни глубоки <...> различия между охарактеризованными выше типами значений, они могут быть объединены в класс пропозитивной семантики, специфику которого нужно, по-видимому, искать в том

общем, что присуще предложению и номинализированным конструкциям» [Арутюнова 1976/2013: 73].

Это общее Н.Д. Арутюнова связывает с тем, что при номинализации сказуемых возникают имена, обозначающие события и факты, а не предметы, тогда как «классические существительные» мыслятся не во временной протяженности, а в «плоскости пространственно-предметных отношений». Именно это делает номинализации абстрактными [там же: 78].

При всей абстрактности, проявляющейся в отнесенности не к самой субстанции, а к ее свойствам, «пропозитивная семантика всегда предметно детерминирована. Поэтому ее реализация в классическом случае столь же двучленна, как двучленно «образцовое предложение», к которому она восходит» [Арутюнова 1976/2013: 79]. Н.Д. Арутюнова отмечает очень важную особенность детерминации свойств, объясняющую эту двучленность: «точно так же, как предмет идентифицируется через его атрибуты, свойства (атрибуты) детерминируются через указание на их носителя, т.е. на предмет» [там же: 79].

Сходство предложений и их номинализаций обуславливается, по мнению Н.Д. Арутюновой, также общностью их ядерного компонента: «В процессе транспозиции центральный компонент предложения как коммуникативной единицы – его сказуемое <...> – преобразуется в смысловое ядро словосочетания. Под последним имеется в виду слово, обозначающее тот семантический разряд, к которому может быть отнесено значение всей конструкции» [Арутюнова 1976/2013: 73–74].

Отмечая абстрактный характер существительных-номинализаций, Н.Д. Арутюнова затрагивает важный вопрос о том, все ли абстрактные имена «входят в область пропозитивной семантики» [Арутюнова 1976/2013: 78]. На этот вопрос дается отрицательный ответ. Отмечается, что не входят в эту область обычно физические параметры предмета (*форма, рост, длина* и пр.); абстрактные термины типа *функция, условие, причина, количество... признак*; элементы психической жизни человека (*совесть, рассудок, чувство, настроение* и пр.) [там

же: 79]. Причина этого объясняется так: «Приведенные категории абстрактных имен уже не связаны живыми отношениями с предикатами предложения. Между тем пропозитивная семантика базируется именно на функции предиката. Она может присутствовать, следовательно, только у тех образований, которые выведены из предложения путем синтаксической деривации» [там же: 79]. Как указывает лингвист, субстантивированная конструкция *наша радость* семантически эквивалентна предложению *Мы рады*, обозначающему свойство или действие, поэтому она «может выступать в дальнейшем тексте в качестве субститута конкретного факта» [там же]. Последовательно в результате номинализации соединяются непредметное значение слова с его единичной референцией. В этом и отражается отношение пропозитивной семантики абстрактного имени с его идентифицирующей функцией. По мнению автора, пропозитивная семантика может пониматься как значение атрибута, которое может быть выделено только у атрибутов, соотнесенных и соотносимых с миром. Поскольку атрибут (свойство) детерминируется через указание на его предмет-носителя, пропозитивное значение также выступает только в связи с действительностью [там же].

Хотя положение о том, что в результате номинализации порождаются синтаксические дериваты, т.е. единицы, семантически эквивалентные предикатам, является общепринятым, реальная ситуация оказывается более сложной. В статье Е.В. Падучевой «Предикатные имена в лексикографическом аспекте» эта проблема сформулирована так: «предикатное имя вовсе не всегда может быть развернуто в придаточное предложение и тем более не всегда придаточное будет по смыслу равнозначно имени» [Падучева 1991].

Наравнозначность предложению имеет место, если предикатное имя (субстантив) выступает в событийном значении. Такое употребление Е.В. Падучева называет *номинативным* и противопоставляет фактологическому, называемому *пропозитивным*. Номинативное употребление требует толкования значения субстантива, поскольку, по мнению Е.В. Падучевой, здесь нельзя

говорить о синтаксической деривации. «Непреодолимое препятствие, на которое наталкивается трактовка предикатного имени как синтаксического деривата, т. е. результата номинализации, составляет квантификация: предикатное имя может иметь полную парадигму денотативных статусов (в смысле [Падучева 1985: 83]), которым нет и не может быть никакого соответствия в семантике и синтаксисе пропозиций. Так, предикатные имена, например, *переезд*, допускают ряды употреблений (ср. *всякий переезд* <на новую квартиру>, *некоторые переезды*, *какой-нибудь переезд*, *этот переезд*, *тот самый переезд*, *один*, *другой*, *первый переезд* и т.д.), совершенно аналогичные тем, которые образуют предметные имена, например, *человек* (ср. *всякий человек*, *некоторые люди*, *какой-нибудь человек*, *этот человек*, *один человек*); см. более подробно в [Падучева 1986]» [Падучева 1991].

Е.В. Падучева предлагает рассматривать предикатные имена в номинативных употреблениях как общие имена и описывать их значение через указание родового понятия, а именно *процесс*, *событие*, *состояние*, *свойство*. Например, *свежесть* [X-a] = ‘свойство такого X-а, который свеж’ [там же]. Один из выводов, к которому приходит Е.В. Падучева, таков: «Значение общего имени ситуации, хотя оно и происходит от пропозиции, не является пропозитивным, поскольку в толковании общего имени ситуации вершиной является родовое имя (таксономическая категория), а пропозиция служит определением к этому имени ...» [там же].

Поскольку не все предикатные имена могут иметь пропозитивное употребление, возникает следующая лексикографическая проблема: «выступать в значении пропозитивного имени могут очень многие предикатные имена, однако все-таки не все, так что способность предикатного имени выражать в соответствующем контексте номинализованную пропозицию является одним из видов лексикографической информации. Так, пропозитивное употребление допускают слова *безнадежность*, *победа* (*Теперь безнадежность нашего положения становилась очевидной* = ‘Теперь становилось очевидно, что наше

положение безнадежно»; *Я знаю о его победе* = ‘Я знаю о том, что он победил’); но не слова *сон, курение*, ср. *Я знаю о том, что он курит* и **Я знаю о его курении*» [там же].

Однако при практическом определении того, способно или нет предикатное имя выступать как пропозитивное, возникают большие трудности. Как отмечает Е.В. Падучева, «четко разделить употребление субстантивов (в том числе предикатных имен), на две группы – пропозитивную и номинативную – невозможно: есть предикаты, в контексте которых субстантив должен пониматься как пропозитивный и номинативный одновременно» [там же].

5. Проблемы, связанные с изучением русской адъективной номинализации

В работах по номинализации, в том числе и русской, чаще всего идет речь об именах действия, имена же отвлеченного признака в лингвистических исследованиях «всегда оставались в тени отглагольных имен типа *чтение, ходьба* и т. п.» [Ташлыкова 2013: 34].

Это может объясняться, во-первых, меньшей значимостью и универсальностью прилагательного по сравнению с глаголом. «Прилагательные зачастую оказываются на периферии типологических и теоретических исследований, существенно уступая таким лексическим категориям, как существительное и глагол, пальму первенства в борьбе за интерес лингвистов. Отчасти это вызвано тем, что прилагательные недостаточно четко противопоставлены ядерным категориям – существительным и глаголам – как во внутриязыковом, так и в межъязыковом аспекте» [Гращенков, Лютикова 2018:1].

Как отмечают авторы, есть языки, в которых нет отдельной категории прилагательных. В языках также может быть представлена «атрибутивная категория, превращающая составляющие с различными категориальными признаками в приименные модификаторы» [там же]. Как такого рода категорию, называемую “атрибутив”, можно рассматривать и китайские конструкции с *de*. Этот маркер используется как показатель приименной зависимости, который

«имеет широкую сочетаемость и может использоваться для оформления посессора, прилагательного, относительного предложения или послеложной группы» [там же].

Вторая причина меньшего внимания к именам качеств – это то, что их образование считается более регулярным и семантически единообразным. Однако, как справедливо замечает М.Б. Ташлыкова, «представления о регулярности, универсальности, грамматичности *nomina qualitatis* весьма преувеличены» [Ташлыкова 2013: 37]. Это справедливо для русского языка.

Автор обращает внимание на то, что «уже самый поверхностный взгляд на материал обнаруживает, что (а) далеко не каждое прилагательное и (б) не каждая лексема многозначного прилагательного способны породить имена качества, и наоборот – (в) далеко не каждое отвлеченное имя с “говорящими” суффиксами *-от(a)*, *-ев(a)*, *-изн(a)*, *-ость*, *-ств(o)* может быть декодировано как имя качества, например:

(а) *круглый* → *;

(б) *слабый (след, лампочка)* → **слабость (следа, лампочки)*;

(в) *маслянистость* – ‘степень содержания масла’; *окрестность* – ‘местность, примыкающая к чему-л.’» [там же: 37].

Все это требует изучения и описания семантики конкретных слов, обладающих показателями, способными быть средствами номинализации. Такое описание должно, на наш взгляд, давать прежде всего ответ на вопрос, способно ли конкретное существительное, образованное от адъектива, выступать в роли синтаксического деривата и есть ли у адъектива такой дериват. Это важно и для изучающих русский язык, и для автоматизации анализа русских текстов, и для постоянного пополнения и коррекции словарей.

Описывая существующее положение дел, М.Б. Ташлыкова отмечает, что «такая ситуация содержит в себе некий парадокс: чтобы описывать функции лексической единицы как синтаксического деривата, нужно убедиться в том, что она действительно принадлежит данному типу словопроизводства, а это в свою очередь требует детального сопоставления семантики производного и

производящего. Между тем этот этап анализа зачастую оказывается пропущенным, что, как кажется, можно объяснить своеобразным «гипнозом формы»: отвлеченные имена действия и отвлеченные имена качества маркированы специфическими словообразовательными элементами и поэтому легко опознаются. Внешний вид, впрочем, бывает обманчив, и банальность этой мысли не делает ее менее справедливой» [Ташлыкова 2013: 264].

Описание семантики русских отадъективных имен осложняется тем, что даже при обозначении качеств имеются разные типы употребления, и это затрудняет решение вопроса о семантической эквивалентности их адъективу. См. выше о проблеме различия между пропозитивными и номинативными номинализациями. Как справедливо указывает М.Б. Ташлыкова, «отадъективное имя, образованное по моделям синтаксической деривации, может “скользить” по шкале, промежуточные точки на которой занимают имена, совмещающие в себе разные стороны качественной семантики (ср. *она красива* → *ее красота восхищает* – *в ней удивительная красота* – *красота спасет мир*)» [там же].

При отсутствии носителя признака у синтаксического деривата регулярно возникает функция имени качества (свойства, состояния), и возникает вопрос о необходимости описывать эту функцию в словарях как отдельное значение (лексему).

Помимо разных типов употребления у многих русских слов, образованных с помощью формантов синтаксической деривации, имеются самостоятельные значения. Так, исследователи отмечают наличие у слов типа *высота*, *глубина*, *емкость* и пр. особого параметрического значения. Кроме того, у слов с такими формантами часто присутствует конкретное предметное значение, являющееся следствием метонимического именованья субъекта через его признак (ср. *глупости*, *острота* и пр.). Все это требует детального изучения и описания каждого конкретного слова, т.е. такая задача решается лексикографически, словарным способом. Таким образом, если мы хотим получить список русских имен, реально выполняющих функцию номинализации адъективов, нам нужно обращаться к

русским лексикографическим источникам. Однако в русских словарях отсутствует специальная помета о наличии функции синтаксического деривата (СД) у слова. Поэтому возникает необходимость сначала изучить способы описания в этих источниках синтаксических дериватов. После этого можно пытаться получить на этой основе информацию разных типов. Это в первую очередь:

1) примерный состав и количество единиц, для которых фиксируется функция СД (синтаксического деривата);

2) примерное количество и состав единиц, у которых этой функции, несмотря на формант, нет;

3) состав и типы значений, которые можно отнести к области лексической деривации (ЛД), а также примерное количество чистых лексических дериватов и “гибридов”, у которых есть обе функции – СД и ЛД (лексическая деривация).

Эти задачи мы пытаемся решить на словарном материале во 2 и 4 главах работы. Однако изучения словарных источников недостаточно – нужен анализ употреблений единиц в текстах разного типа. Словари не могут фиксировать особенности употребления в разных стилях и дискурсах. Кроме того, они часто отстают и фиксируют состояние предшествующего периода развития языка. Поэтому изучение словарной информации должно обязательно сопровождаться исследованием реальных употреблений единицы. К анализу реальных употреблений на корпусном материале мы обращаемся в главах 3 и 5.

Помимо круга семантических проблем, касающихся синтаксической деривации адъективов, существует еще широкий круг собственно словообразовательных проблем. В русской лингвистике синхронное словообразование изучается комплексно и системно. В центре его внимания находится такая единица, как словообразовательный тип.

Ниже будут более подробно рассмотрены теоретические аспекты некоторых из перечисленных выше проблем, на которых базируется последующий анализ.

6. Словообразовательные аспекты изучения номинализации адъективов

В отличие от тех индоевропейских языков, которые имеют более простые морфологические системы, в русском и других славянских языках преобразовательные функции выполняются прежде всего словообразовательными способами. Ср. номинализации типа *go for a walk* в английском языке и *пойти на прогул-ку* в русском.

Среди всех способов образования новых слов в русском языке выделяется аффиксация, при которой основными средствами образования являются два типа аффиксов – префиксы и суффиксы. Данные два типа аффиксации значительно различаются в морфологическом плане, поскольку при присоединении суффикса к производящей основе могут измениться не только лексическое, но и категориальное значение исходных языковых знаков. Такая особенность характерна для флективных языков, где вследствие этого существуют строгие правила синтаксической сочетаемости разных частей речи. В отличие от аналитических языков, где категориальное значение слова выражено не собственно морфологически, а скорее в контексте, флективным языкам свойствен ряд способов для выражения одного и того же лексического значения в разных синтаксических позициях.

В русском языке присоединение суффикса «всегда ведет к созданию слов определенной части речи» [Арутюнова 2007: 49]. Вследствие этой особенности суффикс способен активно выступать в словообразовательной операции как классифицирующий элемент. Именно классифицирующая функция суффиксов позволяет осуществить с их помощью номинализацию глаголов и прилагательных, выступающих как предикаты пропозиций.

В русском языке есть такие суффиксы, которые специализируются на «чистой транспозиции», т.е. выполняют функцию переноса того же лексического значения во вторичную для него синтаксическую позицию. Они неоднократно привлекали внимание русских лингвистов в связи с их тесной связью с грамматикой. Начало их системного описания положено в знаменитой работе

В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» [Виноградов 1986]. В ней особое внимание уделено главному русскому средству номинализации адъективов – суффиксу *-ость*.

В.В. Виноградов отмечает, что имена со значением отвлеченного признака образуются в русском языке с помощью продуктивного суффикса *-ость* и производных от него суффиксами: *-ность, -тельность, -мость, -(анн)ость, -(енн)ость*. «Это имена <...>, преимущественно употребляемые в стилях книжной речи и произведенные или производимые главным образом от имен прилагательных качественных и от причастий страдательного залога. Например: *веселость, ... уязвимость* и т.п.» [Виноградов 1986: 112].

Он пишет о том, что в образовании отглагольных существительных на *-нность (-енность, -анность)* и *-мость (-емость и -имось)* в современном русском языке наблюдается рост [там же: 113]. Важно отметить замечание В.В. Виноградова о том, что слова на *-мость* «далеко не всегда соотносительны с соответствующими формами страдательных причастий на *-мый* или с прилагательными на *-мый*, обозначающими способность к какому-нибудь действию или возможность какого-нибудь действия (например: *решимость, успеваемость* и т.п.)» [там же: 113].

Здесь затрагивается важная и сложная проблема – возможность использования производных от *-ость* суффиксов для номинализации не адъективных, а собственно глагольных форм (*решить > решимость* и т.п.). По мнению В.В. Виноградова, такие слова на *-мость* образуются от основ глаголов (переходных и непереходных, возвратных и невозвратных), и этот тип образований «очень распространен в специально-технических диалектах и все больше прививается к современному литературному языку» [там же: 113]. Он пишет о том, что в типе на *-мость* развивается самостоятельная «цепь отвлеченных значений: возможность, способность производить то действие, которое обозначается основой (например: *видимость, делимость, слышимость* и т.п.; ср.: *терпимость,*

решимость и т.п.), степень, в какой осуществляется какое-нибудь действие (*посещаемость, успеваемость, рождаемость, выхождаемость, судимость* и др.), или степень, в какой можно подвергнуться какому-нибудь действию или состоянию (*угрожаемость, нуждаемость* и т.д.)» [там же: 113].

В.В. Виноградов специально указывает также на неоднородность употреблений отвлеченных имен на *-ость*. Он пишет: «Семантика имен на *-ость* во многом зависит от того, употребляются ли они “абсолютивно” или в сочетании с родительным падежом существительного, качество и внутреннее качество которого они выражают (например: *решительность* и *решительность отказа, сухость* и *сухость почвы* и т.п.).

В описании В.В. Виноградова также обращено внимание и на наличие у некоторых слов на *-ость* значения ‘лица, характеризуемого качеством’. Он приводит примеры: *посредственность, бездарность, известность, знаменитость, невинность, наивность* [там же: 114]. Как представляется, слова *известность, невинность, наивность* в СРЛЯ такого значения уже не имеют (если не видеть их в контекстах типа *Он сама наивность*). Это указывает на большую семантическую подвижность и изменчивость единиц на *-ость*. В.В. Виноградов сам приводит пример утраты такого конкретного значения словом *полезность*. По его мнению, данный тип семантического сдвига носит единичный характер и может быть связан с влиянием французского языка (русс. *полезность* – фр. *utilité*) [Виноградов 1977: 83].

В.В. Виноградов обращает также внимание на наличии зоны регулярной синонимии формантов. Он пишет о том, что «в современном русском языке наблюдается также широкое развитие книжно-отвлеченных слов на *-(анн)ость, (енн)ость*, образуемых от причастий прошедшего времени страдательного залога» [там же: 114] (*дисциплинированность, сплоченность* и т.п.) и замечает, что «в газетном языке слова этой категории нередко смешиваются с отглагольными словами на *-нье*, вернее, иногда употребляются в значении отглагольных слов на *-нье*» [там же: 114].

Детальное исследование значения и формы суффиксов существительных было продолжено в разделе «Словообразование существительных» «Русской грамматики», написанном В.В. Лопатиным [Русская грамматика 1980].

Суффикс *-ость* и его разные наращенные варианты описывается не только среди отадекативных суффиксов (т.е. как образующий слова от прилагательных и адъективных форм глагола), но и как отглагольный. Кроме того, фиксируется различие двух главных типов значений, им передаваемых – значение отвлеченное и значение носителя признака.

Отмечается, что наиболее продуктивным типом образования слов с отвлеченным значением признака, свойства, является суффикс *-ость(есть)/-ность*. Хотя термин “синтаксическая деривация” не используется, это значение практически характеризуется как чисто транспозиционное: такие слова «совмещают в себе присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением существительного как части речи» [Русская грамматика 1980, Т. 1: 177].

Описывается морфонологическое распределение вариантов: морф *-ность* обычно используется после шипящих (*всеобщность, будущность...*), а также в слове *готовность* и некоторых других [там же: 178].

Состав мотивирующих описывается следующим образом:

- 1) качественные производные и непроизводные прилагательные
- 2) причастия настоящего и прошедшего времени в адъективном значении.
- 3) прилагательные, образованные путем сложения и сращения (в т. числе префиксально-суффиксальные, типа *неразрывность*).

Важным является замечание о том, что «существительные, мотивированные прилагательными с суф. *-ск-*, единичны (*светскость, детскость*)». Однако возможны окказ. образования, мотивированные такими прилагательными (*советскость, русскость* и т.п.), «а также действит. причастиями наст. и прош. вр. В адъективном значении (*блестящестъ, бывшестъ*) и немотивированными

прилагательными с основами на *-ск, -ищ-* (*залихватскость, настоящесть*)» [там же: 178].

Особый параграф посвящен семантическим особенностям отадъективных существительных на *-ость*. Среди таких особенностей отмечаются следующие:

1. существительные на *-ость*, мотивированные относительными отсубстантивными прилагательными, обозначают «наличие того, что названо в мотивирующей основе прилагательного» (*инвалидность, плановость, облачность, комплектность*);

2. существительные на *-ость*, мотивированные отглагольными прилагательными, называют «склонность или способность к действию, названному в мотивирующей основе прилагательного: *всхожесть, текучесть, мылкость, утомляемость, раздражительность*» [там же: 178];

3. многие из слов этих двух типов имеют также «более общее значение, “признак, проявляющийся в различной степени и поддающийся измерению”»: *влажность, жирность, ...этажность* (спец.)» [там же: 178];

4. у некоторых слов присутствует вторичное значение “носитель признака”, конкретизирующееся применительно к человеку <...>, месту, вместилищу, пространству..., поступку..., веществу, продукту..., вообще вещи, явлению..., собирательному понятию. Тип продуктивен в различных сферах» [там же: 179].

Применительно к нашей задаче возникает проблема определения того, какие из этих значений можно рассматривать как синтаксическую деривацию.

Очевидно, что в 3-м случае речь идет о параметрическом значении (см. ниже) отадъективных существительных, а в 4-м – о явной лексической деривации, основанной на метонимическом переносе. Первые же два случая – значение наличия признака и способности к нему – можно рассматривать, на наш взгляд, как синтаксические дериваты, поскольку они допускают трансформацию в *то*-предложение. Правда, в первом случае возникает вопрос о том, чем мотивируется слово на *-ость*: относительным прилагательным или же существительным. Ведь относительные отсубстантивные прилагательные являются семантическими

эквивалентами, т.е. синтаксическими дериватами существительных. Ср.: *его инвалидность – тот факт, что он инвалид* и пр.

Производные с компонентом *-ость* и его производными, по описанию «Русской грамматики», используются и в отглагольном словообразовании. Как отглагольные, а не отадективные производные со значением отвлеченного процессуального признака рассматриваются производные с суф. *-ость/-ть/-ность*, называющие отвлеченное состояние (*жалость, трусость, ревность, зависть* и др.). Этот тип характеризуется как непродуктивный [там же: 164].

Однако основные отглагольные типы на *-ость* отнесены к значению ‘носитель процессуального признака’. Здесь выделяется отдельный суффикс *-имость* (*еимость/оимость*), передающий значение ‘способность к действию, названному мотивирующим словом’» [там же: 155]. Отмечается, что слова этого типа обычно называют изменяемый, количественно измеряемый признак (*заболеваемость, стоимость* и пр.) и что они характерны для специальной терминологии и художественно-публицистической речи. По мнению В.В. Лопатина, «образования этого типа следует отличать от сущ. с суффиксом *-ость*, мотивированных прилагательными и страд. причастиями с суф. *-ом/-им*» [там же: 156], т.е. от тех, которые имеют значение отвлеченного признака.

Среди отглагольных суффиксов с общим значением ‘носитель процессуального признака’ описывается и суффикс *-ённость/-нность/-тость*, «называющий состояние, возникающее в результате действия, названного мотивирующим словом: *договориться – договоренность, задолжать – задолженность...*» [там же: 156]. У производящих для таких слов глаголов (преимущественно непереходных) нет страдательных причастий.

Здесь при описании функции номинализации используются “синтаксические” термины, а выражение «отвлеченный признак».

Итак, можно увидеть, что значение русских слов на *-ость* нельзя рассматривать как единое и принадлежащее целиком к области СД. Совершенно очевидно, что значение типа «носитель признака» относится к сфере лексической

деривации. Вопрос же о том, принадлежат ли к СД остальные разновидности значения «отвлеченный признак», и прежде всего параметрическое значение, нуждаются в дальнейшем обсуждении.

В «Русской грамматике» также перечислены следующие суффиксы, способные иметь значение ‘отвлеченный признак’: *-ств(о)*, *-иј-*, *-от(а)*, *-изн(а)*, *-ин(а)*, *-изм*, *-щин(а)*, *-иц(а)*, *-ц(а)*, *-инк(а)*, *-ев(а)* и *-ур(а)*. Из них 5 суффиксов – суффиксы *-ств(о)*, *-иј-*, *-от(а)*, *-изн(а)* и *-ин(а)* – в «Русской грамматике» описываются как синонимичные к *-ость* средства. Их значение определяется через отсылку к этому суффиксу: «имеют то же значение, что и слова с суффиксом *-ость*» [Русская грамматика 1980: 179–183]. В данном значении они являются полными синонимичными средствами к суффиксу *-ость*, но у образованных с ними слов могут развиваться разные вторичные значения.

Самый разнообразный по семантике тип представляют существительные с суффиксом *-ств(о)*, которые проявляют высокую продуктивность в газетно-публицистической, художественной и разговорной речи [там же: 179]. Существительные с данным суффиксом могут мотивироваться прилагательными, обозначающими свойства человека, и относительными прилагательными, мотивированными существительными со значением лица [там же].

Для слов данного типа, как и для существительных с суффиксом *-ость*, также характерны вторичные значения, в которые входят «группа лиц» (*славянство*, *актерство*, *учительство*); «территория, подвластная лицу» (*королевство*, *герцогство*, *аббатство*); «союз, объединение» (*братство*, *товарищество*, *землячество*); «учреждение» (*представительство*, *посольство*); «отдельное лицо» (*ничтожество*); и в титулах (*высочество*, *сиятельство*, *святейшество*) [там же].

Существительные с суффиксом *-от(а)* мотивируются качественными немотивированными прилагательными, а также суффиксальными с морфами *-н-* и *-л-*: *быстрота*, *вкуснота*, *глухота*, *длиннота*, *доброта* и др. Как и существительные на *-ость*, часть слов данного типа может иметь «более общее значение количественного признака, проявляющегося в различной степени»

(*полнота, частота, густота, высота*). Некоторым словам с данным суффиксом свойственны вторичные значения собирательности (*беднота, мелкота*); «место, пространство» (*пустота, мерзлота*) и «вещество» (*кислота*) [там же: 181].

Существительные с суффиксом *-изн(а)* в основном мотивируются качественными немотивированными прилагательными (*белизна, голубизна, дешевизна, желтизна* и др.). Отдельные слова (*кривизна* и *крутизна*) могут иметь более общее значение количественного признака, проявляющегося в различной степени [там же: 182].

С суффиксом *-ин(а)* могут образовываться две группы существительных. Первая – существительные, имеющие «то же значение, что и слова с суффиксом *-ость*». Они мотивируются качественными немотивированными прилагательными (*вышина, глубина, ширина, толщина* и др.) и составляют непродуктивный тип образований. В некоторых случаях они имеют общее значение количественного признака, проявляющегося в различной степени: *величина, глубина, низина, толщина, узина, ширина*. Вторая группа обозначает небольшую степень признака: *желтина, пестрина, сутулина, косолапина* [там же: 182].

Существительные с суффиксом *-иј-* также способны мотивироваться прилагательными (*здоровье, радушие, различие, плодородие, безбожие* и др.). Они характерны преимущественно для книжной речи и проявляют продуктивность в художественной речи [там же: 181].

К суффиксам для образования имен со значением отвлеченного признака, при описании которых в «Русской грамматике» не использовалось выражение «то же значение, что и слова с суффиксом *-ость*», относятся суффиксы *-изм, -щин(а), -иц(а), -ц(а), -инк(а), -ев(а)* и *-ур(а)*. С суффиксами *-ц(а)/еца* и *-инк(а)* образуют слова, называющие небольшую степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным [там же: 182]. Они не входят в словообразовательные средства, с которыми образуются синтаксические дериваты, так как при указании оттенка «небольшой степени признака» происходит модификация исходного значения.

Суффиксы *-ев(а)* и *-ур(а)* характеризуются непродуктивностью, участвуя в отдельных образованиях (*синева, чернева, коричнева; квадратура, кубатура*).

С суффиксом *-щин(а)/чин(а)* образуются существительные, имеющие значение «признак, названный мотивирующим прилагательным, как бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение» (обычно с оттенком неодобрения) [там же: 177]. Слова данного типа могут мотивироваться прилагательными (*уголовщина, обыденщина, безалаберщина*), а также «словосочетаниями с мотивирующим прилагательным в качестве определения (*поденщина, бульварщина*)» [там же]. К тому же имеется ряд слов, которые «непосредственно мотивированные прилагательными, а опосредствованно – существительными, которыми в свою очередь мотивированы эти прилагательные», и могут называть неодушевленные предметы/явления (*литературищина, балаганищина, театральщина*); лиц (*лакейщина, поповщина, любительщина*); народы и страны (*азиатчина, туретчина*); организации (*рапповщина*) [там же: 178].

Для некоторых слов этого типа характерно также вторичное собирательное значение «группа предметов или лиц, характеризующаяся признаком или отношением к тому, что названо основой прилагательного» (*военищина, полицейщина, иностранщина*); для отдельных слов – значение носителя признака (*деревенщина*) или «земля, государство» (*неметчина, туретчина*) [там же].

Суффикс *-иц(а)* продуктивен преимущественно для образований, мотивированных прилагательными с начальными компонентами *без-* и *не-*, обозначающими отрицание [там же: 179].

Особого внимания требует описание производных с суффиксом *-изм*, поскольку он, как и *-ость*, является высокопродуктивным. Эти производные также мотивируются прилагательными, существительными и глаголами. С его помощью от прилагательных образуются существительные, называющие «признак, названный мотивирующим прилагательным, как общественно-политическое, научное или эстетическое направление, склонность» (*позитивизм, кубизм,*

бытовизм, реализм). Они представляют собой высокопродуктивный тип, «особенно в научной и общественно-политической терминологии» (*антисоветизм, олимпизм*). Некоторые образования способны выступать в качестве синонимов «словосочетаний с мотивирующим прилагательным» (*геоцентрическая система – геоцентризм, вулканическая деятельность – вулканизм, абсолютная монархия – абсолютизм*) [там же: 180].

Существительные с суффиксом *-изм*, мотивированные существительными, описываются в разделе “носитель предметного признака”. Однако при описании значения таких существительных упоминаются *качества* и *склонности*: данные слова называют «общественно-политические и научные направления, системы, **качества, склонности**, связанные с тем, что названо мотивирующим словом». Они представлены в двух из трех выделяемых семантических подтипов:

1) названия направлений и систем, сфер деятельности, склонностей, заболеваний по отношению к предмету, явлению, названному неодушевл. существительным (*символизм, уклонизм, планеризм, центризм, скачкизм, терроризм, фетишизм, капитализм, реваншизм, алкоголизм...*);

2) <...>;

3) названия качеств и склонностей, направлений и систем, представителем которых является лицо, названное нарицательным существительным: *героизм, патриотизм, артистизм, бандитизм, идиотизм, либерализм, аскетизм, дилетантизм, царизм, феодализм* [там же: 190].

Отглагольные производные на *-изм* описаны в разделе со значением не “носитель признака”, а “отвлеченный процессуальный признак (действие)”. Но при этом в значение их включены как названия направлений, т.е. носителей признака, так и свойства. Ср.: «Существительные ..., обозначающие действие, представляют собой названия идейных и политических направлений, склонностей: *отозвать (отзовут) – отзовизм, приземлять (перен.) – приземлизм*» [там же: 164].

В разделе «Словообразовательные значения существительных и средства их выражения» выделено 4 типа значений мотивированных существительных: 1)

предметно-характеризующее, 2) модификационное, 3) транспозиционное, 4) соединительное.

Под транспозиционным значением понимается изменение только частеречного значения, т.е. синтаксическая деривация [там же: 267]. Однако при описании словообразования существительных с разными суффиксами указанная характеристика типа значения (предметно-характеризующий или транспозиционный) не дается. Можно предполагать, что выделяемое при описании суффиксов общее значение “носитель признака” (процессуального или предметного) соответствует предметно-характеризующему типу и относится к области лексической деривации. Правда, при этом возникает проблема помещения в этот тип производных со значением ‘качество, свойство’, ‘состояние’.

Так, вызывает вопросы отнесение к предметно-характеризующему типу отглагольных значений 14 и 15. Первое из них описано как «состояние, возникающее как результат действия» и «выражено в качестве значения типа в словах с суф. *-ность/-енность/-тость* (*задолженность, сработанность, впетость*) и в качестве значения подтипа – в словах с суф. *-ок* (*упадок, прибыль*)» [там же: 263]. Второе как “свойство, заключающееся в способности к действию”. Оно «выражено в качестве значения типа в словах с суф. *-имость* (*успеваемость, вместимость*)» [там же: 263].

К этому же типу отнесено отпричастное значение «свойство, состояние – носитель процессуального признака». Это значение представлено в словах с суффиксом *-ость*, мотивированных страдательными причастиями прошедшего времени (как “состояние, возникающее в результате действия”) и наст. вр. (“как свойство, заключающееся в способности к действию”): *изолированность, склоняемость* (лингв.)» [там же: 264]. Совершенно очевидно, что такие существительные способны осуществлять функцию пропозитивной номинализации. Ср.: *Склоняемость этого существительного пока не зафиксирована* (То, что сущ. склоняется)... «*Политическая изолированность России вызывает большое сомнение*» (То, что Россия изолирована...).

В то же время как модификации транспозиционного значения непроцессуального признака рассматриваются значения слабого, неинтенсивного проявления признака (*лукавинка, проседь*); интенсивности проявления признака (*тепльнь*); признака как отрицательно оцениваемое явление (*любительщина*); значение «признак как определенное направление, течение» в словах с суфф. *-изм* (ср. пары *объективность – объективизм, гуманность – гуманизм*)» [там же: 269].

Здесь же говорится о том, что «некоторые суффиксы способны выражать значение количественного признака, проявляющегося в разной степени: суфф. *-ость* (*скорость*), *-от(а)* (*частота*), *-изн(а)* (*кривизна*), *-ин(а)* (*ширина*), *-атур(а)* (*кубатура*)» [там же: 269].

Среди суффиксов, способных передавать транспозиционное значение непроцессуального признака, суффикс *-изм* в этот разделе не упомянут. Очевидно, он отнесен к модифицирующим транспозиционное значение.

При описании транспозиционных значений процессуального признака также выделяются модификации. Среди них «“значение действия как определенного направления, склонности” – в словах с суфф. *-изм* (*отзовизм, приземлизм*)» [там же: 268]. В примечании сказано, что значение действия как направления или склонности представлено также «в словах на *-енчество* и суфф. *-ств(о)*: *выдвиженчество, приспособленчество*» [там же].

Изучение описания «Русской грамматики» показывает, что при разграничении синтаксической и лексической деривации на его основе возникает ряд проблем, требующих решения. Главные из них таковы:

1) как поступать с производными, обозначающими качества, свойства, состояния, наряду с более конкретными значениями, такими как, например, ‘течение, направление’. Можно ли относить их к типу ‘носитель признака’ и относить к лексической деривации?

2) как рассматривать «модификации транспозиционного типа значений» – как лексическую или синтаксическую деривацию? Ведь принято считать, что

модификационные значения не меняют исходной части речи (см., например, [Русская грамматика 1980: 265]).

В последние десятилетия в русской лексикографии появился особый тип словарей, в которых словарными единицами являются словообразовательные форманты. В таких словарях делается попытка описать варианты и семантику лексических единиц, а также суффиксов. Она описывается через семантику производных. В словаре Т.Ф. Ефремовой «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» нет пометы СД и значения суффикса *-ость* (*-енн~ост'*-, *-им~ост'*-, *-н~ост'*-, *-(т)~ост'*) описаны следующим образом:

1) суффикс *-ость* является словообразовательной единицей, образующей имена существительные со значением отвлеченного признака или состояния (*бледность, смелость, скромность*);

2) с данным суффиксом также образуются существительные женского рода, которые лишены значения отвлеченного признака и обозначают предмет или явления, характеризующиеся качеством, названным мотивирующим именем прилагательным [Ефремова 2000].

Более детальное и многоуровневое описание семантики *-ость* дано в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улукханова (далее – ССА). Здесь зафиксированы два омонимических средства *-ОСТЬ¹* (орф. *-ЕСТЬ*; *-НОСТЬ¹*; *-СТЬ*; *-ТЬ¹*) и *-ОСТЬ²* (*-НОСТЬ²*, *-ОТЬ*, *-ТЬ²*). Значение морфемы описаны на трех уровнях, обозначений ЗМ, ЗТ и ЗП:

1. ЗМ: значения, которые можно приписать самой морфеме;
2. ЗТ: значения словообразовательных типов, в которых реализуется данное ЗМ;

3. ЗП: значения словообразовательного подтипа («частное словообразовательное значение»).

Помимо этого, внутри подтипов или при общем значении (при отсутствии подтипов) описываются вторичные словообразовательные значения, если они имеются [Лопатин, Улуханов 2016: 6]. Они позволяют описывать многозначность. «Нередко часть слов, относящихся к словообразовательному типу, характеризуется регулярной многозначностью: наряду со значением, соответствующим значению типа, эти слова имеют и другие, так называемые вторичные значения. При этом соотношение между типовым и вторичным значением регулярно, то есть тождественно у многих слов с вторичными значениями, относящимися к данному типу» [там же: 34].

Значение суффикса -ОСТЬ¹ (ЗМ) в данном словаре описывается как чисто транспонирующее — «признак, состояние, названные мотивирующим словом» [там же: 612]. В зависимости от производящих частей речи выделяются два словообразовательных типа, характеризующихся разными ЗТ: (1) сущ. < прил. или прич. и (2) сущ < глаг. [там же]. В первом типе (**отадъективном**) суффикс, по мнению авторов, реализует свое отвлеченное значение. Здесь выделяются 6 подтипов значений (под пометой ЗП), некоторые из которых имеют дополнительные разновидности.

ЗП 1.1. признак, названный мотивирующим прилагательным (качественным или в качественном знач.): *смелый* > *смелость* ‘свойство по знач. прил. *смелый*; смелое поведение, *храбрость*’.

ЗП 1.2. признак, свойство, заключающиеся в наличии того, отношение к чему указано в основе мотивирующего прилагательного: *плановый* > *плановость* ‘наличие плана’. Здесь тоже выделяется разновидность «изменчивый, количественно измеряемый признак (*урожайность, численность*);

ЗП 1.3. то же, что в п. 1.2 (мотивирующее – повторяющийся опорный компонент суффиксально-сложных прил.): *валентный* (*двухвалентный, трёхвалентный, поливалентный* и т. п.) > *валентность* (химич.);

ЗП 1.4. состояние лица, отношение к которому указано в основе мотивирующего прилагательного: *инвалидный* > *инвалидность* ‘состояние инвалида’;

ЗП 1.5. признак, свойство, заключающиеся в том или ином отношении к действию (мотивирующее – отглагольное прил. или прич.): *всхожий* > *всхожесть* ‘способность семян всходить, прорасти’;

ЗП 1.6. явление, свойство, называемое также словосочетанием с мотивирующим прилагательным. в роли определения: *соборные начала* > *соборность* [там же: 612–615].

Почти для всех подтипов в ССА отмечена многозначность. Она проявляется в наличии вторичных значений двух типов: 1) “изменчивый, количественно измеряемый признак” – это вторичное значение представлено у всех ЗП, кроме 1.4 и 1.6; 2) “конкретизируемый носитель признака”. Наибольшее количество разновидностей этого значения представлено в ЗП 1.1. Как пишут авторы, «существительные со значением признака имеют вторичное значение “носитель признака”, конкретизирующееся применительно к человеку (*индивидуальность, знаменитость, бездарность, деревенщина*), или группе лиц (*беднота*), месту, вместительности, пространству (*плоскость, полость, ёмкость, выпуклость, пустота, мерзлота*), поступку (*низость, пошлость*), явлению (*редкость, новость*), веществу, продукту (*жидкость, копчёность, кислота*), собирательному понятию (*юность* “молодые люди”, *наличность* “то, что имеется в наличии”).

В отглагольных сущ., образованных с -ОСТЬ¹, выделяются четыре подтипа значений словообразовательного типа:

2.1. состояние, названное мотивирующим глаголом: *жалеть* > *жалость* ‘состояние по глг жалеть: чувство соболезнования, сострадания к кому- чему-л.’. Здесь отмечено непродуктивное вторичное значение “предмет, явление, вызывающее это состояние или характеризующееся им” (*радость, принадлежность*);

2.2. отдельный акт действия (способного неоднократно повторяться), названного мотивирующим глаголом: *оплошать* ‘ошибиться’ > *оплошность* ‘ошибка, промах’;

2.3. (единичн.) действие, являющееся выражением того отношения к кому-л., которое названо мотивирующим глаголом: *почитать* ‘читать’ > *почесть* ‘действие, являющееся внешним выражением почитания кого-л.’;

2.4. признак (изменчивый, способный проявляться в разной степени), заключающийся в склонности, способности к действию или состоянию, названному мотивирующим глаголом: *обрываться* > *обрывность* (спец.) ‘способность нити, пряжи обрываться’.

Значение *-ОСТЬ*² (ЗМ) характеризуется как «предмет, явление, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом [там же: 616]. В этом определении можно видеть описание вторичного значения «носителя признака». Нужно отметить, что это же значение присутствует как вторичное у производных на *-ОСТЬ*¹. Они реализуются в четырех словообразовательных типах: сущ. < прил. (ЗТ: предмет, явление или их совокупность — носитель признака, названного мотивирующим прил.); сущ. < глаг. (ЗТ: предмет, характеризующийся отношением к действию или состоянию, названному мотивирующим глаг.); сущ. < сущ. (ЗТ: ‘часть предмета, находящаяся в том месте, которое названо мотивирующим сущ.) и 4) сущ < сущ (в опорном компоненте) и глагол (в первом компоненте) (ЗТ: то, что названо в опорном компоненте и уточнено по знач. первого компонента) [там же: 616-618].

В ССА словообразовательные типы с *ОСТЬ*² охарактеризованы как единичные, непродуктивные или эпизодически продуктивные. Из этого можно сделать вывод о том, что у производных с русским суффиксом *-ость* первичным и регулярным является отвлеченное значение, а параметрическое значение и значение конкретизируемого носителя признака сопровождает абстрактное значение в большинстве случаев и обычно не является единственным. Они

вторичны, что говорит о регулярности семантического сдвига у имен со значением «отвлеченного признака».

Интересно, что помимо этих двух суффиксов в ССА в *pluralia tantum*, образованных от прилагательных, выделяется еще суффикс -ОСТ(И)/ -Т(И): *внутренности, сладости, сласти*. Он обозначает совокупность предметов, характеризующуюся признаком, названным мотивирующим словом [там же: 611].

Суффикс -ИЗМ также описан в ССА с помощью выделения омонимов: -ИЗМ¹, -ИЗМ² и -ИЗМ³. Среди них второй и третий омоним имеют очень конкретные значения: ИЗМ²: элемент языка, речи, произведения (архаический и архаичный > арха-изм, украинский > украин-изм, Стравинский > стравин-изм); -ИЗМ³: целое, состоящее из частей (орган > орган-изм) [Лопатин, Улукханов 2016: 353].

Значение суффикса -ИЗМ¹ описывается как «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, **качество**, склонность, образ мыслей, сфера жизни и деятельности, болезнь, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим словом» [там же: 348].

Таким образом, значение **качества/свойства** включено в словаре в семантику самого суффикса как одно из возможных. Производящими единицами могут служить сущ., прил., глагол и «связанный интернациональный корень» [там же].

Сема 'качество' присутствует также в виде одного из перечисляемых значений словообразовательного типа «сущ. < сущ. – имя живого существа» (*героизм < герой* и т.п.). Ср.: «1.1.1. ЗП: **качество, свойство**, образ мыслей и действий, направление, болезнь, носителем который является лицо или живое существо, названное мотивирующим (нарицательным) существительным: *патриот > патриот-изм* 'черты характера и поведения, свойственные герою, патриоту'» [там же]. В остальных подтипах этого типа речь идет только о носителях признака – общественной системе, направлении, течении, образе мыслей, общественном явлении, сфере деятельности.

Для ЗП 1.1.4. (общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, образ мыслей и действий, общественное явление, болезнь, основанные на склонности к тому, что названо мотивирующим сщ (преимущ. нарицательным)) указано, что для «для данного разряда слов также может быть характерно значение **«изменчивое, количественно измеряемое явление»**: *Травматизм* (высокий – низкий).

Значение отадъективных дериватов на *-изм* (сщ < прл) описывается как ЗТ «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, образ мыслей, склонность, **свойство**, явление, сфера деятельности, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прл.» [там же: 350]: *гуманный* > *гуман-изм* ‘гуманный образ мыслей, гуманное отношение к людям’. При описании значения словообразовательного типа «сущ. < прил.» (*аполитичность, аморализм* и пр.) ССА не используется слово *качество*, а только *свойство, склонность*.

От глаголов, по ССА, образуются слова на *-изм* со значением «общественно-политическое, эстетическое направление, образ мыслей, склонность, характеризующиеся действием, названным мотивирующим глг.»: *приземлять* > *приземл-изм* ‘то же, что *приземленность*’.

Таким образом, значение **качества** зафиксировано в словаре прежде всего для производных от существительных, а не прилагательных. Это представляет особый интерес и требует специального обсуждения (см. главу 4), поскольку слова типа *героизм*, относимые ССА к типу сущ < сущ., также используются как средство сворачивания предложения и образования фактологической номинализации, несмотря на отсутствие мены части речи. Ср.: *Он ведет себя как герой!* > *Его героизм восхищает*.

Проведенный анализ словообразовательных описаний русской номинализации выявляет ее особенности, затрудняющие это грамматическое преобразование. К ним можно отнести, во-первых, неунифицированность способа образования синтаксического деривата. Так, по крайней мере 9 суффиксов (*-ость, -ств-, -иѣ-, -от-, -изн-, -ин-, -ицин-, -изм* и *-иц-*) могут рассматриваться как

словообразовательные средства, с помощью которых может осуществляться отадекативная номинализация. Во-вторых, производные с этими суффиксами часто являются многозначными и используются как лексические дериваты. Это порождает непредсказуемость значения и необходимость изучения контекстуальных средств, позволяющих снять неоднозначность.

Помимо этого, остаются не до конца решенными вопросы, связанные с разграничением синтаксической и лексической деривации. Они возникают в связи с необходимостью выделения разных модификаций значений, относимых к числу транспозиционных. Кроме того, остается неясным вопрос о том, можно ли рассматривать в некоторых случаях *качество, свойство, состояние* как особый вид носителя признака и на этом основании относить производные с этим значением к сфере лексической деривации. Наконец, требует обсуждения тот факт, что имена качества могут мотивироваться не адекативами, а существительными же (см. производные на *-изм*).

Все это требует рассмотрения тех семантических процессов, которые сопутствуют частеречной транспозиции и носят достаточно регулярный характер.

7. Проблема семантического осложнения синтаксических дериватов

В.В. Виноградов объяснял явление полисемии ограниченностью языка по сравнению с многообразной действительностью, которая заставляет язык «разносить бесчисленное множество значений» на основе основных понятий [Виноградов 1947/1986: 15]. В сфере синтаксической деривации, как «асемантической», полисемия должна быть представлена в наименьшей степени. Однако, как отмечают многие лингвисты, слова транспозиционного типа часто осложняются семантическими сдвигами и вторичными словообразовательными значениями. Характеризуя синтаксическую деривацию, И.А. Мельчук отмечает склонность синтаксических дериватов к лексикализации и выделяет три семантических эффекта по степени изменения производной лексемы: 1) смысл производной лексемы L' существенно отличается от смысла исходной лексемы L;

2) в смысле производной лексемы L' появляется сужение или расширение смысла исходной лексемы L и 3) производная лексема L' становится «полисемичной единицей, значения которой связаны отношениями метонимии или метафоры. В последнем случае производное слово выступает и как лексический дериват (или семантическое производное), и как синтаксический (транслятивное производное) [Мельчук 1998: 462].

Для русских существительных с функцией синтаксического деривата полисемия является частым явлением, хотя в русском языке есть и суффиксы, специализирующиеся на функции транспозиции. Так, в «Русской грамматике» отмечаются около 40 словообразовательных типов имен действия, и из них 11 типов существительных имеют вторичные предметные значения [Русская грамматика 1980].

Как замечает Д.А. Осильбекова, те типы имен действия, которые не имеют предметных значений, «относятся в основном к малопродуктивным словообразовательным типам или к единичным образованиям», и у производных слов данного разряда часто совмещаются значения процессуального признака и предмета [Осильбекова 2009]. Как считает автор статьи, наличие у имен действия предметного значения «формирует переходную зону между синтаксической и лексической деривацией» [там же].

З.И. Резанова рассматривает «сочетание синтаксической и лексической мены» как примеры словообразовательных типов, «в рамках которых создаются производные в результате одновременного действия двух разнонаправленных преобразований» [Резанова 1996: 18]. При этом она отмечает, что «в производных типа *синяк – синий, писатель – писать* первично лексическое преобразование <...>, в производных же типа *синева – синий, прополка – прополоть* первична синтаксическая мена» [там же].

Способность к полисемии в русском языке связана также с многозначностью самих суффиксов, с которыми образуются номинализаторы. Суффиксы для образования отвлеченных имен, обладающие категориальным значением,

разделяются И.Г. Милославским на две группы в зависимости от того, способны ли они создавать дополнительное конкретное значение [Милославский 1980: 71].

В связи с многозначностью возникает проблема разграничения омонимии и полисемии, важная для лексикографического представления. В русской традиции выделение предметного и признакового значений у отвлеченных имен чаще описывается как полисемия, носящая регулярный и системный характер. При этом отмечается, что у производных слов полисемия носит часто регулярный, системный характер. Так, О.П. Ермакова характеризует лексическую многозначность производных слов как языковое явление более системное и упорядоченное, чем многозначность непроизводных слов [Ермакова 1977: 13].

Ю.А. Апресян, рассматривая аналогию между словообразованием и многозначностью, указывал на то, что она «простирается настолько далеко, что к ней оказываются применимыми такие типично словообразовательные понятия, как регулярность — нерегулярность, продуктивность — непродуктивность и др. под.» [Апресян 1995: 189]. На этом основании вводится понятие “регулярная многозначность”, позволяющее описывать модели “семантической деривации”.

Как показал анализ специальной литературы, многообразие значений у русских отадъективных синтаксических дериватов можно свести к трем типам: транспозиционное, параметрическое и значение носителя признака (конкретно-вещественное).

Различие между первыми двумя типами значений одного слова М.В. Панов описывал так: соотношение существительных с качественными прилагательными может быть «двоякого типа»: в одних случаях (*медленный – медленность; краткий – краткость и тусклый – тусклость*) производные существительные обозначают качество, называемое мотивированным прилагательным; а в других случаях (*скорый – скорость; длительный – длительность и яркий – яркость*) «прилагательные указывают на положительное (значительное) проявление данного признака, а существительные не указывают, значительно ли это проявление. Скоростью обладают нескорые объекты, длиной – недлинные, яркостью – неяркие

и т.д.» [Панов 1962/2007: 90]. Эта же мысль, но другими словами, выражена в следующем описании: «значение прилагательных содержит не только название признака, но и переменную, характеризующую степень проявления этого признака (degree variable)» [Гращенков, Лютикова 2018].

Как уточняет М.Б. Ташлыкова, исходное прилагательное может указывать и на отрицательное (меньше нормы) проявление признака³ (*широкий* – ‘имеющий большую протяженность в поперечнике’; *узкий* – ‘имеющий малую протяженность в поперечнике’) [Ташлыкова 2013: 69]. Но и значение ‘меньше нормы X’ можно рассматривать как значительное отклонение.

Параметрическое значение у многих существительных, как отмечает Ю.Д. Апресян, сочетается со значением синтаксического деривата, порождая регулярную многозначность. Он рассматривает существительные типа *скорость*, *глубина*, *высота* и т.п. как многозначные существительные, относящиеся к регулярному типу ‘Параметр’ - ‘высокая степень свойства по этому параметру’ [Апресян 1995: 203].

Вопрос о том, относится ли параметрический подтип значений к сфере синтаксической деривации, до сих пор остается спорным. В «Русской грамматике» внутри транспозиционного типа значений, как уже говорилось выше, выделяется модификация «признак, проявляющийся в различной степени и поддающийся измерению» (*скорость*, *влажность*, *жирность*, *водность*, *этажность* и др.) [Русская грамматика 1980: 176]. С другой стороны, в параметрическом значении имеет место явное расширение исходного значения: как по этому поводу пишет Е.А. Земская, существительные типа *влажность*, *скорость* «по смыслу шире, чем однокоренные прилагательные» [Земская 2009: 258].

Если исходить из обязательности для номинализации субстантивации именно сказуемого, а не просто сохранение отвлеченного значения прилагательного, то можно говорить о том, что существительное в параметрическом значении не служит для преобразования предикативной

---

³ См. также [Апресян 1995: 93].

конструкции. Оно не сохраняет значение предложения. В связи с этим в нашей работе принимается решение об отнесении этого значения к сфере лексической деривации и выделение в качестве отдельного значения, противопоставленного транспозиционному.

Важны круг исходных прилагательных, которые могут образовывать параметрические производные и характеризуются «количественной метафорой» [Ташлыкова 2013: 98]. Как описывает М.Б. Ташлыкова, «шкалируемый признак могут обозначать все параметрические имена, но не все они способны выражать количественное значение» (к примерам отнесены прилагательные *глубокий, толстый, тонкий, длинный, короткий*) [там же: 99].

Что касается третьего типа значения, то оно является результатом именования носителя признака через признак и все относится к лексической деривации. По мнению лингвистов, опредмеченное значение (значение лексического деривата) у отвлеченных имен развивается на основе значения синтаксической деривации (см., например, [Мельчук 1998] и [Курилович 1962]) в результате метонимических и метафорических переносов [Мельчук 1998: 463].

Уже у М.В. Ломоносова выделен в метонимии регулярный тип «признак вместо самой вещи» [Ломоносов 1952: 248]. Такое же видоизменение семантики русских отвлеченных имен характеризуется Ю.Д. Апресяном как регулярный семантический сдвиг типа *свойство субъект свойства* ('свойство X' — 'то, что имеет свойство X'; S_0 — S_{sub}) [Апресян 1995: 194]. При этом он считает данный тип значения непродуктивным и отмечает, что оно «часто наблюдается у существительных, обозначающую отрицательную оценку» [там же: 195]. Как показал Ю.Д. Апресян, регулярность не обязательно сочетается с продуктивностью. Важно также замечание автора, что мотивирующей единицей в этом случае может служить не просто прилагательное, а сочетание «прилагательное+существительное». Ср. приводимый Ю.Д. Апресяном пример равнозначного преобразования: *Непристойность¹ этого ответа ни с чем не сравнима* → *Этот ответ – ни с чем не сравнимая непристойность²* [там же].

В лингвистических исследованиях уже давно пытались выявить регулярные конкретные типы носителей признака, которые могут обозначаться существительными, образованными по модели синтаксических дериватов. Внимание при этом в основном уделялось существительным на *-ость* как самому продуктивному типу.

Описывая существительные с продуктивным суффиксом *-ость* в историческом развитии, Н.А. Баяндина вслед за В.М. Марковым называет такой ряд существительных с мутационной семантикой «семантическими образованиями», и выделяет 8 типов вторичного значения у существительных с суффиксом *-ость*, используемых в памятниках XVIII – первой четверти XIX века: лицо (*милость, светлость*); место/пространство (*плоскость, внутренность*); собирательность/совокупность (*юность, подлость*); слова/высказывания (*грубость, новость*); поступок/действие/поведение (*дерзость, грубость*); предмет (*ведомость, крепость*); вещество/продукт (*сладости, жидкость*) и «новое» качество/сущность (*верность* в значении 'сохранность', *гибкость* в значении 'проворство, поворотливость' и некоторые др.) [Баяндина 1999].

В «Русской грамматике» у производных с суффиксом *-ость* выделено вторичное значения “носитель признака” и отмечено, что оно конкретизируется в 6 разновидностях: человек (*индивидуальность, знаменитость, бездарность*); место,местилище, пространство (*плоскость, полость, емкость, выпуклость*); поступок (*низость, пошлость, крайность, гадость*); вещество, продукт (*жидкость, копченость*); вообще вещь, явление (*редкость, новость*) и собирательное понятие (*юность, наличность*) [Русская грамматика 1980: 178]. 5 типов для двух рассмотренных классификаций является общими: лицо, место/пространство, поступок, вещество/продукт и собирательность. Остальные различия связаны, очевидно, с большей степенью дробности первой классификации.

Описания в «Русской грамматике» (см. выше) также показали, что 6 из 9-и суффиксов (*-ств(о), -от(а), -изн(а), -ин(а), -изм* и *-щин(а)*) для образования имен отвлеченного признака, которые могут выступать как синонимичные средства к -

ость, тоже могут иметь значения параметра и/или опредмечивания помимо значения СД. Среди них *-от(a)*, *-изн(a)* и *-ин(a)* могут иметь, судя по описанию, все три подзначения, а с *-ств(o)*, *-изм* и *-щин(a)* образуются слова, которые могут иметь «вторичное значение» или выступать в качестве синонимов «словосочетаний с мотивирующим прилагательным» [Русская грамматика 1980: 178–179].

Это позволяет сделать вывод о том, что транспозиционное, параметрическое и “опредмеченное” значения характерны для русских имен, образованных с помощью различных суффиксов. При этом можно предположить, что их реализация зависит от семантики производящих единиц. В случаях, когда производящее прилагательное активно выступает и как атрибут, и как предикат и, кроме того, обозначает важное для какого-то типа денотатов либо измеряемое качество, то оно может порождать при номинализации все три типа дериватов: синтаксический, параметрический и опредмеченный. В этом случае производное от него существительное может иметь все три соответствующие значения. Ср., например, слово *емкость*:

(1) *Этот бак отличается своей емкостью* = ‘он имеет качество быть емким в большой, достаточной степени’ (синтаксический дериват);

(2) *Емкость этого бака – 10 литров. Она недостаточна.* = ‘он емкий в недостаточной степени’ (параметрический дериват).

(3) *Они уже наполнили водой все ёмкости* = ‘предметы, способные вмещать жидкость’ (опредмеченный дериват = носитель признака).

Семантическая сложность описания, а также понимания характерной для отадъективов полисемии подтверждается работами по психолингвистике. Изучая осознание синтаксических дериватов в речевой деятельности с помощью экспериментов, Т.И. Доценко показала, что при объяснении значения отадъективных отвлеченных имен с суффиксами *-ость* и *-изн-* встречается наибольшее число отказов (отсутствие ответа от испытуемых: «такого слова – не употребляю») [Доценко 1984: 25–26]. Главной причиной, как считает исследователь, является проявление у синтаксического деривата «как конкретного,

так и абстрактного значения», объяснение которого «вызывает трудности не только у рядовых носителей языка, но и у специалистов-лексикографов» [там же].

8. Типы транспозиционных употреблений отадективов

Для того, чтобы фиксировать наличие у отадективного существительного функции СД, нужно определить, какой контекст употребления может быть ее сигналом. Поэтому важно иметь описание типов употреблений существительных, мотивированных адъективами. Наиболее подробный анализ этих типов дан в работе М.Б. Ташлыковой «Семантические этюды о “синтаксической деривации”». М.Б. Ташлыкова отмечает, что имена качества могут представлять «атрибутивный или предикативный слой своей семантики» [Ташлыкова 2013: 50]. На этом основании ею выделяется два основных вида употреблений имен отвлеченного признака: *атрибутивный* и *предикативный*.

Как отмечает автор, собственно атрибутивную функцию, первичную для прилагательного, имена отвлеченного признака выполняют не очень часто и преимущественно в поэтических текстах [там же: 44]. В этом случае происходит, по определению В.М. Жирмунского, «отвлечение эпитета», т.е. замена конкретного качественного слова (прилагательного) абстрактным понятием, выражающим его логическое содержание (существительным)» [Жирмунский 1977: 157].

В качестве примера этой функции приводится фраза *По синеве морей Зефир скользил* (А.С. Пушкин). Суть преобразования *синее море* → *синева морей* объясняется так: «В результате словообразовательного акта имя признака выходит из зависимой позиции согласованного определения в позицию управляющего субстантива. Такое грамматическое переподчинение влечет за собой переподчинение смыслов: акценты смещаются с предмета – носителя признака на сам признака, представленный как автономная сущность и способный к дальнейшей конкретизации» [Ташлыкова 2013: 45].

Второй тип употребления, при котором прилагательное «предоставляет имени качества предикативный слой своей семантики», обозначается термином

“импликация пропозиции”. Автор обращает внимание на то, что при таком употреблении имена качества могут оформлять как монопропозитивные, так и полипропозитивные структуры. М.Б. Ташлыкова подробно останавливается на работе Г.А. Золотовой, в которой рассматриваются модели монопропозитивных предложений, «семантический объем которых сводится к сопряжению признака с предметом, его носителем» [Золотова 1976: 145]. Вслед за Г.А. Золотовой М.Б. Ташлыкова анализирует предложения с вспомогательными глаголами *отличаться*, характеризоваться и т.п.; поссесивные конструкции с глаголами *иметь*, *обладать*; предложения с показателями полноты, интенсивности признака (*пронизывать*); с глаголами проявления, наличия; предложения с глаголами *чувствовать*, *ощущать* и т.п.; предложения со средствами выражения усиления и ослабления признака; с компаративным значением, где имя качества выступает как критерий сравнения.

Во всех этих случаях фактологическая интерпретация и замена на *то, что-* предложение невозможны. Ср.: *Он испытывает усталость; Во взгляде ее нежность* и пр.

В полипропозитивном употреблении принадлежность в синтаксической деривации более очевидна. Как пишет М.Б. Ташлыкова, «эти высказывания допускают только предикативную, но не атрибутивную трансформацию. Ср.: *Я жаловалась на неспособность понять <...> жаловалась, что неспособна понять* (*жаловалась на неспособное понимание).

Формируя имплицитную пропозицию, имя качества может занимать разные синтаксические позиции. Чаще всего он выступает как актант при глаголах речи, мысли, чувства, восприятия и эмоционального отношения» [Ташлыкова 2013: 51]. В этом случае имя качества (зависимый предикат) называет определенную ситуацию, а основной предикат – ее восприятие [там же].

Отадъективное имя может также входить в состав детерминанта или обстоятельства. Ср., например, *несмотря на усталость, из-за собственной бедности* и пр. В таких случаях «имплицитный предикат называет здесь некое положение дел, по поводу которого высказывается некоторое отношение, — он

осуществляет характеризацию субъекта основного высказывания: ср.: *я была усталой..., сами бедны...* [там же: 52].

На основании проведенного анализа М.Б. Ташлыкова делает следующий вывод: «наиболее типичные функции отадективного существительного — выражение скрытого атрибута (отвлечение эпитета) и скрытого предиката (пропозитивное насыщение высказывания)» [там же: 53]. Обе из этих функций отнесены автором к сфере синтаксической деривации.

Очень важным является следующее положение, выдвинутое автором и специально выделенное жирным шрифтом: «**Реализация каждой из этих функций возможна лишь в тех случаях, когда при имени качества есть имя предмета или референтное ему местоимение**» [там же: 53].

Продолжая анализ употреблений имен качеств, М.Б. Ташлыкова анализирует следствия утраты зависимого от деадъектива имени. Выделяется два их типа, которые еще могут быть отнесены к сфере синтаксической деривации: 1) адвербиализация и 2) субстантивация.

В первом случае чаще всего имеет место употребление в форме творительного падежа с предлогом *с*. При этом возникает синонимия с наречием (*с живостью* = *живо* и пр.). Она объясняется тем, что и наречие является синтаксическим дериватом от качественного прилагательного. Более сложный случая — субстантивация. Разбирая примеры типа «*Сладкая пытка, мучительность нежная, Трепетность зыбкая, радость безбрежная? Милая, милая, это любовь* (Бальмонт), автор отмечает, что «здесь нет имени предмета или действия, чей признак называло бы отадективное существительное. В результате происходит своеобразная содержательная **субстантивация**... Признак ...мыслится не как характеристика предмета или действия, а как выделенная сознанием самостоятельная сущность, как отдельный концепт. Именно здесь формируется подлинное имя качества — не знак чьего-либо свойства, а знак свойства как такового» [там же: 55]. В таких случаях отадектив называет понятие, явление, категорию [Золотова 1976: 154].

Следствием устранения имени носителя признака при дальнейшей семантической изоляции признакового имени может быть также **опредмечивание**. Оно выводит отадъектив из сферы синтаксической деривации: «теперь он обозначает не **признак** предмета/ действия и не признак как таковой, а **предмет**, обладающий признаком ...» [Ташлыкова 2013: 60]. Здесь автор, вслед за Г.А. Золотовой, помимо общего, выделяет такие более частные «опредмечивающие семантические сдвиги», как **персонализация** (*роптала юность удалая..*) и **локализация** (*звезда небес в бездонность утечет..*).

Завершая рассмотрение типов текстовых употреблений отадъективов, М.Б. Тышлакова пишет о том, что они требуют дальнейшего осмысления. Среди поднимаемых ею вопросов находится вопрос о отадъективах с количественным значением, которые по мнению Г.А. Золотовой, также реализуют имя со значением качества, свойства предмета. Здесь речь идет о параметрическом значении слов типа *мощность, глубина* и пр. По мнению М.Б. Ташлыковой, такие единицы не обладают свойствами синтаксических дериватов — тождеством лексического значения со значением производящего» [там же: 65].

Вторым дискуссионным вопросом является то, для всех ли номинализаций характерна номинативная функция (“субстантивация”). Автор отмечает, что для ее обозначения традиционно используются термины *имя свойства, имя качества, имя признака*, но эти термины описывают любой из разных типов употреблений. «Тем самым имя признака как свойства предмета не противопоставлено имени признака как типа сущности» [там же: 66]. М.Б. Ташлыкова задает следующие вопросы: «Все ли имена качества могут использоваться номинативно? Какую форму толкования следует рекомендовать для лексикографического описания такого имени?» [там же].

Общий вывод, к которому приходит автор, таков: необходимо дальнейшее детальное рассмотрение разных групп отадъективных существительных и расширение объема исследуемого материала [там же: 67].

9. Проблемы словарного описания отадективов

Поскольку значение производных с суффиксами номинализации сильно лексикализовано, такие единицы традиционно описываются в русских толковых словарях. Однако при лексикографическом описании имен качеств возникает целый ряд сложностей.

В толковых словарях не используется специальная помета о наличии у слова функции синтаксического деривата. Главной приметой его служит отсылочная конструкция (толкование через производящую единицу). Ср. например, толкования значения отвлеченного качества у слова *слабость* в разных словарях:

БАС: 'свойство и состояние **слабого**';

МАС: 'свойство и состояние по значению прилагательного *слабый*';

ТСУ: 'отвлеченное существительное к *слабый*';

ТСО: см. *слабый*.

Но такой способ имеет свои недостатки. Характеризуя отсылочные конструкции как основной способ толкования имеющимися словарями СЛРЯ имен качества, М.Б. Ташлыкова отмечает следующие положения:

1. В словарных описаниях часто смешивают идентификаторы «свойство» и «состояние», хотя их различие ни четко описывается, не автоматически ощущается читателями;

2. В случаях, когда производящее прилагательное полисемично, по толкованию его имени качества сложно судить, с каким(-и) значением(-ями) оно соотносится;

3. «Неточности интерпретации» такого способа толкования заключаются в том, что подобная конструкция нередко отсылает к лексемам прилагательного, которые по семантике не способны выступать как производящие единицы;

4. Лексикографы избегают использования отсылочных конструкций, когда «лексическое значение существительного имеет определенную специфику» (например, дополнительная сема количества), которую не способна передавать формула отсылочного типа [Ташлыкова 2013: 41–43].

Таким образом, как считает ученый, выбор между отсылочной конструкцией и семантическим толкованием чаще всего отражает «мнение лексикографа о тождественности/нетождественности лексических значений прилагательного и существительного». С учетом того, что семантическое толкование должно указывать на своеобразное, нетождественное с производящим словом значение у существительного, многие словарные статьи могут оказаться «неубедительными и немотивированными» из-за «маркированности» использования семантической дефиниции. К таким статьям М.Б. Тапшыкова относит следующие толкования: «*любезность* ‘обходительность, учтивость; свойство любезного человека’ – при *любезный* ‘обходительный, учтивый’» и т.п. [там же].

Для улучшения таких неточных толкований, предлагает исследователь, следует учитывать результаты исследований в смежных лингвистических областях и выполнить задачу «выяснения степени регулярности при порождении имен качества, выявление специфики их смыслового взаимодействия с атрибутивными словами и определение семантического своеобразия этих имен» [там же].

Исследуя описание и отражение номинализации в толковых словарях русского и польского языка, В.В. Самсонов отмечает, что одна из проблем описания данного явления в современных толковых словарях заключается в том, что «словари не выявляют, как взаимодействуют здесь лексика и синтаксис» [Самсонов 2014]. Проанализировав статьи отглагольных транспозиций в толковых словарях русского и польского языков, автор статьи пришел к выводу о том, что в русских толковых словарях часто отсутствует помета о принадлежности отглагольных транспозиций к специализированному языку и о их конкретизированной семантике. На основе этих наблюдений автор предлагает не давать ссылку на исходный глагол, и описывать лексемы с лексикографическими маркерами и «реально существующими примерами», которыми может служить, по мнению автора статьи, корпусной материал [там же].

Словарное описание затрудняет и потенциальный характер синтаксических дериватов. Как заметил Ю.С. Сорокин, синтаксические дериваты, составляющие

«ряды принципиально не ограниченные», не всегда фиксируются даже в самых полных словарях [Сорокин 1965: 12]. Главная причина заключается, как считает историк языка, в том, что данные слова «не всегда удерживаются в языке», хотя многие из них могут становиться самостоятельными лексическими единицами при утрате «прямой соотносительности и грамматической или словообразовательной в зависимости от исходных слов» [там же].

Проблема стилистической обусловленности номинализаций и их разного состава в разных типах дискурса, а также постоянные семантические сдвиги и наличие разных типов текстовых употреблений требует создания словарей нового, активного типа. Причем такие словари должны фиксировать состояние определенной стадии существования языка.

Однако это не значит, что изучать номинализацию по толковым словарям нельзя. Они остаются на этом этапе важным источником данных. «Общезыковые» словари позволяют собрать необходимую для последующего более углубленного функционального описания информацию. Их можно использовать для сбора информации об основном составе русских отадективов, о доле среди них чистых синтаксических дериватов, о видах многозначности.

10. Стилистические особенности адъективной номинализации

В связи с продуктивностью слов на *-ость* прежде всего в книжном языке возникает вопрос о том, насколько активно они используются в повседневном языке и прежде всего в диалектах. Этот вопрос также изучался русскими исследователями. Исследуя данное явление, Т.Н. Попова выделяет два основных типа абстрактных имен, представленных в народных говорах: 1) прямые заимствования из литературного языка, связанные с новыми реалиями; и 2) собственно диалектные дериваты, образованные по литературным моделям «с использованием диалектных основ и книжных суффиксов» [Попова 2009]. Как пишет автор, подавляющее большинство отвлеченных существительных с суффиксом *-ость* мотивируется собственно диалектными основами, которые могут

называть характер, состояние и внешние характеристики человека, а также социальные характеристики и свойства предметов или явлений действительности [там же]. Однако автором было выявлено, что для диалектного словопроизводства в целом характерна тенденция к конкретизации значения [там же]. То есть чисто конструктивная функция представлена здесь в меньшей степени, чем в литературном языке.

В разговорной речи имена действия, как отмечает Р.И. Розина, преимущественно мотивируются разговорными или сленговыми глаголами, а при образовании от глаголов литературного языка значение существительных модифицируется, и появляются «семантические приращения, в результате которых значения этих существительных оказываются более специализированными» [Розина 2008]. При этом автор статьи приходит к выводу о том, что в сленге чаще используется иной способ номинализации, чем в литературном языке, и данное отличие проявляется в следующих типах случаев:

1) в сленге существуют номинализации, которые в литературном языке нельзя образовывать (*улет* от гл. *улететь*);

2) там, где в литературном языке осуществляется суффиксация, в сленге наблюдается склонность к усечению;

3) в сленге при номинализации используется другой суффикс (*напряжение*, *объявление* в литературном языке и *напряг*, *объява* в сленге).

Что касается образования имен качества в разговорной речи, как отмечает В.К. Голубева, для актуализации значения признака практически может выступать любое преобразование – даже от притяжательных и относительных прилагательных в составе устойчивых словосочетаний. Ср.:

Если учитывать маменькиность бывшего – то браку наступил конец, через месяц уже (ЕРМ).

В диссертации подчеркивается, что документальность фильма оказывается явлением эстетически более емким, нежели фиксация «потока действительности» [Голубева 2023: 47].

Более того, как подчеркивает автор статьи, окказиональные преобразования могут стать одним из маркеров идиоматичной речи, которая приводит к «большей синтаксической простоте высказывания при большей семантической нагруженности его компонентов». Ср. пример употребления деадъектива *ромовость* от словосочетания *ромовая баба*:

*Помните, эту бабу, в школьном буфете, за целых 19 копеек? <...> В первую очередь обкусывалась самая сухая нижняя часть, а верхняя, где вся **ромовость** сосредоточена, оставлялась напоследок.*

Из вышесказанного можно сделать вывод, что номинализация представляет собой общеграмматический процесс, регулярно и активно происходящий как в литературном, так и нелитературном русском языке. По данной причине она вызывает интерес среди лингвистов, стремящихся к описанию продуктивных грамматических явлений, т.е. описанию грамматики, опирающегося на продуктивную речевую деятельность.

11. Проблема номинализации в свете задач компьютерной и корпусной лингвистики

Как изложено выше, номинализаторы как результат СД образуются для преобразования предиката и выступают как семантические эквиваленты исходных прилагательных или глаголов. Способность выступать как субституты к предикативным конструкциям дает изучению номинализации новый импульс в связи с тем, что объединение синонимичных единиц (в данном случае – адъективов и их номинализаторов) позволяет расширять запросы и производить смысловую нормализацию при автоматическом анализе текста.

Как уже отмечалось в научной и учебной литературе, разработка и применение лингвистических процессоров базируется на «использовании тех или иных лингвистических ресурсов: лексических (словари, тезаурусы, онтологии) и текстовых (корпуса)» [Большакова и др. 2017: 21]. Оба типа ресурсов играют в изучении отадъективной номинализации важные роли: словари как база языковых данных должны указывать на наличие у слов с подходящим суффиксом значения

СД и возможные значения ЛД; а использование контекстов из корпусов, в которых реализуется актуальное значение отадъективов, существенно для снятия многозначности этих слов.

Для эффективной работы с номинализациями и автоматического снятия их полисемии нужны специальные словарные базы данных. В них должно быть указано, может ли единица с подходящим суффиксом быть только СД, только ЛД или совмещать эти функции. В последнем случае нужно разрешение многозначности, что требует разработки и применения особых алгоритмов.

Создать такие базы можно прежде всего на основе существующих толковых словарей. Однако их описания должны быть пополнены и проверены с помощью анализа реальных употреблений отобранных по словарям единиц. Это можно сделать с помощью электронных корпусов текстов. Этот способ «гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений» [Захаров 2005: 3]. Здесь, нужно, однако, создавать специальные корпуса и подкорпуса отдельных типов текстов, так как одно и то же слово может вести себя в них по-разному.

Выводы по Главе I

Анализ имеющихся исследований показал, что изучение русских отадъективов остается важной как в теоретическом, так и практическом отношении задачей. Он позволил выявить остающиеся дискуссионными вопросы и наметить те исследуемые задачи, которые будут решаться в данной работе. В ней мы основное внимание уделим анализу той информации, которую можно извлечь а) из данных толкового словаря, б) из анализа конкретных употреблений слов на *-ость* и *-изм*, представленных в текстах определенного типа и периода (газетных текстах конца 20-г. в.). При этом будет затрагиваться и ряд теоретических вопросов, требующих обсуждения, таких как виды значений отадъективов и степень распространенности у них многозначности; механизмах, лежащих в основе

возникновения параметрического значения и делающих возможным образование отадъективов от ряда существительных.

1. Номинализация исследуется в первую очередь на основе понятий реноминация, транспозиции, синтаксической деривации, имен качества/действия и др. В данной работе мы рассматриваем номинализацию как вид СД, в основе которой лежит предикативность производящих частей речи. Отадъективная номинализация редко изучается русистами как единое явление из-за того, что в данной функции используются отвлеченные имена с различными суффиксами. Отсутствие унифицированного специального средства для номинализации в русском языке заставляет изучать данный тип преобразований на основе конкретных словообразовательных типов и выделить в них разряд синтаксических дериватов. Решение данной задачи осложняется в первую очередь регулярной полисемией, характерной для русских отвлеченных имен.

2. Изучение отадъективных синтаксических дериватов с опорой на конкретные словообразовательные типы основывается на описаниях суффиксов и толкованиях отвлеченных имен, которые способны выступать в данной функции. Однако как показала научная литература, для отадъективов используются разные способы описания, и не отличается значение СД от общего значения «отвлеченного признака». Этим обусловлена необходимость проведения данного исследования в целях классификации отадъективных имен, образованных с различными суффиксами, по их типам деривации. Данный тип информации до сих пор отсутствует в русских словарях, несмотря на его важность для лингвистического исследования и дальнейшего развития компьютерной лингвистики и лексикографии.

3. При развитии регулярной полисемии у отвлеченных имен главной задачей является снятие их многозначности при лингвистическом анализе текста. Из-за неполноты их имеющихся описаний необходимо создавать специальные словарные базы, в которые включается информация о наличии значений СД и ЛД у производных слов. Для созидания такого типа словарей требуется сплошной

анализ значений производных единиц всех словообразовательных типов, которые могут иметь значение СД. Их описание представляет собой трудоемкую задачу, и произведенное нами исследование является лишь ее начальным этапом.

4. Необходимость изучения номинализаций также связана с их функцией выступать как семантические эквиваленты к исходным предложениям. Эта способность придает изучаемой проблематике актуальность в области автоматического анализа текста и приложений, входящих в компьютерную лингвистику. Полное описание отадъективной номинализации сделает возможным разработать эффективные алгоритмы для расширения запроса при информационном поиске и разрешения полисемии производных существительных.

5. В данной диссертационной работе отадъективная номинализация будет рассматриваться на основе описаний и употреблений словообразовательных типов, способных выступать в качестве номинализаторов. В силу регулярного семантического сдвига русских отвлеченных имен к предмету исследования мы отнесли не только синтаксические дериваты, но и лексические. На основе конкретных словообразовательных типов пытаемся решить следующие вопросы: насколько характерна для них функция номинализации относительно функции ЛД; как часто происходит семантический сдвиг при номинализации отадъективов; какие выделяются подтипы и семантические классы в значении ЛД; какие контекстуальные признаки характерны для каждого типа дериватов и др. Использование словарных и корпусных данных позволяет решить данные вопросы в языковом, а также в функциональном планах.

6. Итак, изучение и описание номинализации как особого ряда лексических единиц имеют свою теоретическую и практическую значимость. Их результаты могут быть применены для разработки специальных словарей и алгоритмов, предназначенных для автоматического лингвистического анализов.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ ОБ ОТАДЪЕКТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. Причины выбора «Толкового словаря русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой как основного источника данных

Как уже отмечалось выше, образование синтаксических дериватов в СРЛЯ сильно лексикализовано. Выбор форманта и состав значений у разных производных слов, потенциально способных выполнять чисто конструктивную функцию, различается. Само реальное наличие/отсутствие у слова такой функции в виде особой пометы типа «СД» в русских словарях отсутствует. Эту информацию нужно извлекать из описания значений производных существительных. Поэтому для изучения средств номинализации недостаточно словарей, в которых просто фиксируются словообразовательные связи внутри гнезд (ср., например, «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова). Обязательно необходимо иметь достаточно полное и унифицированное описание семантики производного слова.

Появившиеся в последние десятилетия русские толково-словообразовательные словари, на первый взгляд, должны содержать информацию нужного типа. Ср. «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой и «Толковый словообразовательный словарь» И.А. Ширшова. Однако, как показал анализ, эти комплексные по своему характеру словари не являются оптимальными для решения поставленной нами задачи. В первом, при его очень большом объеме, недостаточно полно и последовательно фиксируется многозначность производных слов. Кроме того, толкования здесь недостаточно унифицированы. Ср., например, описание значения слова *грубость* в «Новом толково-словообразовательном словаре» (НТСС) и «Толковом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой (ТСШ):

НТСС:

ГРУБОСТЬ ж. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: *грубый*.

ГРУБОСТИ мн. Грубые слова, замечания.

ТСШ:

ГРУБОСТЬ,-и, ж.1. см. *грубый*. 2. Грубое выражение, грубый поступок.

ГРУБЫЙ || *сущ.* грубость (к 1,3,4 и 6 зн.)

Можно увидеть, для значения СД слова *грубость* в НТСС используется самостоятельная статья с отсылкой на его производящее прилагательное. При этом ЛД дается как отдельное существительное *pluralia tantum*. Данный способ не отражает парадигматическую связь ЛД и СД данного слова, описывая их как две единицы (а не как лексико-семантические варианты или омонимы). Данная проблема решается в ТСШ с помощью единой статьи, в которой значение СД описывается унифицированным средством – отсылочной конструкцией «*см. прилагательное*».

Что касается словаря И.А. Ширшова, то он сильно уступает толковым словарям по объему.

В результате предварительного сравнения словарей нами был выбран в качестве источника данных «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой. Преимуществом ТСШ является то, что это словарь “среднего” типа, и в него в целом входит достаточно употребительная лексика в наиболее употребительных значениях. Что очень важно, при подготовке ТСШ проводилась специальная тщательная работа по унификации способов описания словообразовательной производности и регулярной многозначности⁴.

Кроме того, сам способ отображения производности и функции синтаксической деривации ТСШ устроен достаточно прозрачно. Синтаксический дериват довольно последовательно дается прямо в статье производящего слова, что существенно облегчает процесс его автоматического извлечения. При наличии у производного существительного других функций оно толкуется с помощью самостоятельной статьи, а эти сведения обычно дублируются в его статье в виде ссылки на производящее слово (см. выше *грубость*).

---

⁴ Информация получена от Ю.С. Сафоновой.

Помимо регулярных словообразовательных связей и значений производных в ТСШ фиксируются и отношения синонимии между ними (с указанием вариантов номинализаторов с другими суффиксами), что позволяет также анализировать формальный аспект номинализации, т.е. вариативность и продуктивность формантов, способных образовывать синтаксические дериваты от русских адъективных единиц.

Выбор именно ТСШ в качестве источника данных о средствах адъективной номинализации был обусловлен также тем, что по данному словарю в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова была создана база данных. Эта база данных, как и сам текст ТСШ, использовалась нами при анализе материала.

2. Анализ данных ТСШ

При работе со Словарем и базой данных нами были поставлены следующие задачи:

- определить зафиксированный в Словаре состав русских существительных, способных выполнять функцию синтаксических дериватов со значением качества;
- определить на основе ТСШ состав “чистых” отадъективных синтаксических дериватов;
- отобрать лексические единицы с “синтаксическим” формантом *-ость*, для которых не фиксируется конструктивная функция;
- отобрать полисемичные единицы, образованные с помощью основных формантов отадъективной номинализации (и прежде всего с помощью *-ость*) и проанализировать их с точки зрения типов многозначности и степени регулярности этой многозначности;
- проанализировать состав частей речи, от которых образуются номинализаторы с качественной семантикой;

- проанализировать на основе отраженной в ТСШ картины формальный аспект отадекватной номинализации (состав и регулярность формантов, степень вариативности).

Ниже представлены основные результаты данного анализа.

2.1. Анализ состава синтаксических дериватов

Как уже говорилось, основным формальным признаком того, что существительное способно выполнять функцию синтаксического деривата (СД), в ТСШ является указание существительного в статье прилагательного. Что касается наличия/отсутствия у слова иной функции, то явным признаком присутствия данной функции может служить наличие/отсутствие самостоятельной словарной статьи на производное существительное. Такое отсутствие – сигнал того, что, по мнению авторов словаря, у слова нет значения, требующего специального описания, т.е. нет сдвига лексического значения по сравнению с производящим.

Анализ прилагательных, содержащих в своей статье существительное, показал следующее. В базе ТСШ зафиксировано всего 6350 статей прилагательных. При этом среди них есть 106 пар вариантов (полных синонимов) с морфами -*ическ/ичн-*. Из таких пар в ТСШ толкуется только один вариант. При этом только вариант на -*ичн-*, судя по толкованиям, мотивирует номинализаторы. Ср., например, три случая их толкования:

- 1) ГЕРОИЧНЫЙ: То же, что *героический*. || *сущ. героичность*;
ГЕРОИЧЕСКИЙ: Отличающийся героизмом.
- 2) КОМИЧНЫЙ: То же, что *комический* (во 2 знач.). || *сущ. комичность*;
КОМИЧЕСКИЙ: 1. см. *комедия*. 2. Смешной, забавный.
- 3) МЕТАФОРИЧНЫЙ: Насыщенный метафорами. || *сущ. метафоричность*;
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ: 1. см. *метафора*. 2. То же, что *метафоричный*.

Судя по этим толкованиям, авторы ТСШ с помощью отдельных статей отличают варианты прилагательных на -*ическ/ичн-*: вариант на -*ическ-* может выступать как синтаксический дериват от существительного, а вариант на -*ичн-* способен мотивировать номинализаторы. При этом для обоих вариантов может

быть характерно значение качества. Для установления реального лексического объема прилагательных, имеющих СД (по толкованиям), мы вычли из общего числа 106 синонимов-прилагательных.

Исключив их, мы обнаружили, что в статьях 3390 из 6244 прилагательных содержатся существительные. Это более половины от общего числа. Эти данные позволяют оценить степень регулярности и продуктивности номинализации адъективов в СРЛЯ.

Эта степень оказывается еще более высокой, если учесть, что транспозиция характерна для качественных прилагательных, а среди общего числа прилагательных с самостоятельными статьями есть и относительные. Само наличие отдельных статей для таких слов связано с их многозначностью. Основная часть относительных в ТСШ описана в статьях производящих существительных, поскольку русские производные относительные прилагательные являются, как правило, синтаксическими дериватами последних.

Хотя бы примерно уточнить степень регулярности номинализации прилагательных можно, если вычесть из общего числа словарных статей статьи на прилагательные с суффиксом *-ск(ий)*. Их номинализация иногда встречается в современных текстах, но это явление находится на периферии литературного языка (ср. *русскость*, *гигантскость* и т.п.). В ТСШ всего зафиксировано 590 прилагательных с финалью *~ск (ий)* с самостоятельными статьями. Из них только для 14 слов отмечены СД:

1. БРОСКИЙ: || *сущ.* броскость
2. ВЕСКИЙ: || *сущ.* вескость
3. ДЕТСКИЙ: || *сущ.* детскость
4. ЖЕНСКИЙ: || *сущ.* женскость
5. ЗВЕРСКИЙ: || *сущ.* зверство
6. НОСКИЙ: || *сущ.* носкость
7. СКОТСКИЙ: || *сущ.* скотство
8. СПЕЦИФИЧЕСКИЙ: || *сущ.* специфичность

9. ТРЯСКИЙ: || *сущ.* тряскость
10. ЯЙЦЕНОСКИЙ: || *сущ.* яйценокость
11. НАПЛЕВАТЕЛЬСКИЙ: || *сущ.* наплевательство
12. ЧУДАЧЕСКИЙ: || *сущ.* чудачество
13. ШКОЛЬНИЧЕСКИЙ: || *сущ.* школьничество
14. ШКОЛЯРСКИЙ: || *сущ.* школярство

В 5-ти из этих случаев (*броский, веский, ноский, тряский, яйценокский*) имеет место суффикс *-к*, а не *-ск*. Все эти прилагательные обладают качественными значениями.

Если исключить из общего числа прилагательных прилагательные на *-ск(ий)* без производных существительных в статьях, то общая доля прилагательных (преимущественно качественных), в статьях которых в ТСШ указываются существительные-номинализаторы, составит около 60% (3390 из 5668).

Нужно отметить, что реальное число синтаксических дериватов со значением качества еще выше. Это связано с тем, что существительные на *-изм*, именующие абстрактное качество, даются в Словаре как производящие для прилагательных на *-ический* и *-ичный*, а не их производные. Ср.:

АПОЛИТИЗМ: Безразличие к вопросам политики, к общественно-политической жизни. || *прил.* аполитический.

АПОЛИТИЧНЫЙ: Безразличный к вопросам политики, характеризующийся **аполитизмом**. || *сущ.* аполитичность.

При этом пары типа *аполитизм/аполитичность* выступают в СРЛЯ как синонимы. Но синтаксическим дериватом в Словаре признается по формальным критериям только *аполитичность*.

Как показывает ТСШ, для номинализации используются разные форманты, существенно различающиеся по употребительности. Эти данные отражены в Таблице 1.

Производные сущ.	Общее к-во прилагательных	Процент от общего числа
с суффиксом <i>-ость</i>	3290	97.05%
с суффиксом <i>-иј</i>	69	2.03%
с суффиксом <i>-ств(о)</i>	21	0.61%
с суффиксом <i>-от(а)</i>	9	0.27%
с суффиксом <i>-изн(а)</i>	1	0.03%
<i>Общее кол-во</i>	<i>3390</i>	

Таблица 1. Количественное соотношение производных существительных с разными суффиксами, описываемых в ТСШ в статьях исходных прилагательных

Данные Словаря подтверждают, что, несмотря на наличие разных средств отадъективной номинализации, подавляющее большинство отадъективов образуются с продуктивным суффиксом *-ость*.

В ТСШ фиксируется и некоторое количество случаев конкуренции средств синтаксической деривации. Так, к 61-му существительному на *-ость* в ТСШ указываются варианты номинализации с другими суффиксами. См. Табл. 2:

Синоним к <i>-ость</i>	К-во слов	Примеры
варианты на <i>-ие</i>	45	<i>бездюшность/бездюшие,</i> <i>бесплодность/бесплодие,</i> <i>многоязычность/многоязычие</i>
варианты на <i>-ство</i>	13	<i>бесстыдность/бесстыдство/,</i> <i>гостеприимность/гостеприимство</i>
варианты на <i>-ота</i>	3	<i>щедрость/щедрота,</i> <i>тесность/теснота,</i> <i>пресность/преснота</i>

Таблица 2. Варианты к словам *-ость* в ТСШ

Как можно видеть, наиболее активна вариативность *-ость/-ие*.

Дальнейший анализ показал, что из данных 3390-а слов (прилагательных, содержащих в статье существительное) у 187-и (178 слов с суффиксом *-ость*; 9 слов с другими суффиксами) в Словаре также имеются самостоятельные статьи. Как уже говорилось выше, данный способ представления можно рассматривать как основной признак того, что у производного слова имеется также значение лексического деривата. В статьях таких дериватов “гибридного типа” в качестве первого значения в Словаре обычно используется отсылочная конструкция к прилагательному «см. *прилагательное*». Ср.:

ЮНОСТЬ: 1. см. *юный*. 2. Возраст, промежуточный между отрочеством и зрелостью; период жизни в таком возрасте.

ЗВЕРСТВО: 1. см. *зверский*. 2. Бесчеловечный поступок, жестокость. Зверства карателей.

Отсутствие в Словаре отсылки к прилагательному «см. *xxx*» должно говорить и об отсутствии у существительного функции синтаксического деривата. Однако за отсутствием ссылки может стоять не отсутствие СД, а просто пропуск ссылки или использование другого способа толкования, не отсылочного. Такой пропуск к прилагательному наблюдается, например, при толковании слова *обусловленность*:

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ: Причинно-следственная связь, а также вообще зависимость.

Кроме того, может иметь место и просто отсутствие фиксации имеющегося значения. Как показал анализ, при толковании имен с непродуктивными суффиксами *-изна*, *-ева*, *-ие* и др. нередко наблюдаются сомнительные случаи. Ср., например, описание слова *новизна*:

НОВИЗНА: Нечто новое в чём-нибудь;

Ср. также:

НОВОСТЬ: 1. Нечто новое (в 1 знач.). 2. Недавно полученное известие. 3. мн. Информация о текущих событиях. 4. То же, что *новизна* (устар.).

Однако анализ текстов показывает, что слово *новизна* активно используется в современном русском языке как номинализатор. Ср. некоторые контексты с такими употреблениями из Интернета:

Креативная новизна проекта обеспечивается высокотехнологичной поддержкой таких интернет-компаний, как Yahoo!;

Есть также немало читателей, которым просто нравится захватывающая новизна сюжета, бойкость и размашистость изложения, элементы нового жанра, смыкающегося кое в чём с детективом и с научно-фантастическим романом.

Таким образом, отсутствие в ТСШ описания номинализационной функции у слова *новизна* говорит о неточности лексического описания производных номинализаторов. Поэтому их нужно регулярно проверять и уточнять путем анализа реальных текстов.

2.2. Типы словообразовательных мотиваторов слов на *-ость*⁵

В регулярной номинализации нуждается значение качественных прилагательных. Именно прилагательное (в первую очередь качественное) является изосемичной частью речи для семантического класса 'качество'. Однако в работах по русскому языку неоднократно обращалось внимание на то, что в СРЛЯ имеются и имена качества, мотивированные глаголами и существительными. Такие случаи представляют особый интерес и нуждаются в специальном анализе. Он должен позволить ответить на следующие вопросы: 1) насколько велико количество таких случаев; 2) имеются ли у таких производных какие-либо особенности.

Так, мотиватором в данной работе называем мотивирующие единицы изучаемых номинализаторов. При их установлении словообразовательного

---

⁵ Для написания раздела были использованы материалы статьи автора диссертации: Шучунь Чжан. Состав и особенности образования русских существительных с суффиксом *-ость* // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 3. С. 126–134.

возникает целый ряд сложностей. Это и бóльшая формальная сложность производящего слова, и возможность неединственной мотивации, и различие между синхронной мотивацией и временем появления членов словообразовательной пары. Составителям ТСШ пришлось столкнуться с этими проблемами а) при установлении отсылок; б) при составлении толкований. Как известно, для выявления синхронной словообразовательной мотивации нужно использовать толкование через родственное слово (критерий Винокура). В то же время лексическое значение слова отличается от его словообразовательного значения, и оно может быть описано и без использования родственного слова. Степень унификации этих способов описания в разных словарях различается и нуждается в специальном исследовании.

Для проведения такого анализа на основе ТСШ мы исследовали толкования слов с главным средством номинализации – суффиксом *-ость*⁶.

Было обнаружено несколько типов описаний слов на *-ость* с точки зрения словообразовательной мотивации. Как уже говорилось, главный тип – отсылочная мотивация, т.е. прямая отсылка к производящему слову (указание в его статье или отсылка в самостоятельной статье). Ср.:

КРАЙНОСТЬ: 1. **Крайняя** степень чего-н., чрезмерное проявление чего-н. 2. Тяжёлое, трудное положение, нужда;

НЕДВИЖИМОСТЬ: **Недвижимое** имущество;

ЩЕДРОСТЬ: 1. см. *щедрый*. 2. Оказание бескорыстной помощи другим, отсутствие скупости;

КАУЗАЛЬНОСТЬ: (спец.). 1. см. *каузальный*. 2. В философии: то же, что причинность.

---

⁶ Под словами на *-ость* понимаются слова с финалью *-ость*, т.е. не обязательно исходным, простым суффиксом.

Из всех слов на *-ость* отсылочная мотивация прилагательным представлена у 3323 слов⁷. В них входят слова трех типов: 1) СД, включенных в статьи прилагательных; 2) полисемичные единицы, в статье которых используется отсылочная конструкция «см. xxx» и 3) ЛД, в толкованиях которых указываются их мотивирующие прилагательные. Прямая отсылка к глаголу или существительному в ТСШ дается в единичных случаях. Так, отмечены следующие три случая помещения слова на *-ость* в статье глагола:

ЗАОРГАНИЗОВАТЬ: (разг. неодобр.). Организуя, придать делу формальный характер, не дать проявиться инициативе. || *сущ.* **заорганизованность**;

СБАЛАНСИРОВАТЬ: 1. см. *балансировать*. 2. перен. Уравновесить (во 2 знач.), согласовать, соразмерить. || *сущ.* **сбалансированность**;

ВОСТРЕБОВАТЬ: 1. Потребовать выдачи чего-н. (предназначенного, посланного). 2. О чём-н. полезном, нужном: использоваться, примениться на практике. Полученные результаты востребованы в производстве. || *сущ.* **востребование и востребованность**.

Второй тип описания мотивации – описание через родственное слово. Таким словом может быть существительное. Ср.:

ПРОВИННОСТЬ: Проступок, **вина**.

ЛИЧНОСТЬ: 1. Человек как носитель каких-н. свойств, **лицо** (в 3 знач.).

ЭТАЖНОСТЬ: (спец.). Количество **этажей** в здании.

Если мотивирующее существительное имеет конкретное значение (*лицо, этаж* и т.п.), то значение описываемого существительного не является номинализацией и относится к сфере лексической деривации. Оно имеет дополнительную параметрическую (количественную) или же «предметную» сему, делающую их лексическими дериватами. Если же родственное существительное

---

⁷ От «прямой отсылкой» (конструкция «см. xx» в статье существительного или включение существительного в статью его производящей единицы) мы отличаем толкование через родственные слова (в данной работе данный способ толкования описывается как «посредственной отсылки»).

является абстрактным (ср. *вина*), то решить вопрос о типе деривации сложнее. Кроме того, возникает возможность иного способа мотивации, предикативного. Ср.: *провинность* – ‘когда кто-то провинился’.

В некоторых случаях в толковании используется однокоренной синоним, который описывается в Словаре как синтаксический дериват. Ср.:

ПЕРЕГРУЖЕННОСТЬ: Излишняя нагрузка (во 2 и 3 знач.), **перегрузка**;

ПЕРЕГРУЗИТЬ: 1. Грузя, переместить. П. товар из вагонов на теплоход. 2. Нагрузить чрезмерно. || *сущ.* **перегрузка**.

Здесь можно говорить об опосредованной отсылке к производящему номинализации, т.е. к глаголам.

В толкованиях слов на *-ость* встречаются также однокоренные глаголы, выраженные в инфинитивной и личной формах. Ср.:

ВЫЖИВАЕМОСТЬ: Количество тех, кто **выжил** (того, что выжило).

ОКУПАЕМОСТЬ: Способность, возможность **окупиться**.

В связи с отглагольной производностью возникает особый круг проблем. Во-первых, мотивация глаголом в ТСШ также может быть описана как отпричастная (Ср.: *окупаемость*: ‘возможность окупиться’ = ‘возможность быть окупаемым’). Это позволяет отнести данную группу слов к теме нашего исследования.

Во-вторых, в толковании может использоваться не глагол, а его синтаксический дериват. Формально в этом случае нужно говорить о мотивации существительным. Ср.:

ПОСЕЩАЕМОСТЬ: (офиц.). Количество **посещений**;

(ср.: ‘показатель, отражающий то, как часто посещают’)

ПЕРЕГРУЖЕННОСТЬ: Излишняя нагрузка (во 2 и 3 знач.), **перегрузка**;

(ср.: ‘свойство по перегрузить/перегруженный’)

В-третьих, слово на *-ость* может образовываться от страдательного причастия прошедшего времени, а также настоящего времени. В результате в СРЛЯ возникают пары типа *изношенность* – *изнашиваемость*. Как показал анализ, в Словаре как синтаксический дериват описывается только слово, в котором

используется основа прошедшего времени соотносительных глаголов. При этом адъектив на *-енный* дается как прилагательное, в статье которого описано слово на *-ость*. Ср.:

ИЗНОШЕННЫЙ: Негодный от длительного употребления. || *сущ.*
изношенность.

Существительное-отадъектив от основы настоящего времени описывается без отсылки, в самостоятельной статье, в связи с чем возникает вопрос о его функции и способе образования. Ср.:

ИЗНАШИВАЕМОСТЬ: (спец.). Подверженность **износу**.

При третьем типе описания слов на *-ость* в толковании нет ни ссылки, ни родственного слова. Этот тип наиболее сложен для анализа мотиватора и функции. Здесь нужно отметить, что ТСШ является толковым, а не толково-словообразовательным словарем. Это значит, что его создатели не обязаны были строго использовать критерий Г.О. Винокура при описании значений и специально оговаривать словообразовательные критерии. Поэтому в целом ряде случаев принимаемые решения вызывают вопросы со словообразовательной точки зрения.

Так, непонятно, почему не используется толкование через родственное слово или отсылка к прилагательному в следующих случаях:

КАЛОРИЙНОСТЬ: 1. **Энергетическая ценность** пищевых продуктов или рационов питания. 2. Количество теплоты, выделяющейся при полном сгорании топлива.

СТОИМОСТЬ: **Издержки** предприятия при производстве товара (или его транспортировке, приобретении);

Возникает вопрос о направлении мотивации и в следующих, например, случаях: *промышленность* – *промышленный*, *ярость* – *яростный*. Ср.:

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: Отрасль производства, охватывающая переработку сырья, разработку недр, создание средств производства и предметов потребления. || *прил.* **промышленный**.

ЯРОСТЬ: Сильный гнев.

ЯРОСТНЫЙ: Полный **ярости**, гнева [Шведова 2011].

Возможно, со словообразовательной точки зрения правильнее было бы толковать эти существительные через прилагательные, а не наоборот.

К числу немотивированных по ТСШ слов на *-ость*, которые можно, на наш взгляд, мотивировать прилагательными, относятся следующие 8 единиц: *признательность*, *радиоактивность*, *склонность*, *теплопроводность*, *электропроводность*, *промышленность*, *храбрость*, *экстерриториальность*. Они описываются как производные существительные, через которые толкуются их формально-соотносительные прилагательные. Ср.:

РАДИОАКТИВНОСТЬ: Самопроизвольный распад, разложение атомных ядер некоторых химических элементов, сопровождающееся испусканием частиц и электромагнитным излучением;

РАДИОАКТИВНЫЙ: Обладающий **радиоактивностью**.

Очевидно, причина такого решения – то, что прилагательное *радиоактивный* рассматривается как относительное.

Таким образом, отсутствие словообразовательной мотивации в толковании слова на *-ость* в ТСШ не может являться доказательством их немотивированности в СРЛЯ. Их исследование должно являться объектом для специального анализа, поскольку они хорошо выявляют сложные случаи словообразовательной мотивации.

Особый случай представлен в словах, в составе которых компонент *-ость* выделяется в синхронии лишь формально. Так, при признании существования особого, субморфного уровня членения русского слова, (см. в [Кукушкина 2016: 25–27]), можно говорить о том, что в русском языке есть целый ряд бинарных корней с субморфом *-ость*. К ним можно отнести *жимол~ость*, *ведом~ость*, *вол~ость*, *тр~ость*.

Несмотря на достаточно большое количество спорных решений, описание ТСШ все же дает примерное представление о количественном соотношении частей речи – мотиваторов для слов на *-ость*. Эти данные отражены в таблице ниже.

Мотивирующая для слова на - ость часть речи	Общее кол-во слов	Кол-во слов с прямой отсылкой («см. xx» или прямо в статьях производящих)
Прилагательное	3323	3290
Существительное	37	0
Глагол	32	3
“Немотивированные”	71	0
	<i>3463</i>	<i>3293</i>

Таблица 3. Соотношения слов с суф. *-ость* в ТСШ по мотивирующим частям речи (по толкованиям)

*Комментарии к таблице:

1) Слова на *-ость*, в статьях которых отсутствует прямая отсылка к родственной единице (типа *калорийность, доверенность, жалость* и др.), отнесены нами к немотивированным;

2) Слова на *-ость*, которые толкуются в ТСШ через отглагольные номинализации (*посещаемость, вооружённость, загруженность* и др.), рассматриваются нами на этом этапе как отсубстантивные по формальному признаку их толкований⁸;

3) Полисемичные единицы, в статьях которых есть ссылка на прилагательное (*аварийность, преступность, частотность* и *обеспеченность*), отнесены на этой стадии исследования к отадъективным.

Полученные результаты подтверждают высокую степень специализированности суффикса *-ость* на производных от прилагательных и

---

⁸ Для данной группы слов нередко характерны отглагольная основа и использование отглагольных номинализаций в их толкованиях в ТСШ. Отнесение их к группе отсубстантивных на данном этапе служит решением ради удобства подсчета.

позволяют количественно оценить его основную функцию – образование синтаксического деривата.

Выше шла речь только о словообразовательной мотивированности слов на *-ость*. Однако существует еще проблема многозначности самих прилагательных. Отадъектив может относиться не ко всем, а лишь к части или одному значению исходного прилагательного. Поэтому при полном описании синтаксической деривации нужно еще указывать, какими именно значениями мотивируется слово на *-ость*. Однако это особая и очень сложная задача, и в исследуемом Словаре эта информация дается непоследовательно. Мы также не рассматриваем в нашей работе этот аспект, исследуя лишь само наличие/отсутствие у существительного функции синтаксического деривата.

2.3. Соотношение лексической и синтаксической деривации у существительных на *-ость*⁹

Как показывают толкования ТСШ, у слов на *-ость*, мотивированных прилагательными, также нередко представлены мутационные словообразовательные значения. Формальным признаком наличия такого значения можно считать отдельную словарную статью в Словаре.

Из всех 3463 имеющихся в ТСШ слов с суффиксом *-ость*¹⁰ 3114 слова описываются в статьях исходных прилагательных как однозначные синтаксические дериваты. Остальные существительные (349 слов) в Словаре имеют отдельные статьи, среди которых в толкованиях 178-и слов используется отсылочная конструкция к производящей единице «см. xxx», указывающая на значение синтаксического деривата у толкуемого слова и его прямую связь с мотивирующим прилагательным.

Эти количественные данные позволяют определить примерное соотношение в Словаре между словами на *-ость* трех типов: 1) чистые синтаксические дериваты

---

⁹ Результаты данного раздела были опубликованы в статье: Чжан Шучунь. Семантические особенности существительных с суффиксом *-ость* в современном русском литературном языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. № 4. С.101–108.

¹⁰ Из всех отобранных слов с финалью *-ость* из ТСШ были исключены слова *жимолость* и *шилохвость*.

(далее – СД), у которых нет самостоятельных статей; 2) чистые лексические дериваты (ЛД), в статьях которых отсутствует какая-либо отсылка к мотивирующей единице и 3) выполняющие обе функции дериваты (СД и ЛД), которые описываются в Словаре как многозначные единицы с отсылочной конструкцией «см. xxx». См.:

Типы дериватов (по толкованиям)	Количество слов	Процент
“Чистые” СД	3114	90%
“Чистые” ЛД	171	4.9%
“Гибридные” дериваты (СД+ЛД)	178	5.1%

Таблица 4. Процентное соотношение СД, ЛД и слов, совмещающих оба типа деривации, среди слов на *-ость* (по ТСШ)

Как можно видеть, если судить по способам толкования использованного словаря (наличие/отсутствие самостоятельной статьи и отсылки к прилагательному в статье), примерное соотношение разных типов дериватов подтверждает основную функцию синтаксической деривации существительных на *-ость*. Она представлена более чем в 95% случаев.

Однако стоит отметить, что отсутствие у слова на *-ость* самостоятельной статьи в Словаре не всегда говорит об однозначности толкуемого существительного. Это может быть связано с неточностью описания, а также с тем, что у слова развивается в современном русском языке какое-либо новое значение.

2.4. Регулярная полисемия у слов на *-ость*

Несмотря на небольшое количество “гибридов” (дериватов, совмещающих функции СД и ЛД), их анализ может дать хороший материал для исследования механизма регулярной полисемии, характерной для русских отадъективов. Для

данной цели необходимо сначала выяснить, какие регулярные типы значений могут выделяться в данной группе дериватов.

Как показал анализ специальной литературы, в ней описываются два основных семантических типа значений, помимо транспозиционного – параметрический и ‘носитель признака’ (предметно-вещественный) [Чжан Шучунь 2020а]. Анализ толкований в ТСШ может показать, укладываются ли значения слов на *-ость* в три типа. Кроме того, рассмотрение значений конкретных лексем позволяет более детально обсудить вопрос о тех механизмах, в результате которых развивается параметрическое и конкретно-вещественное значение.

Из 349-и слов с суфф. *-ость*, имеющих самостоятельные статьи в ТСШ, о многозначности нельзя говорить в 4 случаях:

- в статьях 3-х слов (*живость*, *противность* и *сработанность*) имеется только отсылка к производящей единице «см. xxx», указывающая на транспозиционную связь толкуемого существительного с его исходным прилагательным. Причина самостоятельного описания непонятна;

- как самостоятельная единица описано слово *отдельность*. Это связано, очевидно, с его употреблением только в составе предложного оборота *в отдельности*.

Кроме того, в некоторых случаях единица на *-ость* описана как омоним, причем параметрическое значение проигнорировано. Ср. описание слова КРЕПОСТЬ:

КРЕПОСТЬ¹: 1. Укрепленное место...2. Острог, тюрьма

КРЕПОСТЬ²: (устар) 1. То же, что купчая *крепость*. 2. Крепостная зависимость.

КРЕПОСТЬ³: См. *крепкий*.

В некоторых случаях возникают трудности с определением того, является ли единица многозначной, или же в статье описаны разные типы употребления номинализаций, или же отражена разница в разных значениях исходного

прилагательного. Мы столкнулись с этой проблемой, например, при анализе слов *жадность* и *уверенность*. Ср.:

УВЕРЕННОСТЬ: 1. См. *уверенный*; 2. Твердая вера в кого-что-н., **убежденность**.

(УВЕРЕННЫЙ: Твёрдый, не колеблющийся, не сомневающийся;

УБЕЖДЕННЫЙ: 1. **Твердо уверенный** в чем-н.; **выражающий уверенность**. 2. полн. ф. **Непоколебимый** в своих убеждениях. || *сущ. убежденность*);

ЖАДНОСТЬ: 1. См. *жадный*. 2. **Скупость**, корыстолюбие. 3. Чрезмерное **стремление удовлетворить свое желание**.

(ЖАДНЫЙ: 1. Стремящийся к наживе, **скупой**. 2. **Настойчивый в стремлении удовлетворить свое желание**, выражающий это стремление; слишком падкий на что-нибудь.).

Судя по этим толкованиям, многозначность существительных *уверенность* и *жадность* связана с многозначностью их производящих прилагательных, т.е. номинализуются все значения исходных прилагательных. В таком случае отдельное описание “второго” значения у существительных является повтором и вызывает при анализе вопрос о том, является ли эти существительные лексическими дериватами.

Тем не менее, как показал анализ остальных слов на *-ость*, мотивированных прилагательными и имеющих самостоятельные статьи, их значения, судя по толкованиям, в подавляющем большинстве случаев укладываются в три указанных типа. При этом слов, у которых представлены все три типа, судя по Словарю, очень мало. Ср.:

	Типы слов по описанию ТСШ	Кол-во слов	Примеры из ТСШ
1	С фиксацией всех трех типов значений	3	<i>видимость, мощность, ценность</i>
2	С фиксацией транспозиционного и параметрического значения	16	<i>плотность, вероятность, точность, сырость</i>
3	С фиксацией транспозиционного знач. и знач. “носитель признака”	156	<i>банальность, бездарность, внешность, должность, грубость, двусмысленность, древность, жидкость, общественность, мудрость, индивидуальность, наружность, формальность, ответственность</i>
4	С фиксацией только параметрического значения	33	<i>молочность, товарность, шерстность, водность, кислотность, грузоподъемность</i>
5	С фиксацией только значения “носитель признака”	137	<i>вечность, молодость, шалость, благотворительность, ведомость, обязанность, промышленность, специальность, ведомость, доверенность, договоренность, новость, полость, личность, местность, поверхность, недвижимост</i>

Таблица 5. Типы существительных на *-ость*, имеющих самостоятельные статьи в ТСШ.

Нужно подчеркнуть, что эти количественные данные отражают словарные описания и дают только примерное представление о соотношении единиц каждого типа. Так, например, в ТСШ не отмечено параметрическое значение у целого ряда слов. Ср., например, “двузначное” слово ЁМКОСТЬ, которое на самом деле является “трехзначным”.

Тем не менее, на основе полученных данных можно видеть, что самый распространенный тип регулярной многозначности – сочетание транспозиционного, т.е. чисто синтаксического значения, и значения ‘носитель признака’. Конкретные подвиды последнего будут рассмотрены ниже (см. 2.6).

2.5. Слова на *-ость* с параметрическим значением

Несмотря на очевидность случаев наличия у отадективов значения особого типа – параметрического – при его анализе возникает ряд проблем. Первая из них – это границы данного значения. Его ядро составляют случаи, когда речь идет об измеряемом в каких-то единицах количестве. Ср. *этажность, ёмкость, высота, влажность* и пр. В ТСШ в таких случаях регулярно используется помета “спец.”, так как измеряемость связана с терминами и техническими сферами жизни. Однако во многих случаях измерение в особых единицах или процентах невозможно, но количественная сема воспринимается в виде “степени”. Ср.: *утомляемость, ранимость* и др. Здесь количество может оцениваться только по шкале ‘выше/ниже нормы’. Общим в обоих случаях является то, что при образовании субстантива нейтрализуется сема ‘Magn’ (‘очень’, ‘высокая степень’ [Апресян 1995: 45]). При включении в параметрическое значение случаев обоих типов возникает достаточно широкое его понимание. Именно на него мы опирались при анализе материала.

Вторая проблема связана с тем, как интерпретировать параметрическое значение – как результат словообразовательной или же лексико-семантической деривации. Во втором случае производящим для параметрического значения следует признать транспозиционное значение самого существительного на *-ость*, а не исходное прилагательное. Представляется, что при решении этого вопроса

важно обратить внимание на то, что у слов с параметрическим значением сохраняется изосемичное для адъектива значение ‘качество’, ‘свойство’, что свидетельствует о сохранении функции номинализации и сближает их с синтаксическими дериватами. Однако наличие модификации (устранение семы ‘*magn*’) заставляет относить параметрическое значение к сфере лексической деривации.

При признании параметрического значения словообразовательным возникает вопрос о том, возможно ли сочетание модификации и частеречной транспозиции. Как уже отмечалось в Главе I, согласно общепринятой точке зрения, модификация возможна только при отсутствии изменения исходной части речи. Однако представляется в случае номинализации модификация допустима. По мнению О.В. Кукушкиной, в основе параметрического значения лежит возможность словообразовательной номинализации не просто прилагательных, но и их сочетаний с разными модификаторами степени. Ср.: *Он мощный, не очень мощный, маломощный, сверхмощный* и т.д. = *Его мощность (не) велика; она составляет всего ....* Возникающий при номинализации субстантив на *-ость* получает способность не только сворачивать пропозицию, но и представлять весь этот ряд, и в результате превращается в параметр. Мы разделяем эту точку зрения и рассматриваем параметрическое значение как особый, осложненный словообразовательный тип, в котором функция транспозиции сочетается с функцией модификации, расширяющей исходное значение.

При выявлении слов с параметрическим значением в ТСШ мы исходили из того, что они в общем случае описываются в отдельных статьях даже при наличии у них одного значения. Самым явным признаком наличия параметрического значения является толкование через слова, имеющие значение измеряемого параметра: *количество, степень, величина, показатель, протяженность, время чего-л., насыщенность, масса* и др. Ср.:

АВАРИЙНОСТЬ: 1. См. *аварийный*. 2. **Количество** аварий;

ПОСЕЩАЕМОСТЬ: Количество посещений;

РОЖДАЕМОСТЬ: Количество рождений;

СМЕРТНОСТЬ: Количество смертей;

УСПЕВАЕМОСТЬ: *Степень* успешности усвоения учебных предметов учащимися;

ОСВЕЩЁННОСТЬ: Степень освещения;

ЧАСТОТНОСТЬ: 1. См. *частотный*. 2. **Показатель** частоты (во 2 знач.) чего-н;

ЭТАЖНОСТЬ: **Количество** этажей в здании;

СЛЫШИМОСТЬ: 1. **Степень** отчётливости звучания. 2. **Возможность** слышать, слушать кого-что-н.

ШЁРСТНОСТЬ: (спец.). **Способность** сельскохозяйственного животного давать то или иное **количество** шерсти.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ: 1. см. *продолжительный*. 2. **Время** течения, действия чего-н;

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 1. см. *длительный*. 2. **Продолжительность, протяжённость** во времени.

МОЩНОСТЬ: 1. см. *мощный*. 2. **Физическая величина**, характеризующая работу (в 1 знач.), совершаемую в единицу времени. 3. мн. Производственные объекты (электростанции, заводы, машины).

ПЛОТНОСТЬ: 1. см. *плотный*. 2. **Масса** единичного объёма вещества (спец.).

ЦЕННОСТЬ: 1. см. *ценный*. 2. **Цена** (в 1 знач.), **стоимость**. 3. чего. Важность, значение.

Однако наличие в толковании параметрических слов не всегда указывает на то, что у слова есть значение параметрического типа. Разберем два примера.

ПРЕСТУПНОСТЬ: 1. см. *преступный*. 2. Наличие преступлений, их **количество**.

Хотя в толковании есть слово 'количество', соотношение с исходным прилагательным здесь более сложное: *преступность* 2 не способно управлять носителем признака и обозначать уровень самого свойства, представляющего

собой нравственную оценку. Это количество не само по себе, а именно действий, оцениваемых как преступные.

ТОНАЛЬНОСТЬ: (спец.). 1. **Высота** звуков лада, определяемая положением главного тона (первой ступени гаммы). 2. Преобладающее сочетание тонов (в 4 знач.) в картине. 3. перен. Основная эмоциональная настроенность в художественном произведении.

Хотя в толковании и используется слово *высота*, но здесь также нельзя говорить о параметрическом значении, т.к. высота звука в тональности – величина постоянная, а не переменная.

Нельзя также не отметить, что в ТСШ параметрическое значение отмечается не для всех слов, его имеющих. В части случаев слово с таким значением дано только в статье прилагательного, т.е. как чистый синтаксический дериват. Ср., например:

НАСЫЩЕННЫЙ: 1. Содержащий в себе предельное количество растворённого вещества. || *сущ.* **насыщенность**.

РАСТВОРИМЫЙ: Способный растворяться в жидкости. || *сущ.* **растворимость**.

Параметрическое значение не всегда описано и у слов, имеющих самостоятельные статьи. Ср.:

ЁМКОСТЬ: 1. см. *ёмкий*. 2. Вместительность для жидких и сыпучих тел (спец.);

РЕЗКОСТЬ: 1. см. *резкий* 2. Резкое, грубое слово, выражение;

ВЛАЖНОСТЬ: Наличие влаги;

ЗАНЯТОСТЬ: 1. Наличие работы, обеспеченность работой. 2. Состояние того, кто занят чем-н., не имеет свободного времени;

Эти слова употребляются в СРЛЯ и как параметрические термины. Ср.:

*Данная продукция сможет заменить иностранных производителей стартерных аккумуляторных батарей емкостью 70 А/ч., таких как Bosch.*¹¹

---

¹¹ Оборудовали под себя. <https://www.kommersant.ru/amp/5524133>

*Малейшая **резкость** приводит к заносу и вращению.*¹²

*Из-за сухого воздуха бактерии и вирусы более подвижны, это значительно увеличивает риск заражения. Их концентрация минимальна, если **влажность** воздуха **составляет** от 40% до 60%.*¹³

*При этом видно, что **рост занятости** и зарплат в госсекторе оказывает негативное влияние на динамику производительности в промышленности.*¹⁴

Труднее всего выявить параметрическое значение при отсутствии параметрического слова и описании через абстрактное существительное. Так, достаточно регулярно возникают проблемы с отрицательными производными. Здесь вопрос о границах параметрического значения и его маркерах встает наиболее остро. Ср.:

ВООРУЖЕННОСТЬ¹: **Оснащённость** вооружением (во 2 знач.);

ОСНАЩЕННОСТЬ: **Наличие** оснащения;

ЗАГРУЖЕННОСТЬ¹: (О транспорте) **насыщенность** грузами, перевозками грузов.

Такие отадъективы могут толковаться как через ‘наличие’, так и через ‘степень’. Ср., например, толкование *оснащенность* в [МАС 1981-1984]:

ОСНАЩЁННОСТЬ, -и, ж. **Степень** оснащения чего-л. *Высокая техническая оснащённость сельского хозяйства.*

В этих трех случаях сами исходные адъективы *вооруженный, оснащенный, загруженный*, как кажется, нуждаются в дополнительных показателях для указания на большую степень качества (*хорошо, сильно*). То есть об устранении количественной семы при номинализации, по-видимому, речь не идет. При этом их субстантивы на *-ость* способны обозначать оцениваемую по шкале *высоко/низко* величину.

---

¹² Прогноз возможных ЧС (происшествий) на 19.08.2022 г. <https://55.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/operativnaya-informaciya/4818184>

¹³ Какая влажность должна быть в квартире? <https://realty.rbc.ru/news/60b71ce79a79477e0102c2de>

¹⁴ Рост занятости в госсекторе бьет по частному бизнесу и производительности труда. https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2013/05/14/rost_zanyatosti_v_gossektore_bet_po_chastnomu_biznesu_i

При всех трудностях выявления по ТСШ единиц с параметрическим значением все же представляется важным и возможным установить, хотя бы примерно, их состав и количество. См. табл. 6:

Тип	Соотносительные части речи (по ТСШ)	К-во слов	Примеры из ТСШ
Однозначные	Отадъективные	11	<i>смертность, теплоёмкость, урожайность, этажность, грузоподъёмность, влажность, молочность, товарность, шерстность, водность, кислотность</i>
	«Отглагольные»	22	<i>выживаемость, заболеваемость, рождаемость, задолженность, окупаемость, собираемость, приспособляемость, проводимость, свёртываемость, сопротивляемость</i>
Двузначные	Отадъективные	13	<i>аварийность, сырость, вероятность, опасность, плотность, частотность</i>
	«Отглагольные»	3	<i>протяжённость, проходимость, обеспеченность</i>
Трёхзначные	Отадъективные	2	<i>мощность, ценность</i>
	«Отглагольные»	1	<i>видимость</i>

Таблица 6. Соотношения дериватов на *-ость* с параметрическим значением (по толкованиям) по набору значений, входящих в ТСШ

Поскольку параметрическое значение представлено у слов на *-ость* не только отадективных, но и отглагольных и отсубстантивных, требует обсуждения вопрос о его особенностях в словах данного типа. Основного внимания здесь требуют слова с финалями *-имость* (*-еимость*).

«Русская грамматика» предлагает различать при наличии таких финалей отглагольные производные с составным суффиксом (*им~ость*) и отадективные слова с суффиксом *-ость* [Русская грамматика 1980: 156]. Критерием их различий является отсутствие у глагола соответствующего страдательного причастия настоящего времени.

В «Русской грамматике» словообразовательное значение отглагольных производных с *-имость* описывается как «свойство, проявляющееся как способность к действию, названному мотивирующим словом» [там же: 155]. При этом отмечается, что такие слова «обычно называют изменчивый, количественно измеряемый признак» [Русская грамматика 1980: 155]. Отмечается также, что тип продуктивен в специализированной терминологии и художественно-публицистической речи [там же: 156]. То есть практически утверждается, что параметрическое значение регулярно возникает и получает специальный способ выражения в отглагольных производных с этим составным суффиксом. В ТСШ данное значение единиц на *-имость* описывается в основном с помощью компонентов *количество* и *способность*.

Однако, как нам кажется, различие между *уязвимость* (суффикс *-ость*) и *переносимость* (суффикс *-имость*) не является в данном случае существенным, поскольку степень употребительности того или иного страдательного причастия – это формальное и не очень надежное основание для словообразовательной мотивации. Представляется, что семантически эти производные сходны. Так, явно отадективное слово *частотность* можно тоже описать по предлагаемой «Русской грамматикой» отглагольной модели – как ‘*свойство, способное повторяться в единицу времени*’. Вероятно, в случае неупотребительности в СРЛЯ причастия можно говорить об опосредованной мотивации и о том, что производное

существительное с финалью *-имость* (безразлично, *им||ость* это или *||им~ость*) все равно занимает в деривационной цепи отадъективную позицию и семантически является отадъективом.

В ТСШ у слов с финалями на *-имость/емость*, независимо от способа их мотивации, регулярно представлено параметрическое значение. Ср. слова *вместимость, выживаемость, заболеваемость, изнашиваемость, нуждаемость, окупаемость, посещаемость, приспособляемость, рождаемость, собираемость, утомляемость* и др. Как показал наш анализ (см. табл. 4 и 5), слов на *-имость(-емость)* в ТСШ всего нашлось 26.

Это позволяет сделать вывод о том, что финаль *-имость/емость* может служить формальным признаком высокой вероятности у слова параметрического значения (в широком его понимании).

В связи с этой финалью возникает еще одна проблема. Она связана с видовым противопоставлением основ русского глагола и вариативностью типа *растворимый и растворяемый*. От обоих типов адъективов возможно образование существительного на *-ость* (*растворимость – растворяемость*). В ТСШ в этом случае может даваться отдельная статья на прилагательное на *-имый* (так как причастные образования настоящего времени от глаголов СВ считаются в СРЛЯ прилагательными), и внутри нее описывается субстантив. Параметрическое значение для него остается неопианным. Отпричастный же вариант от основы НСВ остается неопианным. Ср.:

РАСТВОРИМЫЙ: Способный растворяться в жидкости. || *сущ.*
растворимость.

Вариативность создает и конкуренция суффиксов имперфективации глагола, отражающаяся и в субстантивах. Иногда такие варианты фиксируются и даются одной статье как заглавные слова. Ср:

ПРИСПОСОБЛЯЕМОСТЬ и **ПРИСПОСАБЛИВАЕМОСТЬ:** (спец.)
Способность или возможность приспособиться к чему-л.

В СРЛЯ субстантивы образуются и от страдательных причастий прошедшего времени. В «Русской грамматике» выделяется отглагольный суффикс *-енность/нность/тость*, «называющий состояние, возникающее в результате действия, названного мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980: 156] (*договоренность, спетость* и т.п.). Основанием для отглагольной, а не отадъективной мотивации здесь тоже служит отсутствие у глагола страдательного причастия. На этом основании предлагается различать слова *договоренность* (суффикс *-енность*) и *утомленность* (суффикс *-ость*). Важно, что, в отличие от *-имость*, количественное значение для таких слов как регулярное не отмечается.

В связи с наличием категории времени у страдательных причастий возникает проблема описания соотношения отадъективов от *-имый(емый)* и *-енный*. В ТСШ обнаружено лишь 4 таких пары:

изнашиваемость – изношенность (от гл. *изнашивать – изнасить*);

приспособляемость – приспособленность (от гл. *приспособлять – приспособить*);

собираемость – собранность (от гл. *собирать – собрать*);

утомляемость – утомленность (от гл. *утомлять – утомить*).

У существительных на *-енность* в ТСШ отсутствуют отдельные статьи, а слова с *-емость*, описываются как самостоятельные словарные единицы, имеющие параметрическое значение. Это еще раз указывает на маркированность вторых с точки зрения параметрического значения.

Итак, отприлагательные, отпричастные и отглагольные субстантивы можно рассматривать как единый отадъективный тип, способный развивать параметрическое значение в результате модифицирующей транспозиции. При этом это значение далеко не всегда фиксируется в ТСШ.

Судя по словарным описаниям, у таких слов не всегда фиксируется и наличие/отсутствие значения синтаксического деривата. Этот вопрос нуждается в специальном исследовании, но можно предположить, что даже слова на *-*

имость/еимость потенциально способны выступать в роли синтаксического деривата.

Параметрическое значение регулярно представлено также у слов, которые семантически теснее связаны с существительными. Это слова *водность, этажность, смертность, жирность* и пр. Ср.:

ВОДНОСТЬ: (спец). Наличие **воды**, степень накопления воды в водоемах.

СМЕРТНОСТЬ: Количество **смертей**.

Если видеть здесь производность именно от существительного, то возникает следующая проблема: говорить о модификации здесь нельзя, поскольку конкретное или вещественное значение преобразуется здесь в абстрактное имя качества (свойства), т.е. в иной тип денотата. Представляется, что и здесь, как и в случае необходимости формальной словообразовательной мотивировки глаголом, имеет место мотивация адъективом, только потенциально представленным в словообразовательной цепочке, но не используемым в русском языке. Можно рассматривать в таких случаях слово на *-ость* как средство номинализации составного предиката ‘такой в котором много/мало/сколько-то предметов указанного типа’ – *воды, смертей, этажей, жира* и пр...’. Параметрическое значение у таких слов оказывается очень сильным и выходит на первый план.

Итак, в результате анализа толкований ТСШ нам удалось выявить 52 слова на *-ость* со значением параметрического типа – 26 отадъективных и 26 слов, мотивированных по ТСШ другими частями речи. Многие из них в ТСШ имеют помету *спец.* Анализ единиц на *-ость* с параметрическим значением показывает, что желательнее его более единообразное и системное представление. В частности, важно более последовательно указывать как на само наличие такого значения, так и сохранение возможности использования слова на *-ость* в функции СД.

Однако имеющая место неполнота ТСШ может быть объяснена тем, что параметрические значения применяются прежде всего в технических подъязыках, а ТСШ ориентирован на ядерную, общепотребительную лексику. Кроме того, здесь возникает вопрос о том, что именно стоит описывать в общезыковых

словарях малого и среднего объема, предназначенного для большого числа обычных носителей языка. Представляется, что имеет смысл создавать специальные словарные базы синтаксических дериватов для разных предметных областей. В них можно было бы описывать значения более эксплицитно и унифицированно, с учетом значений исходных единиц и возможностей реальной и потенциальной многозначности слов с суффиксами синтаксической деривации.

2.6. Регулярные виды переноса “признак > субъект” у слов на *-ость*

Третий тип значений, развивающийся при номинализации – предметно-вещественный, по мнению многих лингвистов, является переносным, т.е. рассматривается как результат семантической, а не словообразовательной деривации. Так, Ю.Д. Апресян описывает этот механизм как перенос типа *свойство => субъект свойства* (‘свойство X’ – ‘то, что имеет свойство X’; $S_0 - S_{sub}$) [Апресян 1995: 194].

Но при этом этот вид значения характеризуется и как вторичное словообразовательное (см., например, [Лопатин, Улуханов 2016: 612–616]¹⁵). Можно предположить, что здесь действуют деривационные механизмы сразу двух типов. О.В. Кукушкина считает, что в основе такого переноса лежит реализация не только номинативной, но и компрессивной словообразовательной функции. В случаях типа *жидкость* происходит замена словосочетания “атрибут+предмет” (*жидкое вещество*) на существительное, т.е. универбализация. При этом суффикс устраняет лексическую определенность субъекта, оставляя лишь указание на то, что это некий “предмет”.

При изучении значения «носитель признака», регулярно возникающего у русских слов с показателями синтаксической деривации, возникает вопрос о том, какие типы “носителей” (субъектов) в русском языке способны именоваться с помощью такого абстрактного форманта и насколько часто это происходит.

---

¹⁵ Как описывается в предисловии данного словаря, вторичные словообразовательные значения в нем даются за знаком // .

Выше, в главе I, были рассмотрены типы существительных на *-ость* выделяемые в [Баядина 1999] и [Русская грамматика 1980]. Мы попытались проверить и уточнить эти описания на основе анализа толкований, данных в Словаре. Для этого из них извлекались слова, называющие тип предмета-носителя признака. Затем эти слова в некоторых случаях объединялись в более крупные классы.

В результате нами были выделены следующие отдельные виды типов носителей признаков, передаваемые с помощью слов на *-ость*.

	Тип носителя признака	«Ключевые слова» в толкованиях	Примеры слов из Словаря ¹⁶
1	предмет/вещество	«предмет», «вещество», «нечто...», «то, что...»	<i>жидкость</i> , <i>принадлежность</i> ²
2	лицо/существо	«человек», «существо», «тот, кто...»	<i>знаменитость</i> , <i>живность</i>
3	место	«место», «поверхность», «участок земной поверхности»	<i>достопримечательность</i> , <i>крепость</i> , <i>поверхность</i>
4	вид документа	«документ», «список»	<i>ведомость</i> , <i>отчетность</i>
5	внешний вид/облик	«вид», «облик»	<i>внешность</i> , <i>наружность</i>
6	болезнь	«болезнь»	<i>бездетность</i> ,
6			<i>карликовость</i>
7	событие	«событие»	<i>неожиданность</i>
8	явление	«явление»	<i>редкость</i> ² ,
8			<i>ненормальность</i>
9	правила	«правила»	<i>строгости</i> , <i>условности</i>
10	время	«время», «возраст», «прошлое»	<i>юность</i> , <i>зрелость</i> , <i>древность</i> ²

¹⁶ Номер значений у слов-примеров (нижний индекс) и омонимов (верхний индекс) указывается по Словарю.

11	поведение	«поведение»	<i>смелость, фамильярность</i>
12	поступок/действие	«действие», «деятельность», «поступок»	<i>формальность, глупость, дерзость</i>
13	слова/выражение	«слово», «выражение»	<i>грубость, двусмысленность</i>
14	отношение	«отношение»	<i>несправедливость</i>
15	чувство	«чувство», «ощущение»	<i>радость</i>
16	обстоятельство/положение	«обстоятельство», «положение»	<i>случайность, неясность</i>
17	собираемость	«совокупность», «круг»	<i>растительность, общность, живность</i>
18	информация	«известие», «информация»	<i>гласность, новость</i>
19	принадлежность	«принадлежность»	<i>партийность, национальность</i>

Таблица 7. Носители признаков, представленные более чем в одном слове на -
ость.

Нужно отметить, что при отнесении конкретных слов к тому или иному типу возникают сложности. Они связаны, во-первых, с тем, что в толковании многих слов встречается сразу более одного слова-указателя. См., например:

НАИВНОСТЬ: 1. см. *наивный*. 2. Наивная **мысль, высказывание, поступок**.

НЕОЖИДАННОСТЬ: 1. см. *неожиданный*. 2. Неожиданное событие, обстоятельство.

Во-вторых, некоторые слова имеют более одного мутационного значения, которые могут относиться к разным семантическим группам. Ср.:

РАДОСТЬ: 1. Весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что (тот, кто) вызывает такое чувство. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство.

Из таблицы можно увидеть, что выделенные в результате проведенного анализа толкований конкретные виды предметных значений близки к классификации, данной в «Русской грамматике», хотя и более подробны. Таким образом, проведенный сплошной анализ словарного материала подтверждает высокое качество описания, данного В.В. Лопатиным.

Выводы по Главе II

Проведенный на основе ТСШ анализ единиц с показателем синтаксической деривации *-ость* (а также его вариантами и производными) в целом показал, что данный словарь может быть использован как полезный источник данных о русской адъективной номинализации.

Изучение этих данных позволило определить примерный состав ядра русских адъективных синтаксических дериватов и большую степень регулярности их образования, т.е. востребованности – такие дериваты есть более чем у 60 % прилагательных. Оно также количественно подтвердило, что суффикс *-ость* является главным средством номинализации адъективов в СРЛЯ.

Одновременно проведенный анализ показал, что для производных на *-ость* характерна регулярная многозначность и что выделяемые значения в целом укладываются в три типа: транспозиционный, параметрический (транспозиционно-модификационный) и ‘носитель признака’ (мутационный). Вслед за О.В. Кукушкиной было высказано предположение, что эти значения можно рассматривать как закономерный результат реализации трех разных словообразовательных механизмов и функций. При использовании в основном значении реализуется чисто транспозиционная (конструктивная, по Е.А. Земской) функция. Параметрическое значение есть основания рассматривать как результат номинализации предикатов с модификаторами количества, т.е. как транспозицию

с расширительной модификацией исходного значения. В значении же 'носитель признака' можно видеть, помимо метафорического переноса, функцию универбализации исходного словосочетания "прилагательное+существительное".

Полученные данные также подтвердили, что сочетание суффикса причастий настоящего времени с суффиксом *-ость* (*имость/еимость*) можно рассматривать как маркер высокой вероятности наличия параметрического значения.

Проведенный анализ выявил также лакуны и недостатки представления отадъективов в ТСШ. Однако многие из этих недостатков обусловлены самим объемом и основными задачами толкового словаря. Неизбежные трудности будут возникать и при чисто словообразовательном описании номинализации, так как здесь ограничено описание многозначности. Все это позволяет сделать вывод о необходимости и полезности создания специализированных описаний (баз данных) синтаксических дериватов, что будет полезно как для обучения, так и для автоматического анализа русских текстов.

ГЛАВА III. АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ НА *-ОСТЬ* В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

1. Корпус «Русские газеты конца XX века» и ставившиеся задачи его исследования

Из-за непрерывного динамического развития языка и словари не успевают описывать все единицы и значения, используемые в текстах. Реальную картину может дать только анализ употреблений. Главным инструментом такого анализа являются электронные корпуса текстов.

Они дают сведения о реальной употребительности и функциональных особенностях изучаемых единиц. Для описания синтаксических дериватов это очень важно. Важно также, чтобы тексты корпуса были стилистически и тематически достаточно однородны. “Несбалансированность” текста может повлиять на результаты анализа частотности, а также семантических особенностей исследуемых единиц. С другой стороны, изучение специализированных текстов тоже не позволяет описать номинализацию как часть литературного, а не технического языка. Представляется, что оптимальный материал в этом отношении представляют газетные тексты. Их язык тематически и стилистически разнообразен и активно использует продуктивные единицы. В связи с этим для анализа нами был использован электронный корпус текстов «Русские газеты конца XX-го века», разработанный в ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ. В данном корпусе представлены полные тексты 13 газет с общественно-политической и повседневной информационной тематикой. Объем корпуса – 1 млн словоупотреблений.

Корпус ЛОКЛЛ был использован нами в качестве основного в силу его сбалансированности и достаточной полноты. Кроме того, в отличие от Национального корпуса, корпус-менеджер «Диктум», используемый в ЛОКЛЛ, позволяет работать с полными конкордансами и словниками и дает точную, а не “относительную” информацию о числе употреблений единицы и ее наличии/отсутствии.

Корпус дает следующие основные возможности:

- определить состав употребляемых единиц на *-ость* и количество использования каждой;
- проверить, какие из них реально используются в значении синтаксического деривата;
- установить, какие единицы и их значения не описываются в словарях.

Первая из этих задач может быть решена автоматически. Что касается второй задачи, то для ее решения необходимо “ручное” снятие многозначности. В Газетном корпусе ЛОКЛЛ синтаксические дериваты не отмечены. Эта задача не решена также в синтаксическом корпусе НКРЯ: так называемые лексические функции, как отмечается на сайте корпуса, указывают на семантические отношения заданного ключевого слова с другими единицами, стоящими рядом с ним. При этом информацию о функциях типа S0 (существительное, равное по значению глаголу, ср. S0 (читать) = *чтение*) по данному корпусу невозможно получить потому, что они образуются в качестве синонимов к производящим единицам и не могут выступать одновременно с ними.

Таким образом, хорошее качество разметки большого объема материала с точки зрения номинализации может обеспечить лишь экспертная проверка. Однако на первом этапе для производных на *-ость* возможен предварительный отбор наиболее вероятных контекстов с функцией номинализации. В качестве диагностического контекста для такого отбора может служить сочетаемость «*-ость* + кого/чего». Однако затем необходима дополнительная проверка контекстов и оценка количества неверных случаев. Такая оценка проводилась нами только для слов на *-изм* (см. Главу IV), так как их значительно меньше, чем слов на *-ость*. Поэтому при описании последних мы ограничились в основном формальными параметрами, т.е. установлением состава и частотности слов на *-ость*, а также их словообразовательными и грамматическими особенностями. Семантический

анализ производился только для одного слова – *реальность*. Это позволило обсудить проблему самой методики анализа употреблений отаффиктивов.

2. Состав и частотность слов на *-ость* в Корпусе¹⁷

В результате поиска в Корпусе был получен список 1268 слов с финалью *ость/есть* с количеством употреблений каждой единицы. Самыми употребительными из них оказались следующие слова: *возможность* (575 случаев употребления), *деятельность* (477), *безопасность* (382), *частность* (244)¹⁸, *стоимость* (234), *должность* (211), *собственность* (205), *необходимость* (185).

Сопоставление словника Корпуса со словарями позволяет определить состав «новых» слов, не включающихся в толковые словари. Мы сравнили список слов на *-ость*, полученный из базы «Грамматического словаря русского языка» [Зализняк 1977] (ЛОКЛЛ) со списком единиц Корпуса. Выбор данного не-толкового словаря обусловлен тем, что он является объемным по лексическому составу (с включением более 100 тысяч слов СРЛЯ). При этом задача в данном этапе не заключается в подробном изучении толкований, а в выяснении количественных соотношений описываемых единиц в словарях разных эпох.

Так, выяснилось, что 263 единицы из Корпуса отсутствуют в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка (ГС).

Анализ отсутствующих в Базе данных по ГС единиц показал, что часть слов не включена в ГС из-за их сложно-составного характера. Существительные на *-ость*, в силу своей качественной семантики, легко модифицируются и сами выступают как модификаторы, в том числе приложения (ср. такие единицы Корпуса, как *дом-крепость*, *актер-личность*, *кладбище-крепость*, *коммуно-совковость*, *рэйв-мрачность* и т.п.). Регулярным характером обладают также производные от *-ость* с аффиксоидами *само-*, *сверх-*, *полу-*, *микро-*, встреченные в

---

¹⁷ Результаты данного раздела были опубликованы в статье: Шучунь Чжан. Состав и особенности образования русских существительных с суффиксом *-ость* // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 3. С. 126–134.

¹⁸ Высокая частотность обусловлена употреблением в обороте *в частности*.

Корпусе. В список «новых» слов также вошли слова с приставкой НЕ- (*невостребованность*, *неглубокость* и др.).

Сопоставительный анализ с данными из ТСШ дает результаты, близкие к «Грамматическому словарю»: 307 единиц Корпуса, включая составные, в нем отсутствуют. Можно предположить, что отсутствие слова в Словаре, отражающем состав текстов и словарей, сложившийся к 70-м гг. XX-го века, может быть связано и с отсутствием или недостаточной актуальностью какого-то понятия.

Анализ показал, что к самым частотным из «новых» слов на *-ость* из Корпуса относятся следующие слова: *оргпреступность* (19), *собираемость* (13), *госсобственность* (11), *госбезопасность* (6), *латентность* (5), *инаковость* (4), *престижность* (4), *ангажированность* (4), *вовлеченность* (4), *комфортность* (4), *конфиденциальность* (4). Большая часть слов здесь отражает те свойства и явления, которые приобрели большую значимость только в конце XX века.

Образование существительного на *-ость* свидетельствует о формировании такого понятия, об оформлении его как самостоятельного объекта мысли. Употребительность слова отражает важность передаваемого им смысла, поэтому его анализ дает возможность получить представление о свойствах, признаках и понятиях, имеющих наибольшее культурное и общественное значение для носителей языка в тот или иной период, в частности, конца XX-го века.

Наибольший интерес среди «новых» единиц представляют несоставные слова, образованные собственно с помощью *-ость*. Анализ показал, что все такие слова – это синтаксические дериваты, что подтверждает главную функцию существительных с данным суффиксом – быть средством номинализации. Несмотря на то, что некоторые среди новых слов являются незуальными (например, *шоустость* – ‘свойство, присущее шоу’), подавляющее их большинство относится к узуальной лексике. Это свидетельствует о том, что русские словари отражают далеко не все производные на *-ость*, регулярно использующиеся носителями языка. Очевидно, последовательно отражаются прежде всего те,

значение которых непредсказуемо (например, слова, ставшие лексическими дериватами), или же самые частотные и привычные.

Нами была также проведена работа со словами, которые есть в ТСШ. Ее цель – примерно оценить частотность реализации функций СД и ЛД у слов на *-ость* в газетных текстах. Для этого использовались результаты анализа ТСШ, а именно, полученный нами список слов на *-ость* с пометой, к какому функциональному типу, судя по толкованиям, они должны принадлежать – чистые СД, ЛД или же слова, совмещающие оба типа деривации («гибриды»). Этот список из 3465-и слов был наложен на Газетный корпус текстов, в результате чего в нем было обнаружено 895 совпадающих единиц.

Среди 895 слов, имеющих в Словаре и Корпусе, были отобраны самые употребительные слова, имеющие частоту ≥ 40 (на 1 млн употреблений). Состав и количественное соотношение слов рассматриваемых трех типов – СД, ЛД и «гибриды» – оказалось, если судить по Словарю, следующим:

✓ слова, относимые в Словаре к чистым синтаксическим дериватам (6 слов): *реальность* (96), *активность* (68), *стабильность* (62), *популярность* (61), *эффективность* (55), *причастность* (40);

✓ слова, относимые в Словаре к чистым лексическим дериватам (19 слов): *деятельность* (477), *стоимость* (234), *собственность* (205), *необходимость* (185), *промышленность* (181), *новость* (152), *личность* (133), *обязанность* (113), *радость* (111), *способность* (107), *задолженность* (100), *скорость* (84), *зависимость* (79), *готовность* (71), *потребность* (65), *недвижимость* (58), *численность* (56), *сущность* (51), *гордость* (41).

✓ слова, относимые в Словаре к дериватам смешанного типа (25 слов): *возможность* (575), *безопасность* (382), *частность* (244), *должность* (211), *ответственность* (181), *преступность* (136), *ценность* (126), *общественность* (112), *трудность* (106), *опасность* (100), *подробность* (90), *национальность* (84), *справедливость* (83), *независимость* (80), *особенность* (75), *действительность* (72), *сложность* (68), *уверенность* (63), *мощность* (59), *вероятность* (56),

договоренность (54), *неприятность* (46), *благодарность* (44), *принадлежность* (42), *известность* (40).

Обращает на себя внимание то, что если в Словаре доля чистых СД из всех включенных слов на *-ость* составляет почти 90% (3114 из 3463), то в Корпусе доля слов, описываемых Словарем как чистые СД, среди частотных слов Корпуса значительно ниже – 12% (6 из 50).

3. Словообразовательные и грамматические особенности слов на *-ость* в Корпусе

Суффикс *-ость* имеет варианты, распределение которых является предметом особого рассмотрения. Чаще всего выделяется 4 составных варианта этого форманта: *-енн~ост'*-, *-им~ост'*- (*ем~ост'*), *-н~ост'*-, *-т~ост'* (см., например, [Ефремова 1996]). Эти варианты представляют собой сочетания адъективных суффиксов, в том числе суффиксов страдательного причастия прошедшего времени, и самого суффикса *-ость*. Их можно выделять в том случае, если соответствующий адъектив в СРЛЯ вообще не используется.

Производные на *-н~ость*, с отсутствующим прилагательным с суффиксом *-н-*, представлены следующими словами: *готовность* (от прил. *готовый*), *живность* (от прил. *живой*), *общность* (от прил. *общий*), *погрешность* (от сущ. *грех*), *этажность* (от сущ. *этаж*) и, возможно, *триллерность* (от сущ. *триллер*).

У отрицательных образований уверенно говорить о составном форманте можно для слова *решимость*. У таких производных интерес представляет выбор базового компонента, который может порождать варианты *-аемость/-имость*, а также использование номинализационных двоек с показателями разного времени (ср. *убеждаемость/убежденность*). Исключив производные от *-ость* слова (*самокупаемость*, *сверхпроводимость*, *гистонесовместимость* и т.п.), мы обнаружили в Корпусе 30 слов с вариантом *-имость/аемость* и 87 слов на *-енность*. Из них двойку могут составлять только слова *ценимость* и *ценность*.

Особая морфонологическая модель представлена в неузואальном слове *шоустость* (от *шоу*). Как и все суффиксы с начальной гласной, суффикс *-ость* является поконсонантным, т.е. требует перед собой закрытого варианта исходной основы. Открытые основы перед ним должны закрываться, т.е. должен использоваться их усеченный или наращенный консонизатором вариант [Кукушкина 2016: 132–135]. Слово *шоу(с)||т~ость* – это единственный случай образования от открытой основы. В нем используется сочетание консонизатора (с) и составного варианта *-т~ость*. В результате на морфемном шве возникает сочетание, напоминающее суффикс прилагательного *-ист-*.

Для русских словообразовательных типов очень важна акцентуация, а именно – избираемая модель ударения. Русский язык стремится к унификации места ударения в словах с одинаковым суффиксом (см. о законе развития доминантности суффиксов в русском языке) [Зализняк 1985¹⁹]. Как пишет А.А. Зализняк, схема ударения и место ударения у производных слов, содержащих суффикс, выводится по правилам из морфологического состава слова [там же: 29–30]. Суффикс *-ость* относится, по А.А. Зализняку, к левоударным недоминантным [там же: 86]. Это означает, что он требует ударения на слоге перед собой от акцентуационно слабых основ (ср.: *весёлый*, *веселá* > *весёлость*, *гóрдый*, *гордá* > *гóрдость* и др.), однако сохраняет место ударения производящих основ, если их ударный слог не является последним, т.е. основа сильная (*пράвильный* – *пράвильность*). В результате при образовании существительных на *-ость* в норме сохраняется место ударения производящей основы. Это правило удобно использовать при обучении русскому языку. Исключений из этого правила, как показал А.А. Зализняк, очень мало. Ему не подчиняются два слова с полногласными корнями *мóлод||ость* и *хóлодн||ость* [56–57]. Здесь по общему правилу ударение должно быть на слоге перед суффиксом. Еще одна аномалия – слово *злóсть* – ударение в нем стоит на самом суффиксе, так как в корне нет гласной, а окончание в начальной форме нулевое.

---

¹⁹ Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Левоударность суффикса *-ость* отличает его от синонимичных правоударных суффиксов *-от(á)* и *-изн(á)*. Этим можно объяснить его ограниченное употребление при прилагательных с флексийным ударением. Присоединение *-ость* к словам типа *седóй* сильно меняло бы исходное место ударения, сдвигая его влево, на корень (ср.: *седóй* – **céд||ость*). О нежелательности этого говорит тот факт, что в этом случае русский язык предпочитает правоударные суффиксы, которые позволяют сохранить исходное место ударения. Ср.: *седина́*, *пря́мизна́*, *пря́мота́*; *дороговизна́* и др.

Кроме того, суффикс *-ость*, как отмечает А.А. Зализняк, вообще несоединим с неодносложными, а также производными односложными основами прилагательных на *-ой* (кроме *молодо́й*) [там же: 86]. Мы проверили данную закономерность на материале Корпуса, и она подтвердилась. Из 1202-х производных существительных в Корпусе от прилагательных с окончанием *-ой* образуются только 10 существительных: *молодость* (от прил. *молодой*), *живность* и *живость* (от прил. *живой*), *тупость* (от прил. *тупой*), *злость* (от прил. *злой*), *святость* (от прил. *святой*), *сырость* (от прил. *сырой*), *гнилость* (от прил. *гнилой*), *сухость* (от прил. *сухой*) и *крутость* (от прил. *крутой*). За исключением *молодость* все эти слова образованы от односложных и непродуцированных прилагательных. Однако с морфонологической точки зрения слова с полногласными корнями ведут себя как односложные, поэтому слово *молодость* не является полноценным исключением. Стоит отметить также, что в связи с левоударностью суффикса и морфонологической односложностью производящей основы ударение в вышеуказанных словах на *-ой* переносится на первый слог основы.

Ударение в словах на *-ость* в норме является колонным, т.е. сохраняется во всех формах слова на одном и том же слоге от начала. Это связано прежде всего с тем, что формы множественного числа от слов на *-ость* малоупотребительны, а подвижность ударения используется в СРЛЯ для противопоставления чисел. Из 3155-ти существительных с суффиксом *-ость* в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка 3149 относятся к акцентному типу *a*. Подвижное ударение представлено

лишь у следующих слов со схемой ударения *e* (т.е. с основным ударением в И. мн. и флексивным в косвенных падежах мн. числа): *крепость* (в 2 и 3-ем значениях), *новость*, *плоскость*, *полость* (в 1 и 2-ом значениях), *скорость* и *ведомость*.

Нужно отметить, что все слова Корпуса с подвижным ударением имеют значение лексического деривата (или обоих дериватов) и конкретную семантику, что и позволяет употреблять их во множественном числе.

Форма множественного числа указывает на использование в мутационном, предметном значении. В Корпусе отмечено 17 слов на *-ость* во множественном числе: *возможности* (167), *трудности* (99), *ценности* (97), *подробности* (85), *должности* (40), *неприятности* (37), *особенности* (33), *сложности* (24), *договоренности* (22), *национальности* (22), *мощности* (19), *опасности* (10), *принадлежности* (9), *реальности* (9), *частности* (4), *благодарности* (2), *вероятности* (1).

4. Описание употреблений многозначного слова на *-ость* (на примере слова *реальность*)²⁰

4.1. Описание значения слова *реальность* в словарях

Данное слово было выбрано для анализа в связи с его употребительностью в Корпусе и неполнотой его описания в ТСШ. В Словаре самостоятельная статья на это слово отсутствует и слово описывается как чистый синтаксический дериват, в статье прилагательного:

РЕАЛЬНЫЙ: 1. Действительно существующий, не воображаемый. 2. Осуществимый, отвечающий действительности. 3. Практический, исходящий из понимания подлинных условий действительности. || сущ. *реальность*.

---

²⁰ Результаты анализа данной главы были опубликованы в статье автора диссертации: Чжан Шучунь. Особенности поведения многозначного существительного «реальность» в русских газетных текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. № 1. С. 64–72.

Отсутствие отдельного толкования данного слова также обнаружено в [Ожегов 2012] и [Даль 2000]. Однако в больших по объему толковых словарях слово *реальность* описывается как единица, имеющая второе значение.

В Словаре под редакцией Д.Н. Ушакова слово описано так:

РЕАЛЬНОСТЬ: 1. отвлеч. сущ. к *реальный*. 2. Объективно существующее **явление**, действительность, **факт** [Ушаков 2017].

В словаре под редакцией С.А. Кузнецова дано следующее толкование:

РЕАЛЬНОСТЬ: 1. к *Реальный*. 2. **То, что** существует на самом деле; действительность [БТС 1998];

В словаре Ефремовой во втором значении выделено два подзначения:

РЕАЛЬНЫЙ: 1. Существующий в действительности; не воображаемый. 2. Возможный для выполнения; осуществимый. 3. Отличающийся реализмом, исходящий из понимания и учёта подлинных условий действительности [Ефремова 2006].

РЕАЛЬНОСТЬ: 1. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: *реальный* (1-3). 2. а) Объективно существующая **действительность**. б) **Явления, факты, предметы** объективной действительности [там же].

Если судить по данным описаниям, синтаксический дериват *реальность* способен транспонировать все выделяемые значения слова *реальный*. Второе выделяемое у существительного значение относится к типу «носитель признака». В качестве носителя выступает *действительность*, а также явления, факты, в которых она проявляется.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева [Дмитриев 2003] перечисляется то, что может называться словом *реальность*:

РЕАЛЬНОСТЬ: 1. Реальностью чего-либо называется свойство, качество какого-либо явления, процесса и т. д. быть действительным, не воображаемым.

2. Реальностью называется то, что существует, происходит на самом деле.

3. Если какой-то процесс, какое-то явление, событие происходят **в реальности**, то это означает, что они не являются вымыслом, не принадлежат к области теории и т. д.

4. **Чувством реальности** называется чья-либо способность правильно оценивать свои возможности, сложившуюся ситуацию и т. д.

5. Если кто-либо **смотрит в глаза реальности**, то это означает, что этот человек имеет смелость, способность правильно оценить что-либо.

6. **Виртуальной реальностью** называют моделирование картин реальной жизни с помощью компьютерных систем [Дмитриев 2003].

Первые два пункта описывают транспозиционное значение, а остальные указывают на основные сочетания, в которых употребляется слово: *чувство реальности, смотреть в глаза реальности, виртуальная реальность*. Второе и третье из этих сочетаний не допускают зависимого существительного со значением носителя признака и относятся к мутационному типу «носитель признака». Первое сочетание может быть понято двояко: 1) как *чувство реальности происходящего* (чувствовать то, что происходящее реально); 2) как *способность чувствовать то, что реально происходит*. Второе понимание, очевидно, более частотно. Оно относится к сфере лексической деривации.

Как можно видеть, значение слова *реальность* описывается в русских толковых словарях неединообразно. Это заставляет обратиться к анализу его реальных употреблений. Этот анализ должен уточнить как состав значений слова, так и степень их употребительности.

4.2. Описание употреблений слова *реальность*

Как отмечается в исследованиях по контекстуальной семантике, место каждого языковой единицы в качестве зависимого элемента текстового фрагмента «должно определяться тем окружением, в котором оно встречается» [Колшанский 2020]. Контекст обеспечивает однозначное понимание высказывания, поэтому он

существен для изучения многозначных лексических единиц, в частности, неоднозначных существительных с суффиксом *-ость*.

Разрешение многозначности является одной из самых сложных задач корпусной лингвистики. Определение актуального значения при употреблении таких слов может быть достаточно трудным даже в «ручном» режиме, поскольку в текстах нередко встречаются «переходные» случаи и неоднозначные контексты. Как показывает наш анализ, проблема неоднозначного понимания регулярно возникает при анализе употреблений слова *реальность*.

М.Б. Ташлыкова выделяет пять типов текстовых употреблений единиц, образованных по моделям синтаксической деривации. Она называет их «импликация атрибуции», «импликация пропозиции», «адвербиализация», «субстантивация» и «опредмечивание». Эти типы можно назвать функциональными, поскольку они выявляют основные функции, осуществляемые адъективным субстантивом [Ташлыкова 2013: 44–61].

Эти типы во многом соотносятся с типами употреблений, которые нуждаются в фиксации и количественной оценке. Два главных из них — 1) использование слова для фактологической номинализации (см. «импликация пропозиции») и 2) использование слова как имени определенного вида носителя признака (см. «опредмечивание»).

В первом случае имеет место функция синтаксической деривации, во втором — лексической деривации. Остальные три случая нуждаются в анализе с функциональной точки зрения.

Для удобства анализа все контексты со словом *реальность* (94 случая) имеет смысл разделить на два автоматически обнаруживаемые типа: с зависимым носителем признака (13 случаев) и без него (81 случай). Внутри этих типов, как показал анализ, выделяются разные с функциональной точки зрения виды употреблений.

4.2.1. Употребления с зависимым носителем признака

4.2.1.1. Слово *реальность* в роли фактологического синтаксического деривата

Изучение словарных описаний слова *реальность* показало, что значение синтаксического деривата данного слова описывается во всех авторитетных толковых словарях современного русского языка как первое. Хотя это прямо и не указывается, под таким значением понимается обычно именно фактологическое значение ‘*тот факт, что...*’, создающее второстепенный предикат.

Поэтому ожидалось, это слово также чаще всего используется в Корпусе именно в таком, явном транспозиционном значении. Однако оказалось, что из 94-х его употреблений всего было обнаружено только 7 случаев, где фактологическое значение однозначно присутствует.

Самым явным и существенным контекстуальным показателем этого значения является указание в контексте носителя названного признака (предмета) с помощью зависимого существительного в Р.п. (*реальность чего*) или референтного ему местоимения (*его/ее реальность*). В качестве предмета-носителя свойства *реальный* в таком случае выступает некое положение дел. Ср.:

1. говорить о реальности Р (2 употр.)

(1) *О реальности приближающейся катастрофы говорит тот факт, что...*

(2) *Шахназаров прямо говорил о реальности (почти неизбежности) такой перспективы.*

2. верить в реальность Р (2 употр.)

(3) *Правда, в реальность этой истории в Пушкинском Доме до сих пор не могут поверить.*

(4) *...деньги можно обменивать на будущие прибыли, лишь если веришь в реальность получения этих прибылей.*

3. реальность Р становится какой (очевидной) (1 употр.)

(5) *Реальность либерализма и идеологии либерализма стала очевидной, а следовательно, мы пришли...*

4. **реальность Х. подчеркивается** (1 употр.)

(6) Этим подчеркивалась реальность религиозной жизни страны.

Лишь в одном случае используется предикат иного типа:

5. **обеспечить реальность Р** (1 употр.)

(7) ...призван обеспечить доходную часть бюджета будущего года, а также реальность его исполнения в случае задержки с принятием Налогового кодекса...

Лексическое значение атрибута *реальный* делает его модальным показателем возможности реализации, осуществления. Однако *реальность* может ставиться под вопрос, и возможность ирреального использования сохраняется и при номинализации. Это наблюдается прежде всего при глаголах речи.

4.2.1.2. Слово *реальность* в роли лексического деривата

Наличие имени носителя признака в родительном падеже – важнейшая примета чистой транспозиции, но ее недостаточно для автоматического определения данного значения. В Корпусе нашлось только три однозначных контекста, в которых в сочетании *реальность чего* реализуется предметное значение, а не фактологическое значение. Ср.:

(8) *Европейские министры финансов напомнили согражданам, что Гонконг далеко и что призрачный мир биржевых котировок и **реальность** экономики далеко не всегда совпадают.*

В данном контексте речь идет не о том, “реальна” ли сама экономика, а о той действительности, которая имеет место в экономике. На это указывает сравнение с «призрачным миром котировок». Чтобы различить данные значения, сознание читателя должно совершить “операцию распаковки пропозиции”, передаваемой именной группой, т.е. установить, о чем идет речь: а) о реальности существования самого Р. (‘реальна ли экономика’) или б) о реальной действительности, имеющей место в экономике.

Важным признаком предметного значения является наличие характеризующего *реальность* определения: оно должно указывать на

особенности ситуации, имеющей место в какой-то сфере, а не на степень уверенности в свойстве ‘быть реальным’. Ср. однозначность предметного прочтения в следующем контексте, задаваемую атрибутом *нелакированный*:

(9) ...очень значимая часть отечественных элит, водрузив на знамя лозунги «приобщения масс к нелакированной **реальности** жизни» торопится наступить на уже хорошо известные грабли.

К контекстам с сочетаемостью *реальность чего* с предметным значением также можно отнести и следующий однозначный контекст с относительным прилагательным вместо существительного в родительном падеже:

(10) ...**телесериальная реальность** может напрямую влетаться в **реальность живую**... (реальность телесериалов = отраженная в телесериалах)

4.2.1.3. Неоднозначные контексты с зависимым именем носителя признака

В работах по стилистике русского языка указывается на то, что средства номинализации нужно использовать очень осторожно в силу их возможной неоднозначности и сложности для читателя. Неоднозначность понимания слова *реальность* возникает при возможности двоякого прочтения контекста – фактологического и “предметного”. Найдено три случая этого типа. Во всех них у слова *реальность* есть характеризующий ее атрибут и носитель признака является непропозитивным.

В первом из них двоякое прочтение связано с типом предиката *постичь*. Сочетание *постичь реальность чего-л.* может быть понято двояко: а) *понять тот факт, что что-то реально*; б) *понять, как обстоят дела в какой-то области*. Ср.:

(11) ...когда еще представится шанс стать немного мудрее, **постичь невидимую реальность** наших тайных мыслей и сокровенных желаний – инстинктов души, которые мобилизуют ее к действия?

Во втором случае также можно видеть предикат ментальной деятельности, допускающий два типа прочтения вводимой им пропозиции:

(12) *Но на реальной жизни людей виртуальная **реальность** непризнанной республики* сказывается весьма ощутимо.

Возможно, автор хочет сказать, что республика не существует реально (ее признание не реально), и это негативно сказывается на жизни людей, живущих в ней. Однако атрибут *виртуальная* актуализирует и второе понимание – не до конца полноценная настоящая действительность, имеющая место в непризнанной республике негативно сказывается на жизни людей.

В третьем случае у слова *реальность* также присутствует атрибут «невидимая». Ср.:

(13) *Кстати, такова **невидимая реальность** денег – простых бумажек, за которыми стоит человеческая энергия и труд.*

Возможные интерпретации таковы: (а) Это факт, что простые бумажки (деньги) реальны, влияют на нас; хотя мы это и не видим; б) такова ситуация, положение дел с деньгами, которую мы не видим.

Все эти предложения стилистически неудачны и не отличаются ясностью мысли.

От описанных случаев нужно отличать контекст, где также есть зависимое существительное в Р.п., но не называющее носитель признака. Ср.:

(14) *Сегодня этот "бич" стал обыденной **реальностью** России.*

В этой конструкции *Россия* выступает как локум, а носитель признака оформлен как подлежащее. Поэтому данный случай будет рассмотрен в разделе 4.2.2.1.

4.2.2. Описание употреблений без зависимого носителя признака

Всего обнаружено 83 таких употребления, что говорит о том, что слово *реальность* используется в газетах прежде всего как лексический дериват. Ведь функция фактологической номинализации при отсутствии носителя признака невозможна. Однако, помимо предметного, здесь имеется и “характеризующий” тип употребления, в котором слова *реальность* выступает как общее имя качества,

свойства, а не имя носителя признака. В этом типе употреблений реализуется отвлеченное, а не конкретное значение слова, поэтому он должен быть рассмотрен отдельно (см. 4.2.2.1). Нужно также отметить, что он вызывает трудности при его отнесении к одному из типов деривации.

4.2.2.1. Слово *реальность* как имя качества

Здесь можно выделить два случая: а) носитель признака есть, но он не занимает зависимую от *реальности* позицию; б) носитель признака вообще отсутствует.

В контекстах первого типа речь идет о наличии у называемого предмета свойства 'быть реальным'. В Корпусе встречены 8 контекстов с предикатами двух типов: с фазисным значением становления признака и со значением малой степени:

1. **стать реальностью** (6 употр.):

(14) *Сегодня этот "бич" стал обыденной реальностью России.*

(15) *Если хотя бы на секунду допустить, что охотнорядческий бред стал реальностью в виде ритуального убийства, то...*

(16) *Процесс пошел и стал реальностью.*

(17) *Впрочем, компьютерная литература уже стала реальностью.*

(18) *Когда паром станет реальностью и начнет работать....*

(19) ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ **ПРОСТРАНСТВО**
СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

2. **быть далеким, оторванным от реальности** (2 употр.):

(20) *...среди специалистов давно ходят разговоры, что цифра эта очень далека от реальности.*

(21) *...абстрактный, оторванный от реальности выбор собственной смысловой ориентации.*

В этих случаях носитель качества занимает позицию подлежащего, а качество вступает с ним в отношения тождества (*стать реальностью*) или же пространственные отношения. При этом возможность обратной трансформации в

адъектив сохраняется. Ср.: *Р стало реальностью* = существование *X-а* стало реальным; *X далеко от реальности* = *X нереально*.

М.Б. Ташлыкова вслед за Г.А. Золотовой относит такие конструкции к монопропозитивным предложениям, «семантический объем которых сводится к сопряжению признака с предметом, его носителем [Золотова 1976: 145]» [Ташлыкова 2013: 48]. Можно согласиться с автором, что такое употребление можно относить к сфере синтаксической деривации, так как субстантив сохраняет еще семантическое тождество с атрибутивным предикатом. Однако в таких конструкциях происходит, на наш взгляд, усиление предметного значения. Это проявляется в том, что при переводе этих контекстов можно использовать и сочетания типа *войти в жизнь, в действительность; быть далеким от жизни, действительности*.

Настоящее отсутствие носителя признака представлено в Корпусе двумя видами контекстов. Первый из них – обстоятельственно-характеризующий. В нем слово *реальность* выступает не как признак предмета, а как признак действия. М.Б. Ташлыкова называет такого типа употребления синтаксических дериватов их адвербиализацией, поскольку здесь часто возможна замена на соотносительное наречие.

В Корпусе такое употребление оформляется с помощью синтаксемы *в реальности* (7 употреблений). Ср.:

(22) *Однако договаривались-то они с кабинетом министров об одной цене бюджета, а в реальности правительство теперь «проталкивает» совсем иную.*

(23) *Подобная катастрофа, случись она в реальности, имеет отношение не только к биржевым дельцам...*

(24) *Режиссер показал последнюю схватку героя ... с дьявольским искушением не в реальности, а предсмертном видении.*

(25) *... что он чисто экономический и не связан напрямую с политикой, в реальности это не совсем так.*

(26) *В реальности революция вздыбливает, взламывает все устои...*

(27) *Не исключено, что и официальный Грозный, и организаторы Кавказского общего рынка **в реальности** добиваются общей цели...*

(28) *Хотя...и любит подчеркивать, что его проект – чисто экономический и не связан напрямую с политикой, **в реальности** это не совсем так.*

Во всех этих случаях, как нам кажется, помимо наречия, возможна и замена слова *реальность* на *реальная жизнь, действительность*. Поэтому этот случай можно рассматривать как пограничный между синтаксической и лексической деривацией.

Второй подвид употреблений с реальным отсутствием носителя признака наблюдается в устойчивом выражении **чувство реальности** (3 употр.). Ср.:

(29) *...в этом искусственном мире, где ему так не хватает **чувства реальности**.*

(30) *Быков, однако, вовсе не утратил **чувства реальности**, выйдя на широкую публику.*

(31) *...это ослабляет **чувство реальности** и способно и вовсе отбить вкус настоящего.*

Здесь можно видеть особый тип употребления, который М.Б. Ташлыкова называет “субстантивацией”: «признак, обозначенный отадъективом, в таких случаях мыслится не как характеристика предмета или действия, а как выделенная сознанием самостоятельная сущность, отдельный концепт» [Ташлыкова 2013: 55]. То есть здесь можно говорить о том, что Е.В. Падучева называла номинативной номинализацией и не считала возможным относить к синтаксической деривации. По мнению М.Б. Ташлыковой, это все же синтаксические дериваты особого типа.

“Субстантивацию” можно было бы видеть и еще в двух случаях:

(32) *В комедии масок не может быть буквальной **реальности**. Именно поэтому Карло Гоцци, высмеивавший Гольдони за его излишний натурализм...*

(33) *Трезвый взгляд на любовь. Вы отказываете ей в праве на свои собственные законы, мораль и **реальность** (Из описания результата психологического теста).*

Однако представляется, что здесь просто пропущен зависимый носитель признака. В (32) должно быть “*реальность изображения действительности*”. В данном случае лучше было бы использовать другой синтаксический дериват, характеризующий способ действия – *реалистичность изображения*. В (33) речь идет о *реальность любви* (= *отказ верить в тот факт, что любовь реальна*). В таком случае тоже имеет место стилистическая неудача.

4.2.2.2. Употребления слова *реальность* для обозначения носителя признака

Во всех остальных случаях, кроме описанных выше, слово *реальность* именуется носителем признака, т.е. реализуется функция универбализации словосочетания. Как показывает анализ контекстов, речь идет о носителе признака трех типов: а) *реальная жизнь, действительность*; б) *определенный вид, сфера жизни, реальной действительности*; в) *конкретные особенности, характерные для какого-то вида реальной действительности*. Эти три типа контекстов отличаются нарастанием степени конкретности носителя признака. Это находит выражение в способности выражаться формой множественного числа слова *реальность*.

Употребление в значении ‘*реальная жизнь, действительность*’ является главным. Оно используется а) для противопоставления нескольких типов; б) для характеристики окружающей действительности.

Первое из противопоставлений – это противопоставление истинного, реального положения дел неверному представлению о нем. Самая частая конструкция здесь – *реальность такова* (4 употр.):

(34) *Реальность на сегодня такова: первички по своим настроениям левее обкомов.*

Реальное положение дел описывается с помощью предикатов *оказаться, быть (какой)* или же просто констатируется наличие несоответствия ему:

(35) *Однако реальность оказалась намного разнообразнее...*

(36) *Но реальность оказалась неумолима:*

(37) Кто бы подумал, что грань между "картинкой" и **реальностью** будет столь острой...

(38) Однако слух оказался не более чем слухом, ничего общего с **реальностью** не имеющих...

(39) Недостатка в подобных оптимистических прогнозах не было. Хотя суровая **реальность** вносила свои коррективы...

(40) Мысль, на первый взгляд противоречащая **реальности**...

(41) Не мешало бы хоть изредка взглянуть **реальности** в глаза...

Второе противопоставление – это противопоставление реального и “выдуманного” (приукрашенного, мнимого, виртуального, искусственного, другого и т.п.). Самым частым способом описания несуществующего положения дел является сочетание *другая реальность* (6 употр.):

(42) Она живет в **другой реальности**, ее реакция на политические события абсолютно неадекватна.

(43) Оказаться в **другой реальности** мечтали еще древние греки, когда погружались в буйство мистерий.

(44) ...место, где люди окунались в **другую реальность**, совершая что-то вроде виртуального путешествия наяву...

(45) ...фотографии будут: "Российские регионы: Россия - конец XX века", "**Другая реальность**", "Мода и стиль в фотографии" и "Политический портрет"...

(46) Чуть чего – щелк, и ты уже в **другой реальности**.

(47) Такое путешествие в **другую реальность** (под которой подразумевалось светлое коммунистическое будущее) устроил для народа Сталин.

Для этого используются также сочетания с прилагательными *вторая* (1 употр.), *виртуальная* (2 употр.), *искусственная* (2 употр.),

(48) ...о Сандро с его патриархальной "**второй реальностью**" (настолько реальной,...

(49) ...предстала юридически не существующая страна, фантом политической **виртуальной реальности**...

(50) **Возрастает запрос на некую иную, искусственную реальность.**

Данная оппозиция выражается и с помощью противопоставления существительных: сказка, фантазия, миф и др. – реальность:

(51) ...выставка, устроенная ассоциацией художников-монументалистов, называлась "**Иллюзия и реальность**"...

(52) **Вещи сны – это миф или реальность?**

(53) **Вы смогли установить равновесие между иллюзиями и реальностью...**

(54) ...экстатическое восприятие происходящего, подменяющее **реальность** той или иной наркотизирующей **фантазией**...

(55) ... во всех павильонах, был единственным предметом, вторгнувшимся в **сказку из реальности**...

Наличие выдуманного положения дел может передаваться и с помощью предиката, обозначающих переход из него в реальность. Ср.:

(56) **Боевики и триллеры переходят в реальность**

Различие между выдуманным и искаженным положением дел может нейтрализоваться. Оба эти значения совмещаются в словах *иллюзия*, *додумывать*, *приукрашивать*, также встречающихся в Корпусе вместе со словом *реальность* Ср.:

(57) **Их фантазии безудержны, сказочны, но это не иллюзии, отменяющие реальность.**

(58) ...создание игровой программы, способной вызывать у человека полную иллюзию **искусственной реальности**.

(59) **В этом названии – квинтэссенция вертовских принципов, исключаящих какое-либо приукрашивание реальности, ее художественное додумывание.**

Третий тип оппозиции существенно отличается от первых двух, так как является временным. Он противопоставление старое и новое положение дел. Основной его показатель – наличие атрибута *новая* (5 употр.).

(60) Проект игнорирует и **реальность**, которая сложилась за время после карательно-военных действий...

(61) Циничный агитпроп считает, что в новую **реальность** "не вписались" самые косные и бездарные...

(62) **Новая реальность** требует пристального внимания к неблагополучным детям, особенно к бездомным...

(63) Теория социализма должна отражать **новую реальность**.

(64) ...престарелым, одиноким, тяжело и разнообразно бедствующим в **новой реальности**...

Однако в одном случае сочетание *новая реальность* использовано не во временном значении, а в значении типа *выдуманная реальность*. Ср.:

(65) Творчество для меня – это всегда создание **новой реальности**...

Противопоставление старого и нового осуществляется также с помощью указания на конкретные временные ориентиры (*нынешняя, изменившаяся, постперестроечная; сложившаяся когда, время чего* и т.п.).

(66) У членов КПРФ в **нынешней реальности** есть все возможности для свободного выбора, для того, что именуется инициативными...

(67) Может быть, в нашей **постперестроечной реальности** не все так определено...

(68) Однако понимание **этой реальности**, важности дожить до более цивилизованных и тучных времен не снимает задачи...

(69) ...в условиях принципиально изменившейся исторической **реальности** восстанавливается далеко не безобидная советская демагогическая схема "дружбы народов"...

Случаев, когда слово *реальность* используется не для противопоставления, немного. В них с помощью атрибутов характеризуются свойства реального положения дел (*труднопредсказуемость, объективность, суровость, постоянность*):

(70) ...далеко, скорее составляю несколько вариантов планов с учетом нашей труднопредсказуемой **реальности**.

(71) Факт, понял он, - это объективный момент **реальности**, а обстоятельство - тот же факт, но субъективно осознанный.

(72) ...политики считают для себя необходимым высказаться. Это **реальность**, которая будет сопровождать нас всегда...

(73) ...составляю несколько вариантов планов с учетом нашей труднопредсказуемой **реальности**...

(74) ...в этом квартале мы вряд ли получим. И это просто объективная **реальность**...

Во всех рассмотренных выше случаях у слова *реальность* можно видеть общее значение «реальное положение дел, жизнь, действительность». Однако в Корпусе есть и другой тип контекстов, в котором речь идет не о жизни вообще, а о положении дел в какой-то конкретной сфере деятельности. Для этого вводится соответствующее прилагательное. Найдены следующие контексты этого типа. Ср.:

(75) ...определяют свою политику с учетом новой мировой **экономической реальности**.

(76) ...особое, "рабочее" чувство справедливости, не вписывающееся в нашу **рыночную реальность**.

(77) ...но было бы прекрасно, если бы **архитектурная реальность** сломала и этот щедрый прогноз.

Сюда же можно отнести и употребляющееся в одном и том же философском тексте сочетание *человеческая реальность*. Ср.:

(78) Нельзя безнаказанно посягать на тонкие закономерности собственно **человеческой реальности**, как нельзя посягать безнаказанно на более грубые закономерности всего живого...

(79) *С этой точки зрения мы вправе подходить к описанию собственно **человеческой реальности** конца XX века, используя религиозные категории в их особом...*

(80) *Существование и Смысл, где можно жить, не Спасаясь, где **человеческая реальность** не взрывается, не превращается в Черноту в момент, когда теряется формула...*

(81) *Отбрасывание незначительных аспектов **человеческой реальности** – это не признак причастности к рациональной и скептической современности.*

Это сочетание не является узуальным. Очевидно, здесь имеется в виду прежде всего духовная и гуманитарная сфера жизни человека.

Во всех описанных типах употреблений употреблена форма ед. числа существительного *реальность*. Однако в Корпусе есть 7 случаев употребления множественного числа. В трех из них можно видеть особый, третий, самый конкретный тип предметного употребления слова *реальность*. Его значение можно описать так: 'специфические факты, проявления реальной жизни'.

Явным признаком этого типа употреблений, помимо формы мн. числа, является указание на место, к которому относится факт или явление. В Корпусе встречены следующие однозначные случаи этого типа:

(82) *Канадцы очень горды принадлежностью к своей стране. Однако плохо осведомлены о ее **политических реальностях** и ее истории.*

(83) ***Реальности СССР** заставляли граждан западных стран ценить свободу и демократию.*

(84) *Как заявил министр иностранных дел Ирана, США наконец признали **иранские реальности**.*

Обращает на себя внимание то, что в этих контекстах слово *реальность* можно заменить однокоренным словом *реалия*. Это слово употребляется для обозначения не просто «реального факта», а «факта, специфичного с территориальной или временной точки зрения». Это заставляет предположить, что

в современном русском языке слово *реальность* по аналогии может использоваться носителями как синоним слова *реалия*.

Ср. описание слова *реалия* в «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2006]:

РЕАЛИЯ: см. *реалии*;

РЕАЛИИ (мн.): Предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках.

Русские синонимические словари включают *реалию* и *реальность* в одну группу (см. например, , однако в толковых словарях фиксация связи между этими словами отсутствует. Возможно, это вызвано тем, что эта связь является достаточно новой и воспринимается лексикографами как результат неоправданного смешения разных понятий, которые русский язык дает возможность различать лексически.

В Корпусе есть еще 4 случая употребления формы множ. числа, в которых можно видеть реализацию того же значения. Они не столь очевидны, так как привязка к определенному локуму здесь отсутствует и указаны лишь свойства (*грубые, тонкие, предельные, комплексные реальность*). Все они найдены в том же философском тексте, в котором используется неузвальное сочетание *человеческая реальность* (см. выше). Ср.:

(85) ...сухими и выверенными подходами к сфере, прячущей в себе **тонкие реальности** человеческого бытия, мы называем это особое качество "культурными кодами" ...

(86) Нельзя, конечно же, и проводить прямые параллели между **грубыми реальностями**, в которых как бы притушен фактор Воли и Смысла...

(87) ...опираясь на собственное понимание предельных вопросов и личное соответствие **предельным реальностям**.

(88) ...речь идет об оперировании с довольно глобальными категориями и комплексными реальностями из чего может сложиться ошибочное представление о сходстве подходов...

Автор использует форму мн. числа для выделения и характеристики отдельных аспектов внутри единого человеческого бытия (“человеческой реальности”), а не для обозначения альтернативных миров, противопоставленных друг другу.

Поскольку при реализации общего значения и значения конкретной сферы деятельности случаев использования мн. числа не встречено, форму мн. числа можно считать, очевидно, эксплицитным признаком выражения у слова *реальность* значения ‘специфический факт, явление’. Его можно рассматривать как следствие его конкретизации и дискретизации с помощью формы множественного числа общего значения: ‘реальная действительность’ → ‘специфические проявления этой действительности’.

4.3. Особенности слова *реальность* на фоне китайского языка

Наш анализ показывает, что при переводе на китайский язык слова *реальность* выделенных выше типов употреблений используются разные лексические средства.

Предложения с *реальность* с чисто синтаксической функции переводятся на китайский предложениями, где соответствующий признак сохраняет позицию предиката, пусть и второстепенного, дополнительного. При этом в зависимости от контекста в переводе можно использовать предикаты с разными лексическими значениями, такие как 现实 Adj ‘действительный’, 实际 Adj ‘практичный’, 可行 Adj ‘осуществимый’, а также 真实 Adj ‘настоящий/правдивый’, которые в русском языке свойственны одному прилагательному *реальный*. Ср.:

Реальность либерализма и идеологии либерализма стала очевидной.

自由主义	与自由意识	已	成为现实，
<i>либерализм</i>	<i>и идеология</i>	<i>уже</i>	<i>стать</i>
	<i>либерализма</i>		<i>действительный</i>
这一事实		已	日渐显露。
<i>этот</i>		<i>уже</i>	<i>стать очевидным</i>
<i>факт</i>			

*Шахназаров прямо говорил о **реальности** такой перспективы.*

Шахназаров	直白地	表示，
	<i>прямо</i>	<i>говорить</i>
这一设想	将成为现实。	
<i>такая перспектива</i>	<i>стать действительным</i>	

Использование более конкретных лексических средств при передаче русского корня *реал-* не говорит о большей лексической разработанности и дробности отражаемого им понятия в китайском языке, поскольку в русском языке *реальный* тоже имеет много синонимов, более конкретных по значению (см. ниже *действительный*, *практичный* и т.д.). Здесь имеет место такое межъязыковое различие, как наличие/отсутствие в языке более обобщенной, абстрактной единицы наряду с более конкретными. В русском языке такая единица возникла в результате западноевропейского заимствования основы *реал-*.

Для китайского языка не характерна функция пропозитивного насыщения с помощью словообразовательной транспозиции. Адъективная транспозиция позволяет русскому слову *реальность* свободно сочетаться с именами действия. Для китайского же языка именные группы такого типа не характерны, поэтому их перевод представляет особые сложности. Определив, что русское слово *реальность* выступает в транспозиционной функции, переводчик должен изменить синтаксическую конструкцию, «вернув» признак в предикатную позицию. Ср.:

... если веришь в **реальность** получения этих прибылей.

如果你相信 这些利润 确实 可以获取
信

если ты эти **реально** можно получить
верить прибыли

... обеспечить ... реальность его исполнения ...

保证 (预算的) 实际 执行

обеспечить (бюджет) **реальный** исполнить

О реальности приближающейся катастрофы говорит тот факт, что...

逐步临近的 危机 体现 在如
下事实上

(x) катастрофа отражаться в
приближаться+признак том факте

Особого комментария требует тот факт, что в китайском языке имена свойства также могут образоваться с помощью присоединения особой суффиксальной морфемы - 性 ‘свойство быть’ (например, 现实 ‘действительный’ – 现实~性 ‘свойство быть действительным’). На первый взгляд, это средство должно образовывать синтаксический эквивалент русского слова *реальность*. Однако анализ показывает, что присоединение данного суффикса не делает позицию признака актантной, т.е. реальная транспозиция отсутствует, но в предикате появляется особый морфемный компонент классифицирующего признака. Ср. возможность двойного перевода следующего контекста:

Правда, в реальность этой истории (в Пушкинском Доме) до сих пор не могут поверить.

а) 确实, 人们 至今都 无法相信
правда люди до сих пор не могут верить
这个故事的 真实 + 性。

эта история+её действительный + свойство быть

б) 确实, 人们 至今都 无法相信
правда люди до сих пор не могут верить
这个故事 是真的。

эта история быть действительный

Данные варианты перевода, являясь синонимичными, различаются между собой стилистически – конструкция с производным именем с морфемой -性 (а) характерна преимущественно для речи книжного стиля.

При переводе предметного значения слова *реальность* ('реальная жизнь, действительность') на китайский приходится использовать разные лексические единицы, более конкретные по значению и эквивалентные русским сочетаниям со словами «мир» (世界), «факт» (事实), «жизнь» (生活) и др. Ср.:

Может быть, в нашей постперестроечной реальности не все так определено.

或许, 在重建期后的 现实生活中...
может быть в постперестроечной реальной жизни

...где люди окунались в другую реальность...

这里, 人们 沉浸 在另一个世界中。
тут люди окунаться в другой мир

Это связано с тем, что предметное значение русского слова *реальность* включает в себя носителя признака с очень абстрактным значением – 'все, реально

окружающее человека'. Эта абстрактность достигается за счет метонимического переноса, в результате которого признак именуется по его свойству и может не конкретизироваться. Для перевода контекстов такого типа, в которых слово *реальность* выступает как субститут словосочетания, в китайском языке необходимо «раскрывать» эти словосочетания и указывать компоненты, определяемые мотивирующим прилагательным *реальный* (*мир, жизнь, факт, практика* и др.).

Третье значение слова *реальность* ('реалия/реалии') также не имеет в китайском языке переводного лексического эквивалента и должно передаваться описательно. В контексты, где оно реализуется, нужно вводить дополнительные атрибуты с семантикой раздельной множественности и специфичности, что бывает сделать достаточно сложно. Ср.:

а) Реальности СССР заставляли граждан западных стран ценить свободу и демократию.

苏联的特色情况	使得	西方国家公民
советские уникальные факты	заставлять	граждане западных стран
开始珍惜	自由与民主。	
стать ценить	свобода и демократия	

б) Канадцы очень горды принадлежностью к своей стране. Однако плохо осведомлены о ее политических реальностях и ее истории.

加拿大人	十分骄傲于	自己的祖国,	然而
<i>Канадцы</i>	<i>очень горды</i>	<i>своя страна</i>	<i>однако</i>
对本国的实际政治事件			与历史
<i>о реальных политических событиях в стране</i>			<i>и ее истории</i>
却了解甚少。			
<i>плохо осведомлены</i>			

Выводы по Главе III

Анализ сущ. на *-ость*, употребляемых в Корпусе «Русские газеты конца XX века», подтвердил, что основной функцией данного типа образований является номинализация (опредмечивание). Об этом говорит соотношение слов, у которых в ТСШ отмечена функция синтаксического деривата. При этом самые употребительные единицы описаны в ТСШ как обладающие вторичным, мутационным значением.

Сравнение со словарными списками показало, что в Корпусе используется более 200-и “новых” слов, не зафиксированных в [Зализняк 1977] и [Шведова 2011]. Часть из них называет новые и актуальные для России конца XX века понятия. Такие слова на *-ость* дают социокультурную информацию о тех свойствах, которые стали актуальными в «лихие девяностые» – политически и социально значимую эпоху российской истории.

Анализ употреблений слова *реальность* в Корпусе показал, что описание слов, образованных даже таким самым регулярным средством номинализации, как суффикс *-ость* и его варианты, требует тщательного изучения контекстов их употреблений в текстах разного типа. При таком изучении отадективов важно анализировать следующие параметры:

1. Использование с и без зависимого существительного в Р.п. и соотношение таких случаев. Это соотношение может указывать, хотя и приблизительно, на соотношение случаев синтаксической и лексической деривации;

2. При анализе контекстов с зависимым именем носителя признака в Р.п. нужно особое внимание обратить на случаи наличия прилагательных при отадективе, так как они могут быть маркерами наличия предметного значения;

3. При анализе контекстов без зависимого имени носителя признака важно проанализировать наличие/отсутствие у слова следующих типов употребления: а) пропозитивного употребления (в монопропозитивных конструкциях); б) адъективного употребления (в обстоятельственных синтаксемах);

в) “субстантивного” употребления, т.е. для обозначения абстрактного качества, свойства; г) употребления в качестве имени носителя признака.

В последнем случае необходимо обратить внимание на допустимые типы носителей, а также использование форм множественного числа, в которых может реализоваться отдельное, более конкретное предметное значения.

Также, учитывая регулярное присутствие параметрического значения у отадективов, необходимо исследовать его наличие.

Описание на этой основе значения и употреблений слова *реальность* в газетных текстах может выглядеть по-разному:

1. Является эквивалентом сочетания ‘реальная жизнь, действительность’;
2. Используется прежде всего для противопоставления неверному или вымышленному представлению о действительности, а также для противопоставления жизни, положения дел, существующего в разные периоды времени. Форма мн. числа не встречена. Это значение является для слова основным.
3. Используется для номинализации прилагательного *реальный* во всех возможных видах транспозиционных употреблений (около 23% от общего числа употреблений):
  - а) для фактологической номинализации: в полипропозитивных (с Р.п. носителя признака: *реальность чего*) и монопропозитивных (без Р.п. носителя признака: *Его приезд — реальность*) конструкциях;
  - б) для адъективизации (*в реальности*) – без указания носителя признака;
  - в) для обозначения имени качества – без указания носителя признака (*чувство реальности*).
4. В форме мн. числа используется в значении ‘специфические проявления действительности’, как синоним к *реалии* (около 6 % употреблений).

ГЛАВА IV. ИМЕНА С СУФФИКСОМ *-ИЗМ* КАК СРЕДСТВО НОМИНАЛИЗАЦИИ²¹

Существительные с заимствованным, но продуктивным суффиксом *-изм* представляют собой особый интерес. Данный суффикс, в отличие от суффикса *-ость*, редко описывается в научной литературе и словарях как средство номинализации адъективов. Однако существительные на *-изм*, как и слова на *-ость*, регулярно обозначают качества, признаки, свойства. Они, также, как и сущ. на *-ость*, способны передавать фактологические пропозиции. Ср.: *Он большой эгоист* → *Его эгоизм (=эгоистичность) меня возмущает.*

Это заставляет предположить, что в определенной лексической сфере суффикс *-изм* выступает как средство номинализации. Поэтому производные с этим суффиксом также нуждаются в выявлении и фиксации у них конструктивной функции. В данной главе мы рассмотрим словарное описание производных с этим суффиксом в ТСШ, а также возможность выявления функции синтаксического деривата у слов на *-изм* на основе анализа текстов.

1. Специфика лексикографического описания существительных на *-изм*

1.1. Описание слов на *-изм* в ТСШ

Мы проанализировали описание слов на *-изм* в [Шведова 2011], в котором, как выяснилось, оказалось всего 281 слово с финалью *-изм*. Анализ этих слов показал, что выявить по этому ТСШ наличие исследуемой функции у слова крайне трудно. В отличие от слов на *-ость*, у которых явным признаком функции СД является отсылочный способ описания или описание в статье прилагательного, у слов на *-изм* эксплицитное указание на функцию СД в использованном словаре отсутствует. Кроме того, избранный способ описания показывает, что такие слова рассматриваются не как производные, а как производящие для атрибутивов. На это

---

²¹ Для написания данной главы были использованы материалы статьи: Чжан Шучунь, Кукушкина О.В. Существительные с суффиксом *-изм* как средство номинализации в русском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. № 2. С. 113–124.

указывает помещение соотносительных прилагательных в статьях существительных на *-изм*. Ср:

АЛЬТРУИЗМ: (книжн.). Готовность бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими интересами. || *прил. альтруистический*;

ДОГМАТИЗМ: Некритическое мышление, опирающееся на догмы. || *прил. догматический*.

Производные прилагательные даны в статьях абсолютного большинства существительных на *-изм* – 202 из 281. Такое решение связано, очевидно, с тем, что большинство русских прилагательных на *~ск(ий)* являются относительными и производными от существительных. Кроме того, прилагательные на *-ический, -ичный* обладают большей формальной сложностью, чем слова на *-изм*.

Обнаруживать слова на *-изм* со значением качества можно было бы на основе их соотнесенности с качественным прилагательным. Но разграничение качественных и относительных прилагательных – самостоятельная и сложная задача, и в словаре специальной пометы для этого нет. И создатели словаря, очевидно, в отношении слов на *-изм* вообще отказались от ее решения, решив единообразно описывать такого рода соотнесенные со словами на *-изм* прилагательные – как производные. Ср. помещение в статье существительного таких разных случаев, как, например:

а) *относительные прилагательные*

АБСЕНТЕИЗМ: || абсентеистский

АБСОЛЮТИЗМ: || абсолютистский

АЛЬПИНИЗМ: || альпинистский

АБСТРАКЦИОНИЗМ: || абстракционистский

И

б) *качественные прилагательные*

АВАНТЮРИЗМ: || авантюристический

ИДЕАЛИЗМ: || идеалистический

ИДИОТИЗМ: || идиотический

Правда, при наличии вариантов прилагательных попытка дать отдельную статью и как-то разграничить относительное и качественное значение наблюдается. Так, *идеалистический* дано в статье *идеализм*, а *идеалистичный* – в самостоятельной статье, с толкованием “Проникнутый идеализмом (во 2 знач.) *Идеалистические течения. Идеалистические теории*”. Судя по примерам на первое прилагательное, это попытка различить относительное и качественное значение. Еще более показательным в этом отношении то, что слово *идиотический* дано в статье ИДИОТИЗМ, а *идиотский* в самостоятельной статье с двумя значениями – относительным и качественным: “1) Свойственный страдающему идиотизмом (в 1 знач.), идиоту. 2. Глупый, бессмысленный, дурацкий (разг.).

Еще один признак качественности соотносительного прилагательного – указание на то, что помещенное в статье на *-изм* прилагательное имеет синонимическое прилагательное, в статье которого помещено производное на *-ость*. В Словаре всего нашлось 10 случаев такого типа описания (сущ. на *-изм* > прил. на *-ический* > прил. на *-ичный* > сущ. на *-ость*): *авантюризм, альтруизм, аристократизм, бюрократизм, механизм, синкретизм, флегматизм, энциклопедизм, эротизм, эгоизм, эгоцентризм*. Ср.:

АЛЬТРУИЗМ: (книжн.). Готовность бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими интересами. || *прил. альтруистический*;

АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЙ: 1. см. *альтруизм*. 2. То же, что *альтруистичный*.

АЛЬТРУИСТИЧНЫЙ: Проникнутый альтруизмом, самоотверженный. || *сущ. альтруистичность* [Шведова 2011].

Однако указание на синонимию и наличие однокоренного слова на *-ость* есть далеко не всегда. Ср., например, отсутствие указания на синонимию *романтический – романтический*:

РОМАНТИЗМ: 1. Направление в искусстве конца 18 - первой четверти 19 в. <...>. 2. Направление в искусстве <...>. 3. Умонастроение, мироощущение,

проникнутое идеализацией действительности, мечтательной созерцательностью (книжн.). || *прил. романтический*;

РОМАНТИЧНЫЙ: Проникнутый романтизмом (в 3 знач.), мечтательно-созерцательный. || *сущ. романтичность* [Шведова 2011].

Таким образом, установить состав слов на *-изм* с конструктивной функцией по их соотнесенности с качественными прилагательными на основе ТСШ не представляется возможным.

Самым явным способом указания на наличие функции СД можно считать непосредственное толкование слова на *-изм* через однокоренное слова на *-ость*. Однако такое толкование встречено в Словаре только для описания 4-х слов (*демократизм, трагизм, гуманизм и универсализм*). При этом они выступают в 3-х толкованиях не как точные синонимы, а с характеризующими компонентами (см. выделенное курсивом). Ср.:

ДЕМОКРАТИЗМ: 2. Простота и доступность в обращении с окружающими, *демократичность в жизни, в поведении*;

ГУМАНИЗМ: 1. *Гуманность*, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям;

УНИВЕРСАЛИЗМ: (книжн.). Разносторонность, *универсальность в знаниях, сведениях*.

У слова *трагизм* однокоренное сущ. используется для описания одного из двух значений:

ТРАГИЗМ: 1. Трагический элемент в художественном произведении. 2. То же, что *трагичность* [Шведова 2011].

Таким образом, по “формальным” признакам выявить слова на *-изм* с функцией СД не удастся. Приходится анализировать их толкования, причем не на предмет наличия этой функции, а на предмет наличия в значении слова на *-изм* семы ‘качество’. Это связано с необходимостью устранить из дальнейшего анализа слов типа *альпинизм, организм* и т.п. Самым явным признаком качественности является толкование через существительные с очевидной качественной семантикой,

т.е. производные от качественных прилагательных, а также указание в толковании на степень признака.

Всего в Словаре найдено 57 слов на *-изм*, толкуемых таким образом (включая 2 слова, толкуемые через родственные единицы на *-ость*). Здесь используются существительные на *-ость*, *-ота*, *-ство*, *-ие*, *-щина*, *-ица*, производные от качественных прилагательных. Ср.:

АПОЛИТИЗМ: **Безразличие** к вопросам политики, к общественно-политической жизни;

БЮРОКРАТИЗМ: 2. **Канцелярщина, пренебрежение** к существу дела ради соблюдения формальностей;

ГЕРОИЗМ: Отвага, **решительность** и самопожертвование в критической обстановке;

ИДИОТИЗМ: ‘2. **Глупость, бессмыслица**’;

ЦИНИЗМ: **Пренебрежение** к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство;

Ср. также **ЭГОЦЕНТРИЗМ:** ‘Крайняя степень **эгоизма**’.

Итак, примерно 20% всех слов на *-изм* в Словаре имеют значение, в котором присутствует сема ‘качество’, и все они описываются в Словаре с помощью самостоятельных статей. Это позволяет характеризовать данный тип номинализации как более “скрытый”, значение отвлеченного качества у которого отражается в использовании слов *свойство*, *склонность*, а также имен качества с другими суффиксами. Проведенный словарный анализ показывает, что данный тип имен отличается от сущ. на *-ость* гораздо меньшей степенью регулярности и семантической предсказуемости. Это делает еще более актуальной задачу отбора тех из слов на *-изм*, которые способны быть номинализаторами, на основе анализа употреблений.

1.2. Описание слов на -ИЗМ в ССА

В «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» подробно описано как значение аффикса *-изм*, так и значения словообразовательных типов с ним и подтипов. Поэтому его анализ представляет большой интерес с точки зрения того, фиксируется ли и на каком уровне – самого суффикса или отдельных типов – у данного суффикса значение качества. Такая фиксация должна подтвердить способность слов на *-изм* быть номинализаторами и помочь уточнить условия появления этой функции.

При анализе словарных толкований значения регулярно возникает следующая проблема: в русских словарях часто через запятую упоминаются *качество* и *свойство*. К ним добавляется еще и *склонность*. В связи с этим возникает проблема того, чем отличаются эти три понятия и нужно ли их различать в нашем случае или можно рассматривать как проявление КАЧЕСТВА.

В философии качество понимается как совокупность важнейших, необходимых свойств предмета и «определяется <...> через понятие “свойство”» [Краткий философский словарь 2022: 160]. По другому определению, *свойство* – это качество, признак, составляющий отличительную особенность кого-, чего-нибудь [Малышевский 2004]. Склонность при этом можно рассматривать как вид свойства.

На этом основании слово *качество* можно рассматривать как своего рода гипоним, а *свойство* и *склонность* – как его гипонимы. Приняв такое понимание, мы будем рассматривать наличие в толковании последних двух слов как признак фиксации значения ‘качество’.

В ССА выделено 3 омонима: *-ИЗМ*¹, *-ИЗМ*² и *-ИЗМ*³. Значение качества упоминается только для первого омонима. Оно не выделяется как отдельное и описывается как перечисляемое наряду с другими: «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, **качество**, **склонность**, образ мыслей, сфера жизни и деятельности, болезнь, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим словом» [Там же: 348].

Таким образом, значение **качества** включено в ССА в семантику самого суффикса ИЗМ¹. Судя по описанию, в том случае, если слово на -ИЗМ¹ не обозначает качество, оно именуется носителем признака. При этом круг носителей признака ограничен. Это прежде всего образ мысли лица и соответствующее ему поведение, некое направление в разных сферах общественной жизни, сфера жизни и болезнь. У суффикса -ИЗМ² представлен еще более ограниченный носитель признака – это охарактеризованный элемент языка, речи, произведения (ср. *варваризм*). Суффикс-ИЗМ³: представлен в очень узком кругу слов, не имеющих характеризующей, признаковой семы. Здесь реализуется специфическое значение ‘целое, состоящее из частей’ (*организм* и пр.) [Лопатин, Улуханов 2016: 353].

Суффикс -ИЗМ¹ представлен в трех словообразовательных типах. Наиболее активным, судя по количеству примеров, является отадъективный (сущ < прил). Таким образом, в отличие от ССШ, именно прилагательные, при их наличии, признаются производящими для слов на -ИЗМ, а не наоборот.

Значение этого типа описано так:

ЗТ «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, образ мыслей, **склонность, свойство**, явление, сфера деятельности, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прл.» [Там же: 350]. К этому типу отнесены такие слова, как *гуманизм, идеализм, историзм, романтизм* и др. Внутри этого типа выделяются особый подтип (3.2) без значения качества, мотивированный словосочетаниями. Слова, в него входящие, именуют, помимо общественно-политических систем, направлений в науке и культуре, физическое или иное явление, «называемое также словосочетанием с мотивирующим прл. в роли определения» [Там же: 350]. Ср.: *абсолютизм (абсолютная монархия); тоталитаризм, авторитаризм (тоталитарная, авторитарная система власти), магнетизм (магнитная энергия)*. Мотивация словосочетанием позволяет видеть здесь то же явление, которое приводит к развитию у слов на -*ость* конкретно-вещественного значения “носитель признака, а именно – универбализацию”. Не случайно такие слова неоднозначны и могут иметь и значение качества поведения

лица (“какое поведение”). Ср.: *Авторитарная личность - человек*, склонный к авторитарности, к *авторитаризму* (Интернет).

Значение второго словообразовательного типа с суффиксом -ИЗМ¹ — отсубстантивного (сущ < сущ) описано через ссылку на значение самого аффикса. Далее оно конкретизируется через описание разных подтипов. Первый из этих подтипов является “качественным”, так как на первом месте в толковании стоит именно качественный признак. Ср.:

«1.1.1. ЗП: **качество, свойство**, образ мыслей и действий, направление, болезнь, носителем которой является лицо или живое существо, названное мотивирующим (нарицательным) словом сщ.: *патриот* > *патриот-изм* ‘черты характера и поведения, свойственные герою, патриоту’» [Там же: 348].

Для остальных подтипов значение качества менее регулярно и очевидно. Значение подтипа 1.1.4. описано с помощью понятия “склонность”, но оно осложнено конкретизацией носителя качества. Ср.:

1.1.4. «направление, образ мыслей и действий, общественное явление, болезнь, основанные на склонности к тому, что названо мотивирующим словом (*реванизм, символизм*).

Как отмечают авторы, для данного подтипа (1.1.4) может быть характерно дополнительное значение «**изменчивое, количественно измеряемое явление**»: *Травматизм* (высокий – низкий) [Там же]. Нужно отметить, что здесь идет речь о значении параметрического типа, регулярном для производных на *-ость* и порождающем многозначность.

При описании значения остальных подтипов типа “сущ. < сущ” качество, склонность, свойство вообще не упоминаются. Здесь существительные именуют конкретный носитель признака, а именно:

1.1.2. общественные системы (ср. *деспотизм*),

1.1.3. направления, связанные с именем какого-то лица (группы лиц) (ср. *марксизм*).

1.1.5. сфера деятельности, объект которой назван мотивирующим сущ. (ср. *авиамоделлизм*).

Нужно отметить, что если у слова на *-изм* есть и соотносительное прилагательное, и существительное, то бывает сложно объяснить, почему в качестве мотивирующего слова дается в ССА именно существительное, и наоборот. Ср.: *герой* > *геро-изм*, *патриот* > *патриот-изм*, но *гуманный* > *гуманизм* (гуманный образ мыслей, гуманное отношение к людям) *идеальный* < *идеализм* и др. Тем более, что значение данных производных, независимо от выбора мотивирующей части речи, описывается сходным образом.

От глаголов, по ССА, также образуются слова на *-ИЗМ*¹ со значением «общественно-политическое, эстетическое направление, образ мыслей, склонность, характеризующиеся действием, названным мотивирующим глг.»: *приземлять* > *приземл-изм* ‘то же, что *приземленность*’ (там же:351). В данном нерегулярном случае производность от глагола очевидна, но словообразовательное значение остается тем же и включает в себя возможность обозначать качество без его носителя.

Таким образом, суффикс - *ИЗМ*¹, судя по описанию ССА, реализует свою способность обозначать качество во всех трех словообразовательных типах, т.е. при мотивации существительным, прилагательным и глаголом.

1.3. Семантические особенности имен качеств на *-изм*

При анализе описания значения производных на *-изм*, данного в ССА, обращает на себя внимание следующая важная особенность. Обозначая качество, они именуют его не непосредственно, а через словообразовательную отсылку к какому-то его носителю. То есть наименование качества в этом случае является словообразовательно мотивированным. Это объясняется тем, что вершиной словообразовательной цепочки, в которую входит такое наименование, является обычно существительное, а не атрибут. Это исходное существительное в норме является заимствованием и, несмотря на словообразовательную непродуцируемость,

оно именуется охарактеризованное по некоему признаку лицо (*герой, тиран, паразит* и пр.), или же охарактеризованный продукт поведения (*авантюра, драма, идиллия, трагедия* и пр.) или мысли человека (*история* и пр.). Характеризующий признак при этом в вершине выражен обычно имплицитно, в виде семы. Образующиеся от такой вершины прилагательное и существительное на *-изм* с качественным значением выполняют функцию лексической экспликации этого характеризующего признака, т.е. создают для него отдельное слово. Это позволяет использовать их для номинализации предиката, выраженного исходным существительным. Ср.:

Он настоящий герой. Его героизм всех восхищает (= 'тот факт, что он ведет себя героически').

Здесь происходит одновременная экстракция качественного компонента и его номинализация. Слово на *-изм* с качественным значением, как представляется, номинализируют в СРЛЯ чаще всего именно исходные существительные, а не соотносительные прилагательные. Этот вопрос требует специального исследования, но первичный анализ показывает, что прилагательные на *-ический (-ичный)* в роли предиката используются гораздо реже (ср.: *Он героический человек* и т.п.). При том, что они должны быть семантически мотивирующими для слов на *-изм*, соотносительные прилагательные формально регулярно выглядят как более сложные, так как регулярно образуются при помощи составного суффикса *-ическ(ий) (-ичный)*. Ср.: *герой > геро-изм > героич-еск(ий)*. Кроме того, существительные на *-изм* часто заимствуются русским языком, поэтому появляются в нем раньше, чем соответствующие прилагательные, образуемые уже на собственно русской почве. В отсутствие прилагательного существительное на *-изм* с качественным значением осуществляет одновременно две функции: лексическую экспликацию качественного признака из исходного имени и номинализацию.

То, что в основе мотивации слов на *-изм* лежит не просто признак, а характеристика определенного лица (предмета), накладывает отпечаток на круг

обозначаемых ими качеств, а также носителей этих качеств. Важно, что эти качества характеризуют не человека в целом, а определенные аспекты, стороны и продукты его деятельности. Преставление об этих аспектах дает состав основных носителей признака, возможных для слов на *-изм*: это способы организации общественной деятельности (общественные системы), образ мысли (ср. научные направления), особенности поведения, болезни и др.

Таким образом, непосредственным носителем качества, именуемого словом на *-изм*, является не сам человек, а какой-то продукт его деятельности. В связи с этим возникает вопрос о том, как это отражается на сочетаемости имен качеств на *-изм*. Далеко не все из них могут иметь при себе зависимое имя лица в Р.п. Ср.: (1) *эгоизм этого человека* и (2) **трагизм этого человека*. Во втором случае необходимо обязательно добавить уточнение *трагизм чего*: трагизм положения, поведения этого человека и т.п.

Сравнение с китайским языком показывает, что в нем уточнение характеризуемого аспекта деятельности лица гораздо более обязательно, чем в русском (см. §3.1). Это обязательно нужно учитывать при переводе на китайский.

В связи с наличием функции номинализатора у слов на *-изм* возникает вопрос о том, характерна ли для них многозначность того же типа, что и у слов на *-ость*. На основе описания ССА можно ответить на этот вопрос положительно. Здесь со значением качества совмещаются те же два типа значения: параметрическое значение и значение носителя признака. Ср.:

ДЕСПОТИЗМ:

1. Функция СД: *Он деспот. → Его деспотизм...*
2. Носитель признака: Деспотическая система управления: *воцарился деспотизм.*

ТРАВМАТИЗМ:

1. Функция СД: *Травматизм этой процедуры вызывает сомнение в ее полезности.*

2. Параметрическое значение: *Травматизм в этой сфере достигает 10 %* (параметр.).

Сходство системы значений имен на *-ость* и *-изм* подтверждает, что при перемещении семантики качества в позицию субстантива происходят регулярные семантические сдвиги: модификация исходного качественного значения за счет его расширения и устранения семы 'magn' и универбализация словосочетаний, приводящая к возникновению имени охарактеризованного носителя признака.

Функциональное сходство слов на *-ость* и *-изм*, как уже говорилось, подтверждается и тем, что в СРЛЯ наблюдается их синонимия. Этот процесс активно идет в русском языке и нуждается в анализе. В его ходе нужно установить, насколько регулярно имена качества на *-изм* приобретают синонимы на *-ость*, есть ли тенденция вытеснения первых последними, а также имеются ли между ними семантические и стилистические различия. Все это требует изучения текстов и их мониторинга.

2. Особенности употреблений слов на *-изм* в Газетном корпусе текстов

Как и для имен на *-ость*, и даже в еще большей степени, для слов на *-изм* актуальна задача определения состава тех их них, которые могут быть синтаксическими дериватами. Поскольку эта функция реализуется в контекстах с зависимым Р.п. носителя признака, этот контекст можно считать диагностическим и использовать при анализе текстов.

Чтобы проверить возможность использования этого контекста, мы провели сплошной анализ употреблений слов на *-изм* в корпусе «Русские газеты конца XX века».

В результате было отобрано 54 слова с финалью *-изм*, встречающихся в контекстах нужного типа. Всего было обнаружено 149 таких контекстов. Далее эти контексты были проанализированы с точки зрения лексического состава и функции употребленных в них слов на *-изм*.

В 74 из этих случаев используются слова, не встречающиеся в качественном значении, но достаточно употребительные в СРЛЯ. Это *механизм чего* (49 употр.), *организм кого/чего* (13), *метаболизм (метаболизм печени, 1 употр.)*. Эти слова, очевидно, можно включить в стоп-словарь при поиске синтаксических дериватов на *-изм*.

Таким образом, объектом анализа оказались 51 слово на *-изм*, встреченные в 86 контекстах нужного типа. Как можно видеть, лексическое разнообразие очень велико, хотя частотность употреблений невелика. Количество употреблений больше 1 имеют следующие слова (в порядке убывания): *профессионализм* (10, кого/чего: *деятельности, работы*), *оптимизм* (4, кого), *плюрализм* (4, чего: *форм собственности, мнения, партий и позиций, убеждений*), *авантюризм* (2, кого), *антисемитизм* (2, кого/чего: *христианства*), *артистизм* (2, кого), *гуманизм* (2, чего), *драматизм* (2, кого: *Чайковского / чего: скандинавского мелоса*), *кретинизм* (2, кого), *патриотизм* (2, кого), *популизм* (2, кого: *власти / чего: проекта*), *субъективизм* (2, кого), *эгоизм* (2, кого).

В скобках указано количество употреблений, а также семантический тип зависимого существительного – лицо или не лицо. Неличные носители признака указаны в явном виде. Для личных такое указание дано в отдельных “аномальных” случаях. Ср.: *драматизм Чайковского*.

Представляется, что этот список имеет и когнитивную значимость. Он дает хорошее представление о наиболее важных для общественной жизни России конца 20-го века качествах поведения человека, так как образование и использование особого имени качества свидетельствует и о важности его осмысления обществом.

При анализе остальных случаев употреблений в диагностическом контексте было обнаружено всего 9 контекстов, в которых функция синтаксического деривата оказывается нереализованной. Во всех этих случаях зависимое слово в Р.п. выполняет не роль носителя называемого словом на *-изм* признака, а роль его определения (*какой именно -изм*).

В первой, самой большой группе таких случаев (6 контекстов) уточняется временной период, с которым связано явление, именуемое словом на *-изм*. Ср.:

- (1) *оптимизм конца месяца*;
- (2) *белый расизм прошлого может смениться черным расизмом*;
- (3) *социализм будущего (2 раза)*;
- (4) *мондиализм предыдущего периода*;
- (5) *мондиализм хрущевского времени*.

Временной период не может быть носителем качественного признака, и это способствует актуализации предметного значения: *социализм* как определенный строй, *мондиализм* как система взглядов²², *оптимизм* как вид отношения к происходящему.

Во второй группе контекстов уточняется субъект-создатель продукта интеллектуальной деятельности (3 случая):

- (6) *неологизм шоумена*;
- (7) *афоризм Ф. Искандера*;
- (8) *особенности экзистенциализма Камю*;

В остальных случаях зависимое существительное в Р.п. именуется носителем признака, и качественное понимание слова на *-изм* выходит на первый план, даже если этот носитель нестандартный. Ср., например:

- (9) *страдать снобизмом мегаломании*;
- (10) *дать себя во власть социализму чувства*.

Во всех остальных 77 контекстах “*-изм кого/чего*” зависимое существительное в Р. п. именуется носителем признака и у слов на *-изм* проявляется качественное значение и функция номинализации. Ср. примеры с неличным носителем признака. Ср.:

- (11) *высокий профессионализм работ художника*
- (12) *монополизм ВАЗа*

---

²² Мондиализм – проект по установлению мирового господства (Википедия).

(13) **плюрализм** мнений и партий

(14) **монизм** основных мировых религий и др.).

(15) **расплывчатость** и **популизм** "министерского" проекта

(16) Почти все государства пытались в 30-е заявить, манифестировать и реализовать себя через архитектуру. Ее **глобализм** поражает и сегодня.

(17) **Радикализм** слов соседствует с неумением выполнять задуманное.

Особого комментария требуют сочетания с личным носителем. В некоторых из них наблюдается несовместимость лица и признака и ощущается пропуск слова.

Ср.:

(18) *Каждый кусочек музыки... складывался в общую абстрактную картинку, в которой виднелась дирижерская мысль, но не было места драматизму Чайковского.*

Здесь имеется в виду драматизм, присущий не самому Чайковскому, а его музыке.

(19) *И еще более неясно, как относиться к **большевизму атикоммуниста Чубайса** и его новой экспансии.*

По данному контексту трудно определить конкретный тип носителя «**большевизм**». Возможны интерпретации 'политика', 'подход', 'поведение' и т.д., характерные, по мнению автора текста, именно для большевиков.

Подводя итог анализу контекстов "-изм кого-чего", можно сделать следующий вывод: данный контекст, несмотря на некоторые исключения, может использоваться как диагностический при автоматическом определении наличия у слова на -изм возможности быть синтаксическим дериватом. При этом, однако, нужно учитывать, что возможна реализация такой функции и вне данного контекста. Кроме того, ни один специализированный корпус текстов не позволяет выявить полный состав лексических средств и не дает всех случаев употребления. Очень неполон в этом отношении и Газетный корпус. Так, проверка слов на -изм в НКРЯ позволила пополнить состав слов на -изм с функцией СД, упомянутых в ТСШ, но

не употребляемых в Газетном корпусе вообще или в диагностическом контексте. Ср. некоторые примеры таких слов и употреблений:

*Она принадлежала странному человеку, который жил в деревне и именовал себя художником-анархистом. В чем заключался его **анархизм**, Миша не знал.*

*«**Анахронизм плацкартных вагонов** нельзя поддерживать», - заявил глава РЖД Владимир Якунин, пообещав полностью ликвидировать их через несколько лет.*

*Изжив **собственный либерализм**, отец отечества не нашёл себя вправе выжечь либерализм сынов отечества.*

*Но мой **патриотизм и национализм** носил иной характер, чем у неославянофилов, более западный.*

*Жалобы на ее **тоталитаризм** и безапелляционность в принятии стратегических решений звучали со дня ее воцарения в ГМИИ.*

*Там осталась наша наивность, **наш романтизм**.*

*Впрочем, тема инцеста (не сомневаюсь, анализируя письма и дневники Мура, не-бывшего) напоминает генеральную линию вынужденной моей диссертации (выброшенной в ведро) - «**Гомосексуализм героя Набокова**».*

*Его **формализм** был бездушным, когда этого требовала служба: тайный советник управлял хозяйственным департаментом.*

*Единственное, что мне очень не нравится в современном кино, так это **натурализм всех этих сцен** с протыканием, расчленением тел.*

*И не надо ссылаться на **традиционализм российского общества**.*

*Несмотря на **весь прагматизм такого подхода**, избиратели вряд ли будут голосовать за такую партию.*

*... которые объединяют народы России между собой, формируют подлинный **интернационализм российских народов**.*

***Утопизм наших душ** произрастает из эсхатологического упования на последнее будущее.*

Низменность и примитивизм мотивов – вот что лично меня отталкивает в облике новых реформаторов.

Вообще пассивность и пофигизм населения объективно является для нашего общества подлинно стабилизирующим фактором.

В данном случае своеобразие мусульманской догматики и практики, ее жесткость и ригоризм привели к тому, что...

Их авангардизм в личном творчестве великолепно совмещается с абсолютной каноничностью в работах в храме.

Слепота и аморализм нашего антикоммунизма как раз от этой линейности формационного мышления.

... сказался также пацифизм голландской культуры и национального характера.

Величие Пушкина в том, что он создал реализм, преодолев искусственность и архаизм предшествующей литературы.

Как уже говорилось, регулярность функции номинализации у слов на *-изм* подтверждается наличием у них соотносительных производных на *-ость*. Мы проверили Корпус на такую парность. Оказалось, что в Газетном корпусе обнаружилось 13 таких пар однокоренных существительных:

1. *авантюризм* (4 употр.) – *авантюренность* (2 употр.);
2. *антисоветизм* (2) – *антисоветскость* (1);
3. *демократизм* (2) – *демократичность* (4);
4. *динамизм* (2) – *динамичность* (1);
5. *индивидуализм* (4) – *индивидуальность* (5);
6. *интеллектуализм* (1) – *интеллектуальность* (2);
7. *инфантилизм* (2) – *инфантильность* (1);
8. *коллективизм* (4) – *коллективность* (1);
9. *патриотизм* (31) – *патриотичность* (1);
10. *радикализм* (2) – *радикальность* (1);

11. романтизм (8) – романтичность (1);
12. сентиментализм (1) – сентиментальность (4);
13. субъективизм (3) – субъективность (1).

Для выявления того, функционируют ли эти однокоренные единицы как синонимичные имена качества, нам нужно было установить, в каком значении выступает каждое словоупотребление, причем не только в диагностическом контексте с зависимым Р.п.

Выяснилось, что большая часть таких пар (8) имеет в Корпусе контексты, подтверждающие их синонимичность. Ср:

АВАНТЮРИЗМ – АВАНТЮРНОСТЬ

Поэтому слова о жестокости, авантюризме, даже подлости советской номенклатуры, вынудившей Россию в одиночку противостоять Западу и превратившей страну в "лабораторию гигантского трагического эксперимента"...

По его наблюдениям, помимо человечности свойством хрущевской натуры были храбрость, переходящая в авантюрность, примером чего был карибский кризис октября 1962 года...

ДИНАМИЗМ – ДИНАМИЧНОСТЬ

Именно благодаря им спектакль приобретает динамизм, позволяющий мгновенно переходить от арий и дуэтов к массовым сценам.

Это придало восстанию необходимый динамизм и организованность, позволило нейтрализовать попытки широкомасштабного использования вооруженных сил против своего народа.

Но главное, оно зависит от директоров, от их динамичности, способности договариваться, компоновать картели, синдикаты, концерны...

ИНФАНТИЛИЗМ – ИНФАНТИЛЬНОСТЬ

...в большинстве своих сверстников я вижу инфантилизм, неспособность принимать решение, неготовность самому отвечать за свою судьбу, желание спрятаться.

Движение, которое, несмотря на свою неоднородность и политическую инфантильность, в то же время отличается и организованностью.

КОЛЛЕКТИВИЗМ – КОЛЛЕКТИВНОСТЬ

Октябрь провозгласил власть Советов. А ведь Советы - продукт российской истории, продукт общинности и коллективизма.

...даже самая черная душа предателя вряд ли является подходящим местом для столь парадоксального суицидального решения, а коллективность руководства СССР исключает решающую роль личности в этом вопросе.

ПАТРИОТИЗМ – ПАТРИОТИЧНОСТЬ

Для России, может быть, это уже немодно, но они вдохновляют многих своим патриотизмом и духовностью.

Однако серьезность существующих проблем с выполнением федерального бюджета <...> практически сводит на нет всю патриотичность высказываний г-на Бойко.

РАДИКАЛИЗМ – РАДИКАЛЬНОСТЬ

Другая болезнь – разрыв между словом и делом. Радикализм слов соседствует с неумением выполнять задуманное.

И хотя Геннадий Андреевич на седьмоноябрьской демонстрации проявил небывалую для себя радикальность, призвав к новым социальным потрясениям...

РОМАНТИЗМ – РОМАНТИЧНОСТЬ

...не было в них сказочности, какой-то былинности, романтизма, которого нам хотелось...

Вы чрезмерно заземлены, прагматичны. Не хватает романтичности, а она пошла бы вам на пользу.

СУБЪЕКТИВИЗМ – СУБЪЕКТИВНОСТЬ

Время, которому чужды субъективизм и предвзятость всесильных временивиков, выносит на наших глазах бесстрастные и жесткие оценки событиям...

Поэтому сразу за миролюбивой речью президента они гонят по ТВ односторонний в своей субъективности фильм Говорухина "Россия, которую мы потеряли", созданный в 1992 г.

Для остальных пар синонимические употребления не найдены. Слова на *-изм*, в них входящие, в отличие от слов на *-ость*, обозначают в Корпусе политические, философские и литературные направления, продукты интеллектуальной деятельности. Ср: *антисоветизм* (зубры *антисоветизма*) , *демократизм* (образец *демократизма*), *сентиментализм* (сочинил роман под прикрытием *сентиментализма*), *интеллектуализм* (предложить нечто вместо *интеллектуализма*), *индивидуализм* (философия *индивидуализма*). Однако, как показывает материал Интернета, синонимические отношения здесь также возможны.

Четкое семантическое различие и невозможность синонимии в литературном языке можно отметить лишь для членов пары *индивидуализм – индивидуальность*. Однако носители языка могут путать и эти однокоренные производные. См., например, пример из НКРЯ:

Между тем сами вы пропагандируете независимость и индивидуальность.

Очевидно, здесь имеется в виду *индивидуализм* как тип поведения. Возможно, это слово автор не использовал, так как оно может иметь негативную коннотацию как противопоставление характерному для советской эпохи понятию *коллективизм*.

Проведенный анализ пар позволяет говорить о большей склонности слов на *-изм* к выражению опредмеченного значения и большей способности синонима на *-ость* к функции чистой синтаксической деривации. Этот словообразовательный тип является более регулярным, универсальным, однозначным и собственно русским средством номинализации, о чем и свидетельствует появление производных на *-ость* при наличии синтаксических дериватов на *-изм*. Полный список слов на *-изм* из Корпуса, у которых зафиксировано значение синтаксического деривата, дается в Приложении 2.

3. Особенности русских отадективов на *-изм* на фоне китайского языка

3.1. Способы передачи транспозиционного значения русских СД на *-изм* в китайских эквивалентах

При переводе контекстов, в которых слово на *-изм* выступает с именем носителя, в китайском языке используются четыре средства передачи значения русских имен на *-изм*: 1) конверсия с изменением порядка слов; 2) производное имя; 3) предикативная конструкция (отсутствие транспозиции) и 4) заполнение эллипсиса. Для каждого типа характерны специальные грамматические средства, а также порядок слов.

Стоит отметить, что для многих случаев возможны неоднозначное понимание и варианты переводов. Чаще всего пересекаются способы **конверсия//производное имя** и **конверсия//заполнение эллипсиса**. Далее даются примеры контекстов каждой группы.

3.1.1. Конверсия (27 случаев)

Основным средством указания на транспозиционную функцию слова в китайском языке служит порядок слов. Данного типа операцию И.А. Мельчук характеризует как «категориальную конверсию₂», при которой «достаточно поместить нужный глагол или прилагательное в синтаксическую позицию существительного» [Мельчук 2001: 357].

При реализации конверсии прил. и сущ. используется многозначное служебное слово *de* (的), которое может указывать на признак (позиция прил. – далее *de*¹) или притяжательность (позиция сущ. – далее *de*²). Его местоположением контекстуально определяется синтаксическая функция слова, называющего качество (предикат/атрибут или субъект). Ср.:

а) 优雅 Adj 的¹   猫 N

элегантн-*de*¹   кот

‘элегантный(-ые) кот(-ы)’

б) 猫_N的²   优雅_N

кот-*de*²   элeгантн-

‘элегантность кота(-ов)’

При переводе 27 контекстов с словами на -изм из Корпуса на китайский была использована конверсия. Ср. некоторые примеры:

1) *...не признающими кодекса воровского братства с его аскетизмом и жесткой корпоративностью, нередко даже демонстративно презирающими "синих" (татуированных в зонах бандитов).*

法典的²   朴素

кодекс+*de*²   аскетичн-

2) *Однако пессимизм автора отнюдь не свидетельствует о его некомпетентности.*

作者的²   悲观

автор+*de*²   пессимичн-

3) *О профессионализме же преступников можно судить по признательным показаниям одного из угонщиков.*

罪犯的²   专业

преступник+*de*²   профессиональн-

Ср. 专业的¹   罪犯

профессиональн-*de*¹   преступник

4) *Радикализм слов соседствует с неумением выполнять задуманное. Следует сказать и о недостатке прагматизма.*

言辞的²   激进

слово+*de*²   **радикальн-**

5) ...это – реальные политические свободы; основы парламентаризма, **плюрализм мнений и партий**, свобода слова и совести; право на выезд из страны...

а) 观点和党派的²   多样

*мнение и партия-de*²   **плюральн-**

Возможно также:

б) 观点和党派的²   多样-性

*мнение и партия+de*²   **плюральн-+качество быть**

Ср.: 观点   多样

мнение   **плюральн-**

‘мнения плюральны’

3.1.2. Производное имя (4 случая)

В случаях, когда не допускается категориальная конверсия, в китайском языке также активно используются **производные сущ.** с морфемой - 性(质) ‘качество-свойство быть каким-л.’, которые могут мотивироваться разными частями речи и обладать оттенком терминализованности. Данный разряд имен отличается от русских образований в первую очередь тем, что наличие морфемы - 性(质) имплицитно подразумевает однозначность производного имени (значение чистого СД). Ср. примеры таких конструкций:

а) От прил.:

量子_N的²   不确定_{Adj}-性

*частица+de*²   **неопределенн-+свойство быть**

‘свойство частицы быть неопределенной’

б) От сущ.:

克伦斯基改革_N的²

社会主义_N-性质

реформы Керенского+de²

социализм1+качество-свойство быть

‘свойство реформ Керенского быть социалистическими’

с) От гл.:

肉食性动物_N的²

攻击_v-性

плотоядные животные+de²

атаковать+свойство быть

‘свойство плотоядных животных быть агрессивными («склонными к атакам»)’

Производные имена с данной морфемой были использованы при переводе 4-х контекстов. Ср.:

б) *...но не было места драматизму Чайковского.*

柴可夫斯基

音乐的²

戏剧-性

Чайковский

музыка+de²

драма+качество быть

7) *Можно спорить об эстетической правомерности совмещения русской лирики с драматизмом скандинавского мелоса...*

斯堪的纳维亚风格的旋律的²

戏剧-性

скандинавский мелос-de²

драма+качество быть

8) *Почти все государства пытались в 30-е заявить, манифестировать и реализовать себя через архитектуру. Ее глобализм поражает и сегодня.*

建筑+的²

全球-性

архитектура-de²

глобальн-+ качество быть

9) *В своем историзме Красное созвучно христианству, которое впервые поставило историю на пьедестал.*

Красное 的²

历史-性

3.1.3. Отсутствие транспозиции (1 случай)

Предикативная конструкция используется лишь в 1-ом случае для анализа (*отсутствие догматизма идей и театральных приемов*). Данное слово и его исходное прил. характеризуется более сложной семантикой, причем используется в контексте с отрицанием, из-за чего в китайском эквиваленте возможно только фразеологическое словосочетание (с отрицанием) 拘泥教条 ‘педантично придерживаться догмата’.

10) *В пожилом Устинове поражает это отсутствие застывшего догматизма идей и театральных приемов, которые демонстрируют наши более молодые оперные режиссеры.*

观念与表演方法

不 拘泥教条

идеи и театральные приемы не догматичный

3.1.4. Заполнение эллипсиса (43 случая)

Заполнение эллипсиса в китайских эквивалентах необходимо в случаях, когда русское слово на *-изм* может выступать взамен словосочетания вида прил.+сущ. Носитель признака, “впитываемый” в русские отвлеченные имена, при переводе в китайский язык эксплицируется. В связи с этим появляется необходимость подбирать подходящее имя носителя, что осложняется фузионным характером русского языка. Как будет обсуждено ниже, для большинства случаев употреблений слов на *-изм* в метонимическом значении возможно несколько интерпретаций. С помощью перевода нами также представляется возможность выявления самых частых типов носителей признака, “скрытых” в русском оригинальном тексте. Ср.:

11) *Гамлет постоянно импровизирует, его артистизм проявляется в игре с другими лицами, которым он бросает вызов и всех переигрывает.*

哈姆雷特的²

表演天赋

Гамлет-de²   артистическая способность

12) *Меньше всего нужно слушать доброжелателей, которые давят на патриотизм томичей и призывают вкладывать деньги в акции, а не нести в банк. Интересно, сколько агитаторы вложат своих кровных?*

托木斯克人的²   爱国精神

Томич-de²   патриотический дух

13) *Но в целом здравомыслие и скептицизм респонденток отнюдь не уступали теперешним столичным настроениям.*

记者的²   怀疑态度

респондент-de²   скептическое отношение

14) *...и не из-за пресловутого антидемократизма Александра Лукашенко (нам ли учить других демократии), а из-за стойкого подозрения последнего в претензиях на власть в России.*

卢卡申科的²   反民主作派

Лукашенко-de²   антидемократичное поведение

15) *...и предложил провести в конце октября в Риме семинар на тему об антисемитизме христианства.*

基督教的²   反犹立场

Христианство-de²   антисемичная позиция

16) *И еще более неясно, как относиться к большевизму актикоммуниста Чубайса и его новой экспансии.*

丘拜斯的²   布尔什维克作派

Чубайс-de²   большевистское поведение

17) Впрочем, о самой механике электронного гангстеризма **Королькова** не ведала ничего.

Корольков 的² 强盗行径

Корольков-*de*² гангстерское поведение

18) Расплывчатость и популизм "министерского" проекта очевидны (см. таблицу).

项目+的² 民粹主义特点

проект-*de*² популистские особенности

19) ... добротный профессионализм постановщиков в сочетании с современными подходами к режиссерскому и сценографическому решениям...

а) 导演的² 精湛技艺

постановщик-*de*² профессиональные навыки

Возможно также:

б) 导演 精湛+的¹ 技艺

постановщик(х) профессиональн-*de*¹ навыки

Ср. 技艺精湛+的¹ 导演

навыки профессиональны+ *de*¹ постановщик

3.2. Регулярные семантические типы носителей у слов на -изм

С помощью перевода нами также были выделены основные типы "пропущенных" носителей, характерных для употреблений слов на -изм в Корпусе:

а) Позиция/взгляды:

21) Во внутренней политике его жесткая линия уравнивает романтический либерализм **Тер-Петросяна**.

Тер-Петросян 的² 浪漫自由主义 观点

Тер-Петросян-*de*² романтический либерализм взгляды

22) *Выходит, и лидерам белых приходилось считаться с настроением народа и скрывать свой монархизм.*

自己的² 保皇派 观点
сам-*de*² монархист взгляды

23) *Националистический популизм власти, по сути дела, мало отличается от националистической риторики коммунистов и жириновцев.*

政府的² 国家民粹主义 立场
власти-*de*² националистический популизм **позиция**

24) *Виной их драмы стали называть алчность и феминизм Дебры Иппен.*

Дебра Иппен 的² 女权主义 立场
Дебра Иппен-*de*² феминистская **позиция**

(Ср. также пример из НКРЯ:

Но если в «Романсе» Брейя сосредоточена в основном на «взгляде», который остается мужским, несмотря на весь феминизм закадровой речи

发言的² 女权主义 色彩
речь-*de*² феминистские **особенности**)

б) Поведение/политика:

25) *...на грань катастрофы мир поставили агрессивный курс Советского Союза и авантюризм его тогдашнего лидера...*

时任领导人的² 冒险路线
тогдашний лидер-*de*² авантюристическая политика

26) *Вот только достаточно ли будет усилий двух ведомств для того, чтобы противостоять экономическому сепаратизму регионов в условиях продолжающихся хронических неплатежей?*

地区的²

分裂主义 行为

регион-*de*²

сепаратистское поведение

27) *...и не из-за пресловутого антидемократизма Александра Лукашенко...*

卢卡申科的²

反民主 作派

Лукашенко-*de*²

антидемократичное поведение

в) «Дух»:

28) *Меньше всего нужно слушать доброжелателей, которые дают на патриотизм томичей и призывают вкладывать деньги в акции, а не нести в банк.*

托木斯克人的²

爱国精神

Томич-*de*²

патриотический дух

г) Болезненная зависимость:

31) *...я безукоризненно внимателен к рецептуре и ручаюсь своим врачебным словом, что мой морфинизм вреда моим пациентам не причинил. Надеюсь, и не причинит".*

我的²

吗啡瘾

я-*de*²

зависимость от морфина

32) *Кроме того, проводились многочисленные конференции, симпозиумы, семинары, совещания специалистов в сфере борьбы с наркотизмом ученых и практических работников...*

学者的²

毒瘾

ученый-*de*²

зависимость к наркотикам

Итак, как показывает анализ контекстов с помощью перевода, русские номинализации способны выступать взамен словосочетаниям, и «впитывают» в себя имена носителя признака, который в китайском эквиваленте выражается эксплицитно. При этом в данном процессе возникает потребность указывать на точный носитель признака, который может быть непонятен по русскому оригинальному контексту.

Это свидетельствует о том, что отвлеченные имена, выступая в метонимическом значении (в качестве дублета словосочетания *прил.+сущ.*), выполняют ту же конструктивную функцию, как имена качества. В обоих случаях находится в семантическом фокусе отвлеченное качество, а конкретный его носитель отступает на второй план.

Выводы по Главе IV

1. Специальный морфемный словарь ССА дает описание *-изм* как суффикса, имеющего значение отвлеченного свойства и способного выполнять функцию отадъективной синтаксической деривации. Отличающиеся друг от друга принципы описания толкового (ТСШ) и морфемного (ССА) словарей говорят о том, что русские СД на *-изм* гораздо хуже исследованы, чем другие типы.

2. Качественная семантика свойственна немалой части существительных на *-изм*, описываемых в толковых словарях русского языка прежде всего как непроеизводные единицы. Это позволяет выделить в данном разряде имен функцию синтаксического деривата.

3. Анализ употреблений из Корпуса позволил выполнить следующие задачи:

а) установить частотность реализаций значения синтаксического деривата для лексем с суффиксом *-изм*, а также контекстуальные признаки для его определения;

б) показать, что функция СД для слов на *-изм* гораздо менее регулярна, чем для продуктивного типа на *-ость*;

в) подтверждать, что качественные значения у однокоренных слов на *-изм* и *-ость* часто различаются разными смысловыми оттенками (ср. *гуманизм* и *гуманность*).

4. Сопоставление с китайским языком позволило сделать вывод, что для многих русских слова на *-изм* характерен пропуск носителя названного признака. При переводе контекстов с такими употреблениями, как показало исследование на основе глосс приходится указывать на пропущенные носители признака. Сложность их установления и наличие вариантов также свидетельствуют о неоднозначном понимании СД на *-изм*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведенный нами анализ позволил сделать общий вывод, что функция синтаксического деривата характерна для подавляющего большинства отадективных существительных с суффиксом *-ость* в современном русском языке, зафиксированных в использованном Словаре и Корпусе текстов.

В ходе исследования был рассмотрен ряд общих вопросов, касающихся номинализации адъективов. В результате были выявлены и проанализированы такие проблемы, как границы и типы номинализации; основные типы употреблений синтаксических дериватов; состав лексических значений, регулярно сопровождающих функцию номинализации адъективов; словообразовательные механизмы образования таких “вторичных” значений.

Проведенный анализ этих проблем послужил основой для решения поставленных в работе конкретных задач, таких как изучение способа описания средств отадективных номинализаторов в русских словарях; определение основного состава таких средств на основе их извлечения из ТСШ; примерная оценка количества чистых синтаксических дериватов среди слов на *-ость* (по данным ТСШ); анализ регулярной многозначности у слов на *-ость* (на материале толкований ТСШ); определение состава слов на *-ость* и *-изм* путем анализа их употреблений в газетных текстах (на материале корпуса текстов «Русские газеты конца XX века»); проведение контекстуального анализа с целью выявления у слова функции синтаксического деривата (на примере слова *реальность*) и др.

На основе проведенного исследования словарных описаний было выявлено, что функция СД у отадективных существительных описана в русских толковых словарях недостаточно полно и единообразно, что имеет свои объективные причины. Представляется, что формат общеязыкового толкового словаря не позволяет в полной мере учесть функциональные особенности текстов разного типа, а для синтаксических дериватов это очень важно. Поэтому необходимо создавать словари отдельных подязыков и/или специализированные базы данных, в которых будут фиксироваться средства номинализации. Это невозможно сделать

без сплошного анализа текстов разного типа на предмет определения состава используемых в них синтаксических дериватов, т.е. без корпусных исследований. Как показало проведенное исследование употреблений слов на *-ость* и *-изм*, при таком анализе можно использовать в качестве диагностического контекст с зависимым существительным в Р.п. со значением носителя признака. Он позволяет с достаточной степенью точности выявлять лексические единицы, способные выступать в функции синтаксического деривата.

Наше исследование также показало, что даже у такого регулярного средства номинализации, как суффикс *-ость*, представлена регулярная многозначность, связанная с действием в русской словообразовательной системе двух особых механизмов. Первый из них — расширение значения мотивирующей единицы: из исходного адъектива устраняется сема ‘*magn*’ и транспозиция осложняется модификацией. В результате возникает значение параметрического типа. Второй механизм аналогичен универбализации, при которой сочетание “признак+его носитель” получает возможность именоваться именем признака, с опущением имени носителя. В результате такой компрессии возникают значения типа “носитель признака”. Идентичную трехчленную структуру многозначности, как показал анализ, имеют как русские слова на *-ость*, так и слова на *-изм*, способные обозначать качество. Однако у слов основного типа – на *-ость*, состав именуемых носителей признака гораздо шире, чем у слов на *-изм*.

Слова на *-изм* имеют и еще одну особенность – они обладают меньшей формальной сложностью, чем соотносительные с ними прилагательные на *-ический//-ичный* и часто описываются как производящие для прилагательных. Словообразовательно они часто связаны с существительным. Однако с функциональной точки зрения они также регулярно используются в СРЛЯ со значением качества, т.е. для номинализации адъективного значения. Эта функция осложняется у них, в силу регулярной мотивации существительным, еще одной важной дополнительной функцией: функцией семантической декомпозиции

исходного заимствованного имени (прежде всего имени лица), извлечения из него качественной семы и ее отдельного наименования (лексической экспликации).

Полученные нами результаты могут служить основой и материалом для создания баз лексикографических данных, предназначенных для автоматического лингвистического анализа текста.

Номинализация адъективов в русском языке – важный и регулярный процесс. Несмотря на наличие достаточно регулярного словообразовательного средства (суффикс *-ость*), он сопровождается семантическими осложнениями, конкуренцией словообразовательных средств, появлением новых единиц, различием состава в текстах разного типа. Поскольку этот состав изменчив и исторически обусловлен, желателен постоянный мониторинг текстов для выявления номинализаций от адъективов. Это будет способствовать как развитию автоматического анализа и синтеза текстов на русском языке, так и обучению иностранцев русскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и учебная литература

1. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учеб. пособие / Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017.
2. Адамец П.О. Семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Филологические науки. 1973. № 4. С. 40–47.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1: Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995.
4. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря: монография. Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2010.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Москва: Наука, 1988.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: URSS, 2009.
7. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования. На материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007.
8. Бабич С.Г. Изменение семантической структуры деривата в процессе словообразования // Русское языкознание. Вып. 22. С. 123–127.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с фр. Изд. 3. М.: URSS, 2009.
10. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: URSS, 2017.
11. Бартошевич А. Суффиксальное словообразование существительных в русском языке новейшей эпохи (на материале новообразований после 1940 г.). Познань: Изд-во ун-та им. Адама Мицкевича, 1970.
12. Баяндина Н.А. К истории имен существительных с суффиксом *-ость* в русском литературном языке XVIII – первой четверти XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.

13. Белова Н.В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и ее семантико-коммуникативный потенциал: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
14. Белошапкова В.А., Брызгунова Е. А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. М.: URSS. 2010.
16. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. М.: URSS, 2019.
17. Болдина О.П. Экспериментально-теоретическое исследование семантического расстояния деривационно связанных слов в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Бийск, 2006.
18. Волков В.В. Деадъективное словообразование в русском языке. Ужгород, 1993.
19. Борисенкова Л.М. К вопросу о когнитологическом аспекте словообразования // Человек на рубеже тысячелетий (проблемы философского и научного познания). Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск: СГУ, 2000. С. 17–21.
20. Борисенкова Л.М. К вопросу о языковой экономии в организации текста // Пятые Поливановские чтения. Сборник статей. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 91–99.
21. Борисенкова Л.М. Отглагольные субстантивные композиты как средство информационного обогащения текста // IV Кирилло-Мефодиевские чтения Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск: СГУ, 1998. С. 88–91.
22. Борисенкова Л.М. Полипредикативизация высказывания как текстообразующий фактор // Российская цивилизация: истоки, сущность, трансформации Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск: СГУ, 1999. С. 52–56.
23. Борисенкова Л.М. Семантическая структура синтаксических дериватов (на материале современного немецкого языка) // Разноуровневые характеристики

лексических единиц. Материалы межвузовской конференции. Смоленск: СГПУ, 1999. С. 83–88.

24. Васильева В.Ф. «Чистая» транспозиция и редистрибуция содержания транспонированной лексемы (на материале деадъективных существительных в русском и чешском языках) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30.

25. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986.

26. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999.

27. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

28. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

29. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1959.

30. Винокур Г.О. Русский язык: Исторический очерк. М.: URSS, 2010.

31. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998.

32. Гаспаров Б. М. Употребление кратких и полных форм прилагательных (к вопросу о природе грамматических значений) // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Тарту, 1997. Вып. 1. С. 38–70.

33. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979.

34. Голанова Е.И. Словообразовательные средства, выражающие категорию отвлеченности в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.

35. Голубева В.К. О синтаксической деривации в области устойчивых сочетаний // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023. 1. С. 43–58.

36. Гращенков П.В. Номинализации и семантико-синтаксический интерфейс // Исследования по глагольной деривации : сб. ст. / отв. ред. В. А. Плуноян, С. Г. Татевосов. М., 2008. С. 171–231.
37. Гращенков П.В., Кобозева И.М. Семантические классы и управление прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во РГГУ, 2017, С. 134–149.
38. Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. Рема. 2018. № 4. С. 9–33.
39. Грудева Е.В., Иванова И.А. Существительные с формантом *-изм* как показатель ключевых тем эпохи (на материале газетного подкорпуса НКРЯ) // Вестник Череповецкого государственного университета 2013. № 3. Т. 1. С. 71–74.
40. Доценко Т.И. Осознание и объяснение синтаксических дериватов в речевой деятельности: Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1984.
41. Евсеева И.В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход. М.: URSS. 2018.
42. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Рус. яз., 1984.
43. Ермакова О.П. Проблема лексической семантики производных и членимых слов. М., 1977.
44. Есперсен О. Философия грамматики: Перевод с английского / Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ильиша. М.: издательство иностранной литературы, 1958.
45. Жирмунский В.М. Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
46. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
47. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. СПб.: СПбГУ, 2005.

48. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Язык русской культуры, 2000. С. 90–140.
49. Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании// Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978.
50. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
51. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Либроком, 2009.
52. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004.
53. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 1998.
54. Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976.
55. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
56. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
57. Ирисханова О.К. Отглагольные номинализации в дискурсе // Славистика: синхрония и диахрония : сб. науч. ст. к 70-летию И. С. Улукханова / под общ. ред. В. Б. Крысько. М., 2006.
58. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 15–18.
59. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. М.: URSS. 2018.
60. Ким Л.Л. О понятии «тождество лексических значений» в синхронном словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент, 1975.

61. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент, 1978.
62. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: ЛЕНАНД, 2019.
63. Колшанский Г.В. Контекстуальная семантика. / Отв. ред. Ю.С. Степанов. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2020.
64. Комри Б. Номинализация в русском языке: словарно задаваемые именные группы или трансформированные предложения? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15: Современная зарубежная русистика. С. 39–53.
65. Космарская И. В. О конструкциях с именем действия в позиции подлежащего // Сб. тр. IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2010.
66. Косых Е.А. Русская ономазиология. Учебное пособие. Барнаул. ФГБОУ ВО «АлтГПУ», 2016.
67. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания, 1974, No 5, С. 64-76.
68. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1998. С. 45–51.
69. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М.: URRS, 2016.
70. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: URRS, 2018.
71. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом аспекте. М.: Наука, 1978.
72. Кубрякова Е.С. Языковая номинация (виды наименования). М.: Наука, 1977.
73. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

74. Кукушкина О.В. Морфонология современного русского литературного языка. М.: МГУ, 2016.
75. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. Сборник статей. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С.57-70.
76. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: URRS, 2016.
77. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.: Издательство академии наук СССР, 1952.
78. Ломтев Т.П. Из истории синтаксиса русского языка. М.: URSS. 2019.
79. Лукичева-Наврость Е.В. Существительные со значением отвлеченного качества в русском языке (на материале имен на -ость). // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 2(36). С. 75–80.
80. Мелех Н.Н. Проникновение терминологических единиц в общеупотребительную лексику (экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и русских текстов): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.
81. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II: Пер. с фр. / Под общей ред. Н.В. Перцова и Е.Н. Саввиной – Москва – Вена: «Язык русской культуры», Венский славистический альманах, 1998.
82. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том IV: Пер. с фр. / Под общей ред. Н.В. Перцова – Москва – Вена: «Язык русской культуры», Венский славистический альманах, 2001.
83. Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1968. Вып 5. С. 426–438.
84. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка : пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1974.

85. Мусатов В.Н. Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке: монография. 2-е изд. М.: Флинта, 2014.
86. Мусатов В.Н. Словообразовательная полисемия отглагольных существительных с нулевым суффиксом - синтаксических дериватов проспозиционного типа. Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. с. 339–341.
87. Мурясов Р.З., Самигуллина А.С. От вещи к символу: категории, которыми мы мыслим // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. №1. С. 53-62.
88. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: изд. МГУ, 1980.
89. Намитокова Р.Ю. Когнитивный анализ абстрактных имен - авторских новообразований в поэтической речи: семантика и сочетаемость // Вестник адыгейского государственного университета. серия 2: филология и искусствоведение. 2013. № 3 (126). с. 76–82.
90. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983.
91. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М.: URSS. 2020.
92. Николаев И.С., Митренина О.В., Ландо Т.М. (Ред.). Прикладная и компьютерная лингвистика. М.: URSS. 2017.
93. Ольшанский И.Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка). М.: 1996.
94. Осильбекова Д.А. Полисемия суффиксов имён действия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, No 6 (2), 299–302.
95. Падучева Е.В. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // Научно-техническая информатика. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1991. No 5. С. 21–29.

96. Падучева Е.В. Предикатные имена в лексикографическом аспекте // Статьи разных лет Москва: Языки славянской культуры, 2009.
97. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
98. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.
99. Пазельская А.Г. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С.72–90.
100. Пазельская А.Г. Модели деривации и синтаксическая позиция отглагольных существительных по корпусным данным // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог-2009». М., 2009. Вып. 8 (15). С. 373–378.
101. Пазельская А.Г. Модели деривации отглагольных существительных: взгляд из корпуса // Киселева К.Л., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Татесов С.Г. (ред.) Корпусная грамматика русского языка. М.: ИМЛИ РАН, в печати.
102. Пазельская А.Г. Образование отглагольных существительных и актантные преобразования в РЯ // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст : сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М., 2008. С. 634–645.
103. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007.
104. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956.
105. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: URSS, 2016.
106. Полтавский П.Х. Синтаксическая деривация в аспекте современных лингвистических исследований. // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2012, № 2. С. 107–116.

107. Попова Т.Н. Словообразовательная семантика имен на *-ость* в русском диалектном словопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 260–267.

108. Потапова Р.К. Речь: Коммуникация, информация, кибернетика. М.: URSS. 2020.

109. Проблемы описания словообразовательных гнезд [коллектив. монография] / [редкол.: Н.А. Николина (отв. ред.), Л. В. Рацибурская, И. А. Ширшов]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т. М.: Прометей, 2005.

110. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000.

111. Рахилина Е. В. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М., 2009. С. 420–425.

112. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996.

113. Розина Р. И. Номинализации в разговорной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2008». М., 2008. Вып. 7 (14). С. 449–452.

114. Руделев В. Г. Существительное в русском языке : учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1979.

115. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

116. Самсонов В.В. Номинализация как синтаксическое явление и ее отражение в толковых словарях русского и польского языков // Вестник ИРЯиК МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика, 2014. № 1. С. 19–24.

117. Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс. В кн.: Проблемы слова и предложения, Пермь, 1974, С.3-29.

118. Сахарный Л.В., Доценко Т.И. Толкование производного слова как тип коммуникативной номинации. В кн.; Лингвистика и модели речевого поведения. Л., ЛГУ, 1984, С.27-35.

119. Семенова С.Ю. Параметризация как метод познания и как языковой механизм // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 466–476.

120. Семенова С.Ю. О компьютерной лексикографии: семантика и тезаурусные связи в прикладных словарях // Теория и практика общественно-научной информации. 2002 (18). С. 88–108.

121. Семенова С.Ю. Русское имя параметра: метафорические и метонимические процессы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 568–577.

122. Сердобольская Н.В. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // Исследования по глагольной деривации / под ред. В. А. Плунгяна, С. Г. Татевосова. М., 2008. С. 314–347.

123. Сеше А. Очерк логической структуры предложения. Пер. с фр. М.: URSS, 2021.

124. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М.: Наука, 1985.

125. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30-90-е годы XIX века. М.: Наука, 1965.

126. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М.: URSS. 2021.

127. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

128. Суник О.П. Общая теория частей речи. М.: URSS, 2010.

129. Татевосов С.Г. Номинализация и проблема непрямого доступа // Динамические модели: слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008.

130. Ташлыкова М.Б. О качествах и свойствах имен качеств и свойств // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Иркутск, 2003. С. 174–184.

131. Ташлыкова М.Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013.

132. Ташлыкова М.Б. Семантический потенциал синтаксического деривата (на материале отвлеченного имени качества) // Материалы международной научно-методической конференции «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы». Ч. I. Иркутск, 2001.

133. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.

134. Турдаков Д.Ю. Методы и программные средства разрешения лексической многозначности терминов на основе сетей документов : Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

135. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: URRS, 2019.

136. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: URSS. 2019.

137. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: URRS, 2019.

138. Улуханов И.С. Словообразовательные отношения между частями речи // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 101–110.

139. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопр. языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.

140. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. М.: URSS, 2019.

141. Хохлачева В.Н. Проблема словообразовательного значения // Грамматика и норма. М.: Наука, 1977.
142. Цзя Хуа Чжан. Аспектуальные семантические компоненты в значении имен существительных в русском языке // Вопр. языкознания. 2007. № 1. С. 27–43.
143. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997.
144. Шанский Н.М. О происхождении и продуктивности суф. *-ость* в русском языке // Вопросы истории русского языка. М.: МГУ, 1959. С. 104-132.
145. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология : учеб. пособие по проблеме взаимодействия лексики и грамматики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001.
146. Шарафутдинов Д.Р. К построению продуктивно-грамматической модели номинализаций в русском языке // Известия Уральского государственного университета. 2004. N 33. С. 25-33.
147. Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. 1996. № 1. С. 55-66.
148. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: URSS. 2017.
149. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.
150. Babby Leonard H. Nominalization, Passivization and Causativization. Evidence from Russian. Die Welt Slaven XLII, 201-205, 1997.
151. Billig M. The language of critical discourse analysis: The case of nominalization[J]. Discourse & Society, 2008, 19(6): 783-800.
152. Chomsky N. Remarks on nominalization[M]. Linguistics Club, Indiana University, 1968.
153. Comrie B, Thompson S A. Lexical nominalization[J]. Language typology and syntactic description, 1985, 3: 349-398.

154. Deutscher G, Givón T, Shibatani M. Nominalization and the origin of subordination[J]. *Syntactic Complexity*, 2009: 199-214. Jussi Kurunmäki & Jani Marjanen (2018) A rhetorical view of isms: an introduction, *Journal of Political Ideologies*, 23:3, 241–255.
155. Dokulil M. *Teorie odvozovani slov*. Praha, 1962.
156. Hamm F, van Lambalgen M. Formal foundations for semantic theories of nominalisation[J]. *ZAS Papers in Linguistics*, 2002, 27: 1-21.
157. Heyvaert L. A cognitive-functional approach to nominalization in English // *A Cognitive-Functional Approach to Nominalization in English*. De Gruyter Mouton, 2015.
158. Heyvaert L. Nominalization as grammatical metaphor[J]. *Grammatical metaphor: Views from systemic functional linguistics*, 2003: 65-101.
159. Li L, Yang T. A Cognitive Study of Nominalization in Mandarin // *Journal of Literature and Art Studies*, 2020, 10(9): 835–847.
160. Mel'čuk, I., Polguère, A. Theory and practice of lexicographic definition. *Journal of Cognitive Science*, 2018, 19(4), pp. 417–470.
161. *Nominalization in Asian languages: Diachronic and typological perspectives*[M]. John Benjamins Publishing, 2011.
162. Shibatani M. What is nominalization? Towards the theoretical foundations of nominalization[J]. *Nominalization in languages of the Americas*, 2019, 124: 15.
163. Scheffler T. *Nominalization in German*[J]. Unpublished Manuscript, University of Pennsylvania, 2005.
164. Tesnière L. *Éléments de Syntaxe Structurale*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959.
165. Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N.Y. Cornell UP, 1967.
166. Yap FH, Grunow-Harsta K., Wrona J. *Nominalizations in Asian Languages. Diachronic and Typological Perspectives*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.
167. 胡裕树, 范晓. 动词形容词的“名物化”和“名词化”. *中国语文*, 1994 (2): 81-85.

168. 石定栩. 名词和名词性成分. 北京: 北京大学出版社, 2011.
169. 完权. “的”的性质与功能. 北京: 商务印书馆, 2018.
170. 王晋军. 名词化在语篇类型中的体现. 外语学刊, 2003 (2): 74-78.
171. 朱德熙. 自指和转指——汉语名词化标记“的, 者, 所, 之”的语法功能和语义功能. 方言, 1983 (1): 16-31.
172. 朱永生. 名词化, 动词化与语法隐喻. 外语教学与研究, 2006, 38(2): 83-90.

Словари и Интернет-ресурсы

173. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS. 2020. 576 с.
174. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.
175. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
176. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
177. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ, 2006.
178. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996.
179. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1980.
180. Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
181. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

182. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
183. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1985.
184. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, Астрель, 2003.
185. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Дом Славянской книги, 2017.
186. Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова. М.: Мир и образование: Оникс, 2012.
187. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.
188. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. СПб: Астрель. 2004.
189. Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>

ПРИЛОЖЕНИЕ. Слова с суффиксом *-изм* с из Газетного корпуса, у которых зафиксирована функция СД

1. авантюризм
2. артистизм
3. аскетизм
4. героизм
5. глобализм
6. догматизм
7. драматизм
8. идиотизм
9. историзм
10. кретинизм
11. монополизм
12. оптимизм
13. патриотизм
14. пессимизм
15. плюрализм
16. популизм
17. профессионализм
18. радикализм
19. реализм
20. скептицизм
21. субъективизм
22. цинизм
23. эгоизм
24. антидемократизм
25. антисемитизм
26. большевизм
27. вандализм

28. гангстеризм
29. гедонизм
30. гигантизм
31. либерализм
32. мазохизм
33. монархизм
34. мондиализм
35. монизм
36. морфинизм
37. наркотизм
38. оппортунизм
39. популизм
40. протекционизм
41. расизм
42. сепаратизм
43. феминизм